

ИРВИН ШОУ

ЛЮСИ КРАУН

7/2 95-1870
26/EE 94-110
16/11-97-55
19/11 94-15
4/11 95 919
14/11-98 48
12/11 98 11

И
Ш-81

952

45
13.
-210

Ирвин Шоу
Доси Краун

Диспершизад и
ушлон
Ушлон шилла
Ярокки

И
11181

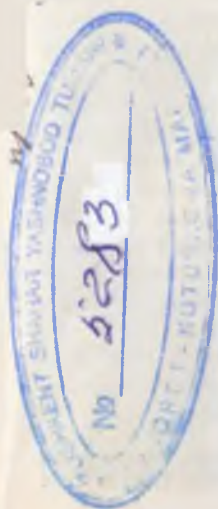
Б.О.

ИРВИН ШОУ

ЛЮСИ КРАУН

РОМАН

РАССКАЗЫ

Издательство «Хорт»

Москва 1991

ББК 84.7. США
Ш81

IRWIN SHAW
LUCY CROWN

1956

*Перевод с английского
А. Герасимова*

*Художник
Г. Бойко*

III 4703000000-001
Б89(03)-91 подписное

ISBN 5-87054-001-1(Т.1)
ISBN 5-87054-020-8

© Составление, оформление
издательство «Хорт» 1991

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В то время во многих барах и ночных клубах города звучала песня: «Я люблю Париж весенний, я люблю Париж осенний...». Это было в июле, в два часа ночи, когда бутылка шампанского подавалась за восемь тысяч франков, и певцы изо всех сил старались убедить туристов в том, что Париж стоит этих денег.

Негр с широким лицом гарлемского трудяги пел, сидя у желтоватого пианино в глубине длинной узкой комнаты. В дверях бара появилась женщина. Громкая музыка и нескромные взгляды сидящих у стойки заставили ее остановиться в нерешительности у входа. Хозяин бара, угадав в превосходно одетой и трезвой посетительнице американку, улыбаясь, вышел ей навстречу.

— Добрый вечер, — произнес он.

Хозяин говорил по-английски — бар его паходился в восьмом районе, и американцы составляли значительную часть его клиентуры, особенно летом.

— Мадам одна?

— Да, — ответила женщина.

— Сидете у стойки или за столиком?

Женщина быстро оглядела стойку. Там расположились четверо мужчин разных возрастов — двое из них беззастенчиво разглядывали посетительницу, и девушка с длинными золотистыми волосами, которая говорила соседу: «Чарли, дорогой, повторяю четвертый раз — сегодня я уйду с Джорджем».

— За столиком, если можно, — сказала женщина.

Хозяин повел ее в центр комнаты, на ходу оценивая посетительницу наметанным глазом. Он решил усадить ее рядом с тремя другими американцами, двумя мужчинами и женщиной, немного шумными, но приличными людьми, которые все время заказывали пианисту «Леди из Сент-Луиса». Поскольку женщина пришла одна, а время было позднее, и американцы не владели французским, у них вполне могло возникнуть желание угостить даму.

Готов поспорить, в молодости она была педурна, подумал хозяин. И сейчас очень хороша. Натуральная блондинка с крупными нежными серыми глазами. Почти без

морщинок. Умеет одеваться и преподносить себя. Длинные ноги. Обручальное кольцо, но пришла одна. Видно, муж пал жертвой *tourisme*¹ и переедания и свалился в гостинице, а жена полна энергии и жаждет подлинного Парижа, а может быть, и пикантного приключения, на которое она уже не может рассчитывать у себя дома, на американском Среднем Западе.

Хозяин подвинул столик для гостьи, с одобрением рассматривая прямые плечи, крепкую шею и грудь, элегантное, хорошо сшитое черное платье, приятную, почти девичью благодарную улыбку, с которой садилась женщина. Он пересмотрел свою первую оценку. На вид не старше сорока трех — сорока четырех, подумал он. Возможно, приехала без мужа. Деловая женщина — таких немало среди американок. Вся жизнь в разъездах, перелетах, интервью, и при этом в любых обстоятельствах всегда причесана волосок к волоску.

— Полбутылки шампанского, мадам? — спросил хозяин.

— Нет, благодарю.

Хозяину понравился тембр ее голоса. У него был топкий слух, и часто американская и английская речь резала ему ухо. Голос женщины звучал негромко, мелодично и естественно.

— Пожалуйста, только бутерброд с ветчиной и бутылку пива.

Хозяин поднял брови, изобразив на лице удивление, даже некоторое недовольство.

— Понимаете, мадам, у нас установлена минимальная плата за заказ, которая включает в себя стоимость нескольких напитков, поэтому я предложил бы...

— Нет, спасибо, — решительно отказалась женщина. — В гостинице мне сказали, что у вас можно перекусить.

— Конечно, конечно. У нас есть *specialite*² — луковый суп с грепками, приготовленный...

— Спасибо, мне один бутерброд.

Хозяин пожал плечами, слегка поклонился, отдал заказ официанту и вернулся на свое место за стойкой. «Неужели она пришла сюда в такой час ради бутерброда с ветчиной?» — подумал он.

В промежутках между приемом новых посетителей и проводами уходящих он посматривал на нее. Одинокие

¹ Здесь: осмотр достопримечательностей (*фр.*). *Здесь и далее прим. пер.*

² Фирменное блюдо (*фр.*).

женщины появлялись в его баре в два часа почти не первый раз, и почти всегда он знал, что им надо. Это были алкоголички, у которых уже не осталось денег на выпивку, необузданные молодые американки, хватающие от жизни все, что попадется под руку — до тех пор, пока папа не отберет у них чековую книжку и не посадит на корабль; попадались среди них разведенные, живущие на алименты женщины, которые ежеминутно ощущали приближение старости — эти боялись возвращаться вечером одни в свои гостиничные номера из-за соблазна самоубийства. Почтой клуб, конечно, должен бурлить разгульной жизнью, и хозяин делал все, что мог для поддержания видимости, но оп-то знал цену этому веселью.

Женщина неторопливо жевала бутерброд, запивая пивом; она, конечно, не походила ни на буйную молодую американку, ни на алкоголичку и, судя по одежде, отнюдь не перебивалась алиментами. Если она и была одинока, то не показывала это. Хозяин увидел, что американцы повернулись и, как он и предполагал, заговорили с ней; они старались перекрычать музыку, но она вежливо улыбнулась и покачала головой, отказываясь от какого-то их предложения, и они оставили ее в покое.

Ночь тянулась медленно, и у хозяина было время размышлять об этой женщине. Она слушала пение, откинувшись в кресле, а он, изучая ее сквозь завесу сигаретного дыма, вспоминал двух женщин, которые, как он понимал с самого начала, были для него слишком хороши. Женщины тоже знали это, и поэтому хозяин думал о них с романтической грустью и посылал последней из них, вышедшей замуж за полковника французских ВВС, цветы ко дню рожденья. У нее редкое сочетание мягкости и уверенности в себе, подумал хозяин. Почему она не зашла сюда десять лет тому назад?

Затем ему пришлось выйти на кухню. Проходя мимо столика американки, хозяин улыбнулся ей; она ответила ему, и он обратил внимание на белизну ее слегка неровных зубов и свежесть кожи. В дверях кухни он удивленно покачал головой, подумав: «И как такую женщину запелось в мою дыру?» Он решил на обратном пути остановиться у ее столика, угостить и попытаться выяснить это.

Вернувшись с кухни, он увидел, что двое американцев перебрались из угла комнаты к ее столику; они оживленно разговаривали, женщина улыбалась то одному, то другому. Иногда, обращаясь к более симпатичному юноше, она касалась пальцами его руки.

Хозяин прошел мимо. С ней все ясно, подумал он. Любит молодых. Ему показалось, будто его предали, осквернив воспоминания о двух женщинах, которые были слишком хороши для него.

Вернувшись за стойку, он старался больше не смотреть на женщину. Студенты, подумал он. И один к тому же в очках. Всех коротко остриженных американцев моложе тридцати пяти хозяин считал студентами, но эти — долговязые, тощие, с руками и ногами вдвое большими, чем у любого француза, казались самыми истинными, неподдельными представителями. Мягкая и уверенная в себе, подумал он, обманутый первым впечатлением. Черта с два.

На полчаса хозяин отвлекся от своих мыслей, встречая и провожая многочисленных посетителей. Затем наступила небольшая передышка, и он снова посмотрел на женщину. Она по-прежнему сидела с молодежью, парни болтали, не умолкая, но американка уже не слушала их. Подавшись вперед, она внимательно смотрела в направлении стойки. Сначала хозяину показалось, что она наблюдает за ним, и он чуть улыбнулся — вежливый знак симпатии. Не увидев ответа на лице женщины, он понял, что она смотрит не на него, а на человека, сидящего за стойкой.

Хозяин бросил взгляд на мужчину и подумал с легкой горечью: «Ну, конечно». Это был американец по фамилии Краун — молодой человек лет тридцати, с тронутыми сединой волосами, высокий, но не чрезмерно, как те двое. В его крупных серых глазах с густыми черными ресницами застыла настороженность, а пухлые причудливо изогнутые губы выдавали досадное безволие их обладателя, источник многих бед. Хозяин знал его, как и сотню других людей, которые заходили в бар несколько раз в неделю. Хозяин помнил, что Краун живет неподалеку, что в Париже он уже давно, и заходит выпить обычно поздней ночью, один. Пил он мало, не больше двух рюмок виски, хорошо говорил по-французски; женщины постоянно засматривались на него, но это не вызывало у Крауна излишнего самодовольства.

Хозяин подошел к Крауну и поздоровался с ним за руку, обратив внимание на его загар.

— Добрый вечер, — сказал он. — Давненько вас не видел. Где пропадали?

— В Испании, — ответил Краун. — Я вернулся три дня назад.

— А, вот откуда такой загар,— сказал хозяин и огорченно коснулся своей щеки.— А я совсем зеленый.

— Самый подходящий цвет для ночного клуба. Не расстраивайтесь,— серьезно сказал Краун.— Клиенты чувствовали бы себя здесь неуютно, если бы на ваших щеках горел румянец. Они заподозрили бы что-то целадное.

Хозяин рассмеялся.

— Может, вы и правы. Позвольте вас угостить,— сказал он и махнул рукой бармену.

— В этом заведении действительно есть что-то подорительное,— сказал Краун.— Смотрите, как бы кто-нибудь не донес в полицию, что вы угощаете американца.

Да, сегодня он уже изрядно принял, подумал хозяин и сделал бармену знак глазами, чтобы тот приготовил что-нибудь послабее.

— Вы ездили в Испанию по делам? — спросил хозяин.

— Нет,— ответил Краун.

— За удовольствиями?

— Нет.

Хозяин заговорщически улыбнулся.

— Женщина...

Краун усмехнулся.

— Люблю беседовать с вами, Жац,— сказал он.— Как это мудро — отделить женщину от удовольствий.— Он покачал головой.— Нет, женщина тут ни при чем. Я ездил туда потому, что не знаю испанского. Хотелось немного подзарядиться, а нигде так не зарядишься, как там, где ты не понимаешь никого, и никто не понимает тебя.

— Многие туда ездят,— согласился хозяин.— Сейчас Испания всем нравится.

— Конечно,— сказал Краун, потягивая напиток.— Бедная, плохо управляемая страна с малочисленным населением. Как ее не любить?

— Вы шутник, мистер Краун.

Краун серьезно кивнул головой.

— Да уж,— сказал он, опустошил бокал и положил пятьтысячефранковую купюру за выпитое им до того, как хозяин подошел к нему.

— Если у меня когда-нибудь будет бар, приходите, Жац, я тоже угощу вас.

Пока американец ждал сдачу, хозяин оглядел компоту и увидел, что женщина, сидящая со студентами, пристально смотрит на Крауна.

Этот не про вашу честь, злорадно подумал хозяин. Держитесь своих студентов.

Он проводил Крауна до двери и вышел на улицу глотнуть свежего воздуха. Краун постоял минуту, разглядывая здания, темнеющие на фоне звездного неба.

— Когда я учился в колледже,— сказал он,— я думал, что Париж — город радости.

Он повернулся к хозяину и пожал ему руку на прощание.

Вдыхая прохладный воздух, хозяин смотрел вслед медленно удаляющемуся по безлюдной улице Крауну. Американец, взрывая безмолвие спящего города гулким постукиванием своих каблуков, казался хозяину грустным, терзаемым сомнениями человеком. Странное сейчас время, подумал хозяин, глядя вслед уменьшающейся фигуре, попавшей в отсвет уличного фонаря. Плохое время для одинокого человека. Интересно, как бы выглядел сейчас Краун на улице в Америке.

Хозяин вернулся в бар и недовольно нахмурился, ощутив густоту табачного дыма. Пройдя за стойку, он увидел, что женщина встала и стремительно направилась к нему, оставив студентов в растерянности и недоумении.

— Не могли бы вы помочь мне? — сказала она.

Ее голос звучал напряженно, он словно неохотно подчинялся ей, лицо казалось безжизненным и возбужденным одновременно — ночь оставила на нем свою печать.

Я ошибся, подумал хозяин, вежливо улыбаясь. Ей уже порядком за сорок пять.

— К вашим услугам, мадам.

— Тот человек, что стоял здесь,— сказала женщина.— Вы с ним вышли...

— Да?

Хозяин посмотрел на нее пастороженно, выжидательно; господи, в ее-то возрасте, подумал он.

— Не знаете, как его зовут?

— Хм... дайте вспомнить.

Желая помучить ее, хозяин сделал вид, будто вспоминает, возмущенный этим явным и непристойным преследованием, оскорбляющим память тех двух его женщин.

— Кажется, знаю,— сказал он.— Краун. Тони Краун.

Женщина закрыла глаза и схватилась за стойку, словно боялась упасть. Пораженный хозяин увидел, как она открыла глаза и легким нетерпеливым движением оттолкнулась от бара.

— Вам известно, где он живет? — спросила женщина.

Его голос звучал теперь спокойно, и ховини с удивлением почувствовал: если он скажет — нет, женщина испытает облегчение.

Он пожал плечами и дал адрес. Учить людей правилам хорошего тона не входит в его обязанности. Он содержит бирю и, значит, должен заботиться о том, чтобы клиенты оставались довольны. Если для этого нужно сообщить стареющей женщине адрес молодого человека — что ж, это их дело.

— Вот, — сказал он, — я вам запишу.

Он набросал адрес на листке и вырвал его из блокнота. Она взяла бумажку, и он заметил по вибрации листка, что руки у нее дрожат.

И тут он не смог удержаться, чтобы не сказать гадость.

— Разрешите дать вам совет, мадам, — прежде позвоните. А еще лучше, напишите. Мистер Краун женат. На очаровательной девушке.

Женщина посмотрела на него так, словно не поверила своим ушам. Затем она рассмеялась — легко, непринужденно, музыкально.

— Глухой вы человек. Это мой сын.

Она сложила листок, внимательно посмотрев на него, и спрятала адрес в сумочку.

— Спасибо, — сказала она. — Всего хорошего. Счет я уже оплатила.

Он поклонился и проводил ее взглядом, чувствуя себя болваном.

Американцы, подумал он, самые загадочные люди на земле.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Заглядывая в прошлое, мы отыскиваем тот поворотный момент, когда русло нашей жизни повернуло в сторону, момент начала необратимого движения в новом направлении. Перемена может быть следствием целенаправленных действий или случайной; мы оставляем за спиной счастье или горе, устремляемся к новому счастью или же к еще большему горю, но пути назад нет. Это может быть миг, когда вы чуть-чуть повернули руль автомобиля, переглянулись с кем-то, произнесли фразу; это может быть длинный день, неделя или сезон мучительных сомнений, когда руль многократно поворачивается из стороны в сторону, и незначительные в отдельности события накладываются одно на другое.

Для Люси Краун это было лето.

Оно начиналось, как любое другое.

По округе разносился стук молотков — дачники затягивали окна сетками от насекомых, и на воду для удобства первых купальщиков спускались плоты. В спортивном лагере, разбитом на берегу озера, пропальывали бейсбольную площадку, каноэ размещались на стойках, а на флагиштоке перед столовой водружали новый позолоченный мяч. Владельцы двух гостиниц в мае заново покрасили здания — шел 1937-й год, и даже в Вермонте казалось, что Великая депрессия осталась позади.

В конце июня, когда Крауны — Оливер, Люси и Тони, которому в то лето исполнилось тринадцать лет, — выехали на дачу, арендуемую второй год подряд, они сразу погрузились в радостную атмосферу предпраздничного ожидания, царившую на озере. Радость обостряло и то обстоятельство, что Тони наконец-то выздоровел после тяжелой болезни.

Оливер располагал до возвращения в Хартфорд только парой педель, и он посвящал большую часть времени Тони — рыбачил с ним, плавал, гулял по лесу; он пытался, как можно деликатнее, дать сыну возможность почувствовать себя здоровым тринадцатилетним подростком, не превышая уровень нагрузок, установленный для Тони семейным врачом Сэмом Паттерсоном.

И вот эти две недели подошли к концу. В воскресенье чемодан с вещами Оливера уже стоял на веранде коттеджа. Вокруг озера сновали автомобили — отяжелевшие после воскресного обеда мужья, жмурясь от солнца, садились в машины, чтобы вернуться в город, где они работали; согласно американской традиции самые длинные капикулы у тех, кто в них меньше всего нуждается.

Оливер и Паттерсон расположились в полотняных шезлонгах на лужайке под кленом, лицом к воде. В руках они держали бокалы с виски, разбавленным содовой, и время от времени покачивали их, наслаждаясь позвякивающим льдинок о стекло.

Мужчины выделялись высоким ростом, их объединяло одинаковое социальное положение и уровень образования, но они заметно разнились характерами. Атлетически сложенный Оливер был быстр, точен и энергичен в движениях. Паттерсон, похоже, уделял недостаточно внимания своему физическому состоянию. Его сутулость казалась естественной, и даже когда он сидел, вас не отпускало ощущение, что ходит он слегка сгорбившись. Тяже-

эти лениво веки постоянно прикрывали его глаза, из уголков которых исходили морщинки, порожденные сменой. Брови у него были густые, нависающие, непокорные, а полосы — жесткие, неровно постриженные, изрядно тронутые сединой. Оливер, превосходно знавший Паттерсона, сказал как-то Люси, что, вероятно, однажды Паттерсон посмотрел на себя в зеркало и трезво рассудил, что он может остаться заурядно красивым, как актер на вторые роли, или же немного распуснуться и смириться с интересной проседью. «Сэм — умный человек, — одобрительно говорил Оливер, — он выбрал седину».

Оливер уже ошелел для города. Он был в костюме из легкой полосатой ткани и голубой рубашке; его голова взросла, потому что, находясь в отпуске, он не утруждал себя хождением к парикмахеру; за время, проведенное на озере, он покрылся ровным загаром. Глядя на него, Паттерсон подумал, что сейчас, когда благотворное двухнедельное воздействие природы на организм оттеняется погородскому деловым костюмом, Оливер особенно хорош. Ему следует отпустить бороду, лениво подумал Паттерсон, с ней он выглядел бы еще более впечатляюще. Он похож на человека, который занят сложным, важным и даже опасным делом, этакий командир-кавалерист армии конфедератов времен гражданской войны. Если бы при такой внешности, решил Паттерсон, я всего лишь управлял типографией, доставшейся мне по наследству от отца, и испытывал бы чувство неудовлетворенности.

Возле дальнего берега озера, где пологая гранитная скала сползала в воду, виднелись крошечные фигурки Люси и Тони, покачивающихся в маленькой лодочке. Тони удил рыбу. Люси не хотела плыть с ним из-за скорого отъезда мужа, но Оливер настоял на обычном распорядке дня — не только ради сына, но и потому, что замечал в Люси склонность придавать чрезмерное значение встречам, проводам, дням рожденья и праздникам.

Паттерсону еще предстояло зайти в гостиницу, которая находилась в двухстах метрах от коттеджа, чтобы собрать вещи и сменить вельветовые брюки и рубашку с короткими рукавами на костюм. Летний домик был тесен для гостей.

Когда Паттерсон предложил приехать на уикэнд, чтобы осмотреть Тони, избавив Люси от необходимости возвращаться для этого в Хартфорд в середине лета, Оливера тронуло такое внимание со стороны друга. Но когда Краун увидел остановившуюся в гостинице миссис Уэлс, его

благодарность убавилась. Миссис Уэлс — аппетитная брюнетка со стройной фигурой и живыми глазами, прибыла из Нью-Йорка. Паттерсон не реже двух раз в месяц находил предлоги посещать этот город без жены. Миссис Уэлс приехала в четверг, на день раньше Паттерсона, и собиралась прожить здесь до вторника. На людях Паттерсон и миссис Уэлс держались строго, без вольностей. Но Крауна, дружившего с Паттерсоном, записным любителем хорошеньких женщин, трудно было провести. Сдержанность не позволяла Оливеру произнести что-нибудь вслух на этот счет, но его признательность Паттерсону за визит в неблизкий Вермонт угасла, уступив место дружескому, хотя и циничному, любопытству.

Из спортивного городка, находившегося на другом берегу озера, в полумиле от коттеджа, донеслось негромкое пение горна. Потягивая напитки, мужчины слушали его, пока оно не замерло пад водой.

— Как архаично звучание горна, правда? — сказал Оливер и посмотрел в сторону маленькой лодочки с женой и сыном, виднеющейся возле кромки тени, которую отбрасывала гранитная скала.

— Побудка, сбор, спуск флага, отбой...

Он покачал головой.

— А еще называется — подготовка нового поколения к завтрашнему дню.

— Лучше бы они включали сирену, — сказал Паттерсон. — Всем в укрытие. Воздушная тревога. Отбой воздушной тревоги.

— Разве ты не оптимист? — добродушно спросил Оливер.

Паттерсон усмехнулся.

— В душе — да. Но мрачные доктора внушают больше доверия пациентам. Я не могу устоять перед соблазном.

Они посидели в тишине, вспоминая смолкнувшие звуки, мысленно рисуя картины старинных войн, менее жестоких, чем современные. Телескоп Тони лежал на траве возле Оливера, он лениво поднял его, поднес к глазам и навел резкость. В окуляре трубы лодка стала более крупной, отчетливой, и Оливер увидел, что Тони сматывает удочки, а Люси начинает грести к дому. На мальчике был красный свитер, несмотря на летнее солнце. Люси загорала в купальном костюме, ее шоколадная спина темнела на фоне голубовато-серого гранита. Она гребла ровно и уверенно, иногда случайно вспенивая веслами гладь озера. Мой корабль приближается к причалу, подумал Оли-

вер и улыбнулся тому, что маленькая лодочка породила в воображении торжественную картину прибытия океанского лайнера.

— Сэм,— сказал Оливер, не отрывая телескоп от глаза,— у меня к тебе просьба.

— Какая?

— Прощу тебя повторить Люси и Тони все, что ты сказал мне.

Паттерсон, казалось, дремал. Он лежал в кресле с прикрытыми глазами, уткнув подбородок в грудь и вытянув ноги.

— И Тони тоже? — пробормотал он.

— Обязательно,— сказал Оливер.

— Ты уверен, что это необходимо?

Оливер опустил телескоп и решительно кивнул головой.

— Абсолютно. Он нам полностью доверяет... пока.

— Сколько ему сейчас лет? — спросил Паттерсон.

— Тринадцать.

— Поразительно.

— Что именно?

Паттерсон усмехнулся.

— В такое-то время. Тринадцатилетний мальчик, верящий своим родителям.

— Ну, Сэм,— сказал Оливер,— теперь ты изменяешь себе ради эффектной фразы.

— Возможно,— охотно согласился Паттерсон.

Он потягивал папюток, глядя на лодку, плывущую вдаль от берега среди солнечных бликов.

— Люди всегда просят докторов сказать им правду,— произнес он.— А когда они выслушивают ее... слишком многие жалеют о своей просьбе, Оливер.

— Скажи мне, Сэм,— обратился Оливер к другу,— ты всегда говоришь правду, когда тебя просят?

— Редко. Я придерживаюсь другого принципа.

— Какого?

— Принципа щадящей целительной лжи,— пояснил Паттерсон.

— Я не верю в существование целительной лжи,— возразил Оливер.

— Ты же северянин,— сказал, улыбувшись, Паттерсон.— Не забывай, я родом из Вирджинии.

— Ты не более вирджинец, чем я.

— Положим,— сказал Паттерсон,— мой отец родом из Вирджинии. Это накладывает отпечаток.

— Где бы ни родился твой отец,— сказал Оливер,— иногда ты должен говорить правду, Сэм.

— Согласен.

— В каких случаях?

— Когда, по моему мнению, люди в состоянии ее вынести,— шутливо произнес Паттерсон.

— Тони может вынести правду,— сказал Оливер,— у него хватит мужества.

Паттерсон кивнул.

— Да, это верно. Ему ведь уже тринадцать.

Он немного отпил из бокала и поднял его, разглядывая на свет.

— А как насчет Люси? — спросил он.

— О ней не беспокойся,— уверенно сказал Оливер.

— Она того же мнения, что и ты? — поинтересовался Паттерсон.

— Нет.

Оливер сделал нетерпеливый жест.

— Ее бы воля, парень дожил бы до тридцати лет, считая, что детей находят в капусте, что люди никогда не умирают, а конституция гарантирует Энтони Краупу пожизненное всеобщее обожание.

Паттерсон усмехнулся.

— Ты вот улыбаешься,— сказал Оливер.— Пока у человека не родится сын, он полагает, что должен только выкормить его и дать образование. А потом оказывается, что надо ежечасно сражаться за его бессмертную душу.

— Тебе бы завести еще нескольких. Тогда бы дискуссия шла более мирно.

— Что ж, других детей у нас нет,— спокойно сказал Оливер.— Ты поговоришь с Тони или нет?

— Почему бы тебе самому не побеседовать с ним?

— Я хочу, чтобы это прозвучало официально,— ответил Оливер.— Чтобы он услышал из авторитетных уст приговор, не смягченный любовью.

— Не смягченный любовью,— тихо повторил Паттерсон, думая: странный человек Оливер. Я не знаю никого, кто бы так выразился — не смягченный любовью. Приговор из авторитетных уст: «Мой мальчик, не надейся дожить до глубокой старости».

— Хорошо, Оливер. Под твою ответственность.

— Под мою ответственность,— сказал Оливер.

— Мистер Краун?

Оливер повернул голову. К лужайке со стороны дома подошел молодой человек.

— Да, — сказал Оливер.

Юноша остановился перед мужчинами.

— И — Джеф Баннер, — представился он. — Меня направил к вам мистер Майлз.

— Зачем? — Оливер с удивлением посмотрел на юношу.

— Он сказал, что вы ищете компаньона для вашего сына на оставшуюся часть лета, — сказал Баннер. — По его словам, вы сегодня уезжаете, поэтому я поспешил к вам.

— Да, — подтвердил Оливер.

Он встал и пожал руку юноши, изучая его.

Худощавый Баннер был чуть выше среднего роста. Свои густые волосы он стриг коротко; смуглая от природы кожа, почерневшая на солнце, делала его похожим на жителей Средиземноморья. Его нежно-голубые, с фиолетовым оттенком глаза казались по-детски ясными. Его худое, но изящное лицо с высоким бронзовым от загара лбом излучало неисчерпаемую энергию. Выцветший бумажный спортивный свитер, неглаженные мятые фланелевые брюки, тоннами со следами зелени придавали ему облик интеллигентного, увлекающегося греблей. Стоя в непринужденной позе, без тени смущения, с достоинством и уважением к собеседнику, он производил впечатление любимого, но не избалованного родителями юноши из хорошей семьи. Оливер, который всегда старался окружать себя красивыми людьми (их цветная служанка была одной из самых хороших девушек Хартфорда), сразу решил, что парень ему понравится.

— Это доктор Паттерсон, — сказал Оливер.

— Здравствуйте, сэр, — произнес Баннер.

Паттерсон вялым движением приподнял бокал.

— Извините, что не встаю. Я вообще редко поднимаюсь по воскресеньям.

— Конечно, — сказал Баннер.

— Ты хочешь проэкзаменовать молодого человека с глазу на глаз? — спросил Паттерсон. — Я, наверно, пойду.

— Нет, — отозвался Оливер. — Если, конечно, мистер Баннер не возражает.

— Пожалуйста, — сказал Баннер. — Все желающие могут послушать ахинею, которую я сейчас буду пести.

Оливер усмехнулся.

— Начало неплохое. Хотите сигарету?

Он протянул пачку Баннеру.

— Нет, спасибо.

Оливер вытащил сигарету, прикурил ее и кипул пачку Паттерсону.

— Вы не из тех молодых людей, что курят трубку?

— Нет.

— Это хорошо,— сказал Оливер.— Сколько вам лет?

— Двадцать,— ответил Баннер.

— Когда я слышу число «двадцать»,— сказал Паттерсон,— моя рука тянется к пистолету.

Оливер посмотрел на озеро. Люси гребла, не сбавляя темпа, лодка стала заметно больше, а красный свитер Тони — ярче.

— Скажите, Баннер, вы когда-нибудь болели? — спросил Оливер.

— Простите его, молодой человек, за этот вопрос,— сказал Паттерсон.— Он сам никогда не болеет, поэтому считает всякие хвори злонамеренным проявлением постыдной слабости.

— Я не обижаюсь,— сказал Баннер.— Если бы я напимал воспитателя для сына, я бы тоже поинтересовался здоровьем кандидата.

Он повернулся к Оливеру.

— Однажды я сломал ногу. В девять лет. Поскользнулся у второй базы.

Оливер кивнул, проникаясь еще большей симпатией к Баннеру.

— Это все?

— Кажется, да.

— Вы учитесь в колледже? — спросил Оливер.

— В Дартмуте,— ответил Баннер.— Надеюсь, у вас нет предубеждения против Дартмута.

— К Дартмуту я безразличен,— сказал Оливер.— Где находится ваш дом?

— В Бостоне,— вмешался Паттерсон.

— Откуда вам известно? — удивился Баннер.

— У меня есть уши, верно? — сказал Паттерсон.

— Вот не знал, что так легко выдаю себя,— заметил Баннер.

— Все в порядке,— сказал Паттерсон.— Тут нет ничего плохого. Просто вы из Бостона.

— А почему вы не поехали учиться в Гарвардский университет?

— Ну, теперь ты зашел слишком далеко,— сказал Паттерсон.

Баннер улыбнулся. Казалось, он получает от расспросов удовольствие.

— Мой отец сказал, что мне лучше побыть вдали от дома. В моих же интересах. У меня четыре сестры, все старше меня, и отец решил, что я окружен чрезмерной любовью и заботой. По его словам, он хочет, чтобы я по-нял — мир не то место, где пятеро преданных женщины с ног сбиваются, чтобы угодить тебе.

— Что вы намерены делать после окончания колледжа? — спросил Оливер.

Баннер был ему симпатичен, но он хотел знать, к чему стремится парень.

— Я собираюсь поступить на дипломатическую службу, — сказал Баннер.

— Почему?

— Хочу путешествовать. Посмотреть другие страны. В шестнадцать лет зачитывался «Семью столпами мудрости».

— Сомневаюсь, что вас пошлют командовать отрядом колониальных войск, — заметил Паттерсон, — как бы высоко вы ни поднялись в госдепартаменте.

— Конечно, дело не только в этом, — сказал Баннер. — У меня есть предчувствие, что в ближайшие годы могут произойти события большой важности, и я хочу быть в самой их гуще.

Он засмеялся.

— Когда говоришь всерьез о своих жизненных планах, трудно не показаться напыщенным ничтожеством, верно? Может, я вижу себя произносящим за столом переговоров: «Нет, Венесуэлу я не отдам».

Оливер посмотрел на часы и решил направить беседу в более конкретное русло.

— Скажите, мистер Баннер, вы спортсмен?

— Я немного играю в теннис, плаваю, бегаю на лыжах...

— Я имею в виду, состоите ли вы в какой-нибудь команде, — уточнил Оливер.

— Нет.

— Прекрасно, — сказал Оливер. — Спортсмены так следят за собой, что доверять им других людей нельзя. А мой сын требует внимания...

— Знаю, — согласился Баннер. — Я его видел.

— Да? — удивился Оливер. — Когда это?

— Я здесь уже несколько лет, — сказал Баннер. — И я провел на озере прошлое лето. У моей сестры домик в полумиле отсюда.

— Вы живете сейчас у нее?

— Да.

— Зачем вам эта работа? — неожиданно спросил Оливер.

Баннер улыбнулся.

— Причина обычная, — ответил он. — Плюс возможность постоянно находиться на воздухе.

— Вы бедны?

Баннер пожал плечами.

— Во время депрессии мой отец устоял на ногах. Но хромает до сих пор.

Оливер и Паттерсон понимающе закивали.

— Вы любите детей, мистер Баннер? — спросил Оливер.

Юноша задумался.

— Примерно так же, как большинство людей, — сказал он наконец. — Но есть несколько детей, которых я охотно замуровал бы в бетонную стену.

— Ответ честный, — произнес Оливер. — Надеюсь, Тони не вызывает у вас такого желания. Вы знаете, что с ним?

— Кажется, кто-то говорил мне, что у него ревматизм.

— Верно, — сказал Оливер. — С осложнением на глаза. Боюсь, ему долго придется с этим считаться.

Оливер посмотрел на озеро. Люси гребла, не останавливаясь; лодка приближалась к берегу.

— Из-за болезни, — сказал Оливер, — он не ходил в школу и слишком много времени проводил с матерью...

— Все проводят слишком много времени с матерями, — заметил Паттерсон. — Включая меня.

— Задача заключается в том, — продолжал Оливер, — чтобы дать ему возможность приблизиться к образу жизни здорового человека, избегая при этом чрезмерных нагрузок. Он не должен насиловать или перетруждать себя — и в то же время я не хочу, чтобы он считал себя инвалидом. Следующий год-два станут ренающими. Я не хочу, чтобы он остался несчастным вынужденным человеком.

— Бедный мальчик, — негромко произнес Баннер, глядя на лодку.

— Это ошибочный подход, — быстро сказал Оливер. — Жалость не нужна. Постарайтесь забыть о жалости. Это даже хорошо, что я не смогу побыть с Тони ближайšie несколько недель. И я не хочу оставлять его наедине с матерью. Я предпочитаю отдать его в грубоватые руки нормального двадцатилетнего парня. Я полагаю, вы справитесь...

Баннер улыбнулся.

— У вас есть девушка? — спросил Оливер.

— Ну, Оливер, — возмутился Паттерсон.

Оливер повернулся к доктору.

— Одна из самых важных вещей, которую следует знать о двадцатилетнем парне, это — есть ли у него девушка, — сказал он. — Была ли она у него, или в настоящее время он на перепутье.

— Кажется, есть, — сказал Баннер.

— Она здесь? — спросил Оливер.

— Если я скажу — здесь, вы дадите мне работу?

— Нет.

— Ее здесь нет, — ответил Баннер.

Оливер нагнулся, пряча улыбку, и поднял телескоп с земли.

— Вы знакомы с астрономией?

— Ну и вопросы, — проворчал Паттерсон.

— Тони хочет стать астрономом, когда вырастет, — объяснил Оливер, играя телескопом. — Было бы полезно...

— Что ж, — неуверенно произнес Баннер, — кое-что я знаю...

— В какое время сегодня вечером, — тоном школьного учителя спросил Оливер, — можно наблюдать созвездие Орион?

Паттерсон покачал головой и выбрался из кресла.

— Слава богу, что мне не надо заниматься к тебе па работу.

Баннер улыбнулся Оливеру.

— А вы коварны, мистер Краун.

— Почему вы так считаете? — невинно спросил Оливер.

— Потому что вам известно, что Орион не виден в северном полушарии до сентября, — с живостью в голосе ответил Баннер, — вы ждали, что я попаду впросак.

— Я плачу вам тридцать долларов в неделю, — сказал Оливер. — Вы учите Тони плавать, ловите с ним рыбу, наблюдаете за звездами и стараетесь, чтобы он как можно меньше слушал дурацкие сериалы по радио.

Оливер, поколебавшись мгновение, продолжил тихим и серьезным голосом: — Вы также должны деликатно отговать в некотором смысле Тони у матери, поскольку его привязанность к ней в настоящее время...

Он замолк, испуганный, как бы его слова не прозвучали слишком резко.

— Я хочу сказать, что им обоим пойдет на пользу, если их зависимость друг от друга ослабнет. Вы согласны работать?

— Да,— ответил Баннер.

— Хорошо,— сказал Оливер,— можете начинать с завтрашнего дня.

Паттерсон вздохнул с ироническим облегчением.

— Я выдохся,— произнес он и снова плюхнулся в кресло.

— Знаете, я уже отказал трем претендентам,— сказал Оливер.

— Я слышал,— признался Баннер.

— В наше время молодые люди либо вульгарны, либо циничны, либо то и другое вместе.

— Вам следовало поискать студента из Дартмута,— сказал Баннер.

— Кажется, один из них учился в Дартмуте.

— Значит, он попал туда за спортивные достижения.

— Наверно, и должен предупредить вас об одной неприятной черте в характере Тони,— сказал Оливер.— Похоже, мы уже можем говорить о характере тринадцатилетнего мальчика. Во время болезни он проводил много времени в постели, и у него развилась склонность к фантазированию. К хвастовству, обману, вранью. Ничего серьезного,— сказал Оливер, и Паттерсон почувствовал, как трудно было Оливеру сделать такое признание о своем сыне,— мы с женой не придавали этому значения, учитывая обстоятельства. Тем не менее я говорил с ним, и он обещал обуздать свое воображение. Не удивляйтесь, если эта особенность проявится снова; мне бы хотелось, чтобы вы помогли ему избавиться от нее, прежде чем она укоренится.

Слушая, Паттерсон внезапно с болью проник в душу Оливера. Он разочарован, подумал Паттерсон, он сознает некоторую незаполненность своей жизни, если вкладывает столько сил в сына. Затем Паттерсон отверг свою гипотезу. Нет, подумал он, просто Оливер привык распоряжаться. Он предпочитает контролировать поступки людей, не давая им действовать самостоятельно. Он управляет своим сыном по привычке, автоматически.

— Да,— сказал Оливер.— Еще кое-что... секс.

Паттерсон предостерегающе замахал рукой.

— Послушай, Оливер, теперь ты точно забрался чоресчур далеко.

— У Тони нет братьев и сестер,— пояснил Оливер,—

и, как я уже говорил, по вполне понятным причинам его слишком от всего оберегали. До сих пор мы с женой не посвящали его в некоторые вопросы. Если все будет в порядке, этой осенью он вернется в школу; я предпочел бы, чтобы в вопросы секса сына посвятил умный молодой человек, готовящийся к дипломатической карьере, а не какие-нибудь тринадцатилетние развратники из престижной частной школы.

Баннер в смущении коснулся рукой носа.

— С чего я должен пачать?

— А с чего начинали вы? — спросил Оливер.

— Боюсь, мне пришлось начинать позже. Не забывайте, у меня четыре старшие сестры.

— Действуйте благоразумно, — сказал Оливер. — Я хотел бы, чтобы через шесть недель Тони познакомился с теорией, не испытывая страстного желания немедленно перейти к практике.

— Я приложу максимум усилий, чтобы дать ясное представление о предмете, — сказал Баннер, — не пробуждая к нему излишнего интереса. Все на серьезном научном языке. Ни одного слова короче трех слогов. Постараюсь пригасить гедонистический аспект.

— Вот именно, — сказал Оливер и посмотрел на воду. Лодка уже двигалась неподалеку от берега, Тони, стоя у кормы, махал отцу рукой из-за плеча матери, его дымчатые очки сверкали солнечными зайчиками. Оливер помахал рукой в ответ. Глядя на сына и жену, Оливер обратился к Баннеру:

— Возможно, вам покажется, что меня слегка заклинило на сыне. Я с ужасом смотрю, как сейчас многие воспитывают детей. Им либо предоставляют слишком большую свободу, и они вырастают дикими животными, либо всячески подавляют их, отчего дети затаивают в душе злобу, жажду мщения и убегают из родительского дома тотчас, как становятся способны прокормить себя. Главное — я не хочу, чтобы он вырос запуганным.

— А как насчет тебя, Оливер? — с любопытством спросил Паттерсон. — Ты сам ничего не боишься?

— Ужасно боюсь, — признался Оливер. — Привет, Тони, — крикнул он сыну, направляясь к причалу, чтобы помочь пришвартовать лодку.

Паттерсон, поднявшись, вместе с Беннером смотрел, как Люси двумя последними сильными гребками подогнала лодку к дощатому палилу. Оливер придержал нос лодки, Люси, забрав блузу и книгу, сошла на берег. Тони с

трудом удержал равновесие, а затем спрыгнул на мелко-водье, отвергнув помощь.

— Святое семейство,— пробормотал Паттерсон.

— Что вы сказали, сэр? — спросил Баннер с недоумением в голосе.

— Ничего,— сказал Паттерсон.— Он знает, чего хочет, правда?

Баннер усмехнулся.

— Это точно.

— Вы считаете, отец в состоянии воспитать сына таким, каким ему хочется его видеть? — спросил Паттерсон.

Баннер посмотрел на доктора, ожидая подвоха.

— Я об этом не думал,— осторожно сказал он.

— Ваш отец получил то, что он ждал от сына?

Баннер еле заметно улыбнулся.

— Нет.

Паттерсон кивнул.

Они посмотрели на Оливера, приближающегося в окружении жены и Тони, который нес свои удочки. Люси надевала свободную белую блузу поверх купального костюма. На верхней губе Люси и на лбу искрились капельки пота, выступившие из-за долгой гребли, ее босоножки бесшумно скользили по низкой траве. Они зашли в тень деревьев, а когда вышли из нее, длинные обнаженные ноги Люси вспыхнули золотистым светом. Она держалась очень прямо, не вихляя бедрами, как бы стараясь скрыть свою женственность. В одном месте она остановилась и, опираясь рукой о плечо мужа, приподняла ногу, чтобы выбросить гальку,— на мгновение группа застыла под косыми солнечными лучами, пробивающимися через листву.

Паттерсон и Баннер услышали голос Тони.

— В этом озере всю рыбу уже выудили,— произнес он чистым, по-детски высоким альтом. Хотя Тони был высок ростом, он показался Баннеру хрупким и физически неразвитым, а голова его — непропорционально большой.

— Тут слишком близко до цивилизации. Нам бы поехать в северные леса. Правда, там москиты и лоси. Словами лучше не встречаться. Берт говорит, там иногда приходится нести каноэ на голове, иначе рыбы разнесут весла.

— Тони,— серьезно сказал Оливер,— ты знаешь, что такое щепотка соли?

— Ну конечно,— ответил мальчик.

— Вот что тебе нужно припасти для Берта.

— Ты хочешь сказать, он заливаает? — спросил Тони.

— Не совсем так,— ответил Оливер.— Просто его рассказы надо немного подсаливать, как арахис.

— Я ему скажу это,— обещал Тони.— Как арахис.

Они остановились перед Паттерсоном и Баннером:

— Мистер Баннер,— сказал Оливер,— это моя жена. А это Тони.

— Здравствуйте.— Люси кивнула головой и застегнула верхние пуговицы блузы.

Тони подошел к Баннеру и вежливо протянул руку.

— Привет, Тони,— сказал Баннер.

— Привет,— ответил Тони.— Ну и мозоли у тебя.

— Это от теннисной ракетки.

— Поспорим, через четыре недели я у тебя выиграю? — сказал Тони.— Ну через пять.

— Тони...— осуждающе произнесла Люси.

— Это тоже хвастовство? — Тони посмотрел на мать.

— Да,— сказала она.

Тони пожал плечами и повернулся к Баннеру.

— Мне запрещают хвалиться,— пояснил он.— У меня сильный правый удар, а вот слева не идет. Я это от тебя не скрываю,— честно сказал он,— все равно после первой же игры это станет ясно. Я видел однажды, как играет Элсуорт Вайнс.

— Какое впечатление он на тебя произвел?

Тони скорчил гримасу.

— Его переоценивают,— небрежным тоном сказал Тони.— Только потому, что он из Калифорнии, где можно играть на открытом воздухе круглый год. Ты купался?

— Да,— удивленно сказал Баннер.— Откуда тебе известно?

— Ты пахнешь озером.

— Это один из его коронных номеров,— сказал Оливер, вздерошив рукой волосы сына.— Когда он болел, ему завязывали глаза, и у него развился нюх, как у ищейки.

— А еще я умею плавать. Как рыба,— сказал Тони.

— Тони...— снова одернула сына Люси.

Пристыженный мальчик улыбнулся.

— Но меня хватает только на десяток взмахов. Больше не могу. Дыхалка сдает.

— Мы этим займемся,— обещал Баннер.— Надо научиться правильно дышать.

— Я постараюсь,— сказал Тони.

— Джеф тебя научит. Он проведет с тобой остаток лета.

Люси бросила взгляд на мужа, потом опустила глаза. Тони тоже внимательно и настороженно посмотрел на отца, вспомнив медицинских сестер, диету, боли, постельный режим.

— О,— сказал Тони.— Он будет ухаживать за мной?

— Нет,— ответил Оливер.— Просто Джеф научит тебя кое-чему полезному.

Тони испытующе поглядел на Оливера, цытаясь понять, не обманывает ли его отец. Потом он повернулся и молча посмотрел на Баннера, словно теперь, когда их отношения были определены, необходимо немедленно произвести оценку.

— Джеф,— произнес, наконец, Тони,— ты хороший рыбак?

— Когда рыбы видят меня,— сказал Баннер,— они начинают давиться от смеха.

Паттерсон посмотрел на часы.

— Я думаю, нам пора, Оливер. Мне надо оплатить счет, бросать вещи в чемодан, и я готов.

— Ты говорил, что хочешь что-то сказать Тони,— напомнил Оливер.

Люси перевела настороженный взгляд с Оливера на Паттерсона.

— Да,— сказал Паттерсон.

Теперь, когда пришло время исполнять обещанное, он пожалел, что поддался на уговоры Оливера.

— И все же,— продолжал он, сознавая свою трусость,— может быть, отложим до следующего раза?

— Я считаю, сейчас самое подходящее время,— спокойно сказал Оливер.— Ты увидишь Тони не раньше чем через месяц, а он, в конце концов, отвечает за себя прежде всего сам, и я уверен, ему следует знать, чего остерегаться и почему...

— Оливер...— начала Люси.

— Мы с Самом уже все обсудили,— сказал Оливер, касаясь ее руки.

— Что я должен делать? — настороженно спросил Тони.

— Ничего, Тони,— сказал Паттерсон.— Просто я хочу рассказать тебе, как обстоят твои дела.

— Я клево себя чувствую.

Голос Тони прозвучал подавленно, его грустные глаза смотрели в землю.

— Конечно,— согласился Паттерсон.— А будешь чувствовать еще лучше.

— Я клево себя чувствую,— упрямо повторил Тони.— Почему мне должно стать еще лучше?

Паттерсон и Оливер засмеялись, и мгновение спустя Баннер присоединился к ним.

— *Хорошо*,— поправила сына Люси.— А не клево.

— Хорошо,— послушно согласился Тони.

— Конечно, ты здоров,— начал Паттерсон.

— Я не хочу ничего бросать,— воинственно произнес Тони.— Я и так уже от многого отказался.

— Тони,— сказал Оливер,— дай доктору Паттерсону закончить.

— Я слушаю, сэр.

— Я прошу тебя,— сказал Паттерсон,— некоторое время воздержаться от чтения, кроме этого, можешь делать все, что тебе хочется, но умеренно. Тебе известно, что такое умеренность?

— Это значит не просить второй порции мороженого,— быстро ответил Тони.

Все засмеялись, и Тони хитро посмотрел на взрослых, он знал, как их рассмешить.

— Совершенно верно,— сказал Паттерсон.— Можешь играть в теннис, плавать и...

— Я хочу научиться играть у второй базы,— заявил Тони.— И освоить крученный удар.

— Мы можем попробовать,— сказал Баннер,— но я не гарантирую успеха. Я сам пока не овладел крученным ударом, хотя гораздо старше тебя. Ты либо рожден бить крученный, либо нет.

— Ты можешь все это делать,— продолжил Паттерсон, отметив про себя, что Баннер,— пессимист,— при одном условии: как только ты почувствуешь усталость, ты останавливаешься. Малейшая перегрузка...

— А если я не остановлюсь? — перебил его мальчик.— Что тогда?

Паттерсон вопросительно посмотрел на Оливера.

— Продолжай, говори,— сказал отец Тони.

Паттерсон повернулся к мальчику.

— Тогда ты рискуешь снова надолго лечь в постель. Этого ведь тебе не хочется?

— Вы думаете, что я могу умереть,— сказал Тони, пропустив вопрос мимо ушей.

— Тони! — сказала Люси.— Этого доктор Паттерсон не говорил.

Тони неприязненно посмотрел на врача, и Паттерсону на мгновение показалось, что мальчик видит в окружаю-

щих его взрослых не родителей и друзей, а сообщников болезни.

— Не беспокойтесь.— Тони улыбнулся, и враждебность его исчезла.— Я не умру.

— Конечно, нет,— сказал Паттерсон, злясь на Оливера, втянувшего его в эту сцену. Он шагнул к Тони и чуть наклонился к нему.

— Тони,— сказал Паттерсон,— я тебя поздравляю.

— С чем? — настороженно спросил Тони, боясь насмешки.

— Ты — идеальный пациент,— заявил доктор.— Ты поправился. Спасибо тебе.

— Когда я смогу их выбросить? — спросил Тони.

Он резко поднял руку и снял очки. В его неожиданно повзрослевшем голосе зазвучала горечь. Без очков его глаза казались запавшими, близорукими, полными грусти и укора; видеть их на худом мальчишеском лице было больно.

— Наверно, через год или два,— сказал Паттерсон.— Если будешь ежедневно делать упражнения. Час утром, час вечером. Запомнил?

— Да, сэр,— ответил Тони.

Надев очки, он снова стал подростком.

— Мама знает все упражнения,— сказал Паттерсон,— она общала ничего не упустить.

— Вы можете показать их мне, доктор,— сказал Баннер.— Тогда мы освободим миссис Краун.

— В этом нет необходимости,— вмешалась Люси.— Я справлюсь.

— Конечно,— сказал Джеф.— Как вам будет удобнее, Тони повернулся к отцу.

— Папа, тебе надо ехать домой?

— К сожалению, да,— сказал Оливер.— Но я постараюсь выбраться сюда на выходные до конца месяца.

— Твой отец должен вернуться в город, на работу,— сказал Паттерсон,— чтобы быть в состоянии оплачивать мои визиты, Тони.

Оливер улыбнулся.

— Я думаю, эту шутку ты мог оставить мне, Сэм.

— Извини.

Паттерсон повернулся и поцеловал Люси в щеку.

— Ты просто цветешь,— восхищенно сказал он,— как дикая роза.

— Я иду мимо гостиницы,— сказал Баннер.— Вы позволите составить вам компанию, доктор?

— Сделайте одолжение,— ответил Паттерсон,— Вы расскажете мне, как здорово быть двадцатилетним.

— Пока, Тони,— попрощался Баннер.— В какое время мне прийти завтра? В десять?

— В половине одиннадцатого,— ответила Люси.— Рапьше не надо.

Баннер взглянул на Оливера.

— Значит, в десять тридцать,— сказал Джеф.

Они с Паттерсоном направились по тропинке к гостинице — рослый, крупный, медлительный человек и подвижный загорелый юноша в испачканных зеленую парусиновых тапочках. Люси и Оливер посмотрели им вслед.

Этот парень слишком уверен в себе, подумала Люси, глядя на стройную удаляющуюся фигуру. Пришел напигаться на работу в бумажном спортивном свитере. В какое-то мгновение она решила поделиться с Оливером своими сомнениями насчет Баннера. По крайней мере, он мог поговорить с ним в моем присутствии. Но потом она решила промолчать. Дело сделано, и Люси слишком хорошо знала мужа, чтобы пытаться переубедить его. Ей придется самой заняться этим молодым человеком.

Она поежилась и провела рукой по обнаженным бедрам.

— Я замерзла,— сказала Люси.— Ты все собрал, Оливер?

— Почти все,— ответил он.— Осталось прихватить нару вещей. Я зайду с тобой в коттедж.

— Тони,— сказала Люси,— ты бы надел брюки и ботинки.

— Да ну, мама...

— Тони,— строго повторила она, подумав: «А Оливера он слушается».

— Ладно,— сказал Тони и, с наслаждением ступая босыми ногами по прохладной густой траве, направился к дому.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Оставшись в комнате наедине с Люси, Оливер завершал сборы. Он все делал спокойно, методично и быстро, но чемодан всегда закрывался у него легко. Люси, которая вечно многократно перекладывала вещи, затрачивая массу лишних усилий, казалось, что Оливер от природы наделен чувством порядка. Пока Оливер собирался, Люси

скинула блузу и купальный костюм и стала разглядывать свое обнаженное тело в большом зеркале. Старею, подумала она, глядя на свое отражение. На бедрах появились отметины времени. Надо больше двигаться. Больше спать. И не думать об этом. Тридцать пять.

Она начала причесываться. Люси отпустила волосы чуть ниже плеч, потому что так нравилось Оливеру. Сама она предпочла бы стричь их короче, особенно летом.

— Оливер,— сказала Люси, расчесывая волосы и наблюдая в зеркале, как муж быстрыми и точными движениями укладывал в чемодан, лежащий на кровати, пакет с документами, шлепанцы, свитер.

— Да?

Оливер решительно затянул ремешок на чемодане, словно подиругу на боку коня.

— Ужасно не хочется отпускать тебя домой.

Оливер подошел сзади к Люси и обнял ее. Она почувствовала прикосновение рук мужа, жесткую ткань его костюма и с трудом преодолела внезапное раздражение. Он относится ко мне как к собственности, подумала Люси, как он смеет.

Оливер поцеловал ее в шею, ниже уха.

— У тебя восхитительный живот,— сказал он, лаская ее.

Она повернулась в его объятиях и вцепилась пальцами в пиджак.

— Остайся еще на неделю,— попросила она.

— Ты слышала, что сказал Сэм насчет своих гонораров,— ответил Оливер, нежно поглаживая ее плечо — ведь не шутил.

— Но все эти рабочие...

— Все эти рабочие начинают без меня бить баклуши с двух часов дня,— добродушно заметил Оливер.— Ты чудесно загорела.

— Не хочу оставаться одна,— сказала Люси.— Меня нельзя бросать одну. Я слишком глупа, чтобы легко переносить одиночество.

Оливер засмеялся и прижал ее к себе еще крепче.

— Ты вовсе не глупа.

— Нет, глупа,— возразила Люси.— Ты меня не знаешь. Когда я одна, мои мозги размягчаются. Неправильно лето,— сказала она.— Летом я чувствую себя изгнанницей.

— Обожаю оттепок, который приобретает летом твоя кожа,— сказал Оливер.

Неткомысленное отношение мужа задолало Люси.

— Изгнанница,— упрямо повторила она.— Лето — моя Эльба.

Оливер снова засмеялся.

— Видишь,— сказал он,— ты совсем не глупая. Глупой женщине такое сравнение в голову бы не пришло.

— Я начитанная,— возразила Люси,— но глупая. Мне будет одиноко.

— Послушай, Люси...

Оливер отпустил жену и начал ходить по комнате, выдвигая ящики, чтобы убедиться, что ничего не забыл.

— На озере сотни людей.

— Сотни несчастных женщин,— поправила Люси,— которых ненавидят собственными мужья. Посмотри на них, когда они сидят все вместе на гостиничной веранде, и ты увидишь призраки их мужей, обезумевших в городе от радости.

— Я обещаю,— сказал Оливер,— не потерять в городе голову от радости.

— Или ты хочешь, чтобы я любезничала с миссис Уэлс,— продолжала Люси,— просвещаясь при этом и собирая информацию, которой можно позабавить гостей, когда Паттерсоны следующей зимой придут к нам играть в бридж?

Оливер смутился.

— А,— беспечно произнес он,— на твоём месте я бы не принимал это близко к сердцу. Просто Сэм...

— Я хотела дать тебе понять, что мне кое-что известно,— сказала Люси, подсознательно стремясь поставить мужа в неловкое положение.— И мне это не нравится. Можешь передать мои слова Сэму по дороге в город, раз уж сегодня день откровенности.

— Хорошо,— обещал Оливер.— Я скажу. Если ты хочешь.

Люси начала одеваться.

— Поехать бы сейчас в город вместе с тобой,— сказала она.— Прямо сейчас.

Оливер открыл дверь ванной и заглянул туда.

— А как же Тони?

— Возьмем его с собой.

— Но ему здесь так хорошо.

Оливер вернулся в комнату, удовлетворенный тем, что ничего не забыл. Он никогда ничего не оставлял, по все равно совершал этот заключительный осмотр.

— Озеро. Солнце.

— Я уже слышала про озеро и солнце,— сказала Люси.

Она наклонилась и падела мокасины, приятно холодившие босые ступни.

— И все же, по-моему, общение с обоими родителями ему нужнее.

— Дорогая,— мягко попросил Оливер,— сделай мне одолжение.

— Какое?

— Не настаивай.

Люси накинула кофточку с пуговицами на спине и подошла к Оливеру, чтобы он застегнул их. Начав с нижней, он сделал это автоматически, быстро и ловко.

— Мне грустно представлять, как ты расхаживаешь один по пустому дому. Без меня ты вечно перерабатываешь.

— Я обещаю не переутомляться,— сказал Оливер.— И вот что... Потерпи неделю. Погляди, как ты будешь себя чувствовать. Как пойдут дела с Тони. Если твое желание вернуться домой сохранится...

— Что тогда?

— Там посмотрим.

Он расправился с пуговицами и ласково похлопал жену ниже талии.

— Посмотрим,— повторила Люси.— Каждый раз, когда ты так говоришь, это означает отказ. Я тебя знаю.

Оливер рассмеялся и поцеловал ее в макушку.

— На этот раз действительно посмотрим.

Люси отстранилась от мужа и подошла к зеркалу, чтобы покрасить губы.

— Почему,— сухо спросила она,— мы всегда делаем то, что хочешь ты?

— Потому что я старомодный муж и отец,— сказал Оливер, удивляясь собственным словам.

Люси ярко покрасила губы — она знала, что Оливеру это не нравится, и хотела наказать мужа, пусть даже таким невинным способом, за пренебрежение к ней.

— Что, если в один прекрасный день я захочу стать современной женой?

— Ты не захочешь,— ответил Оливер. Он зажег сигарету и, заметив покрашенный рот, слегка наморщил лоб так, как он делал, когда его что-то раздражало.

— Не захочешь,— повторил он шутливым тоном.— Не зря же я женился на тебе так рано. Пока твой характер еще не затвердел.

— Не делай из меня ручного зверька. Это оскорбительно,— сказала Люси.

— Я клянусь,— с иронической серьезностью произнес Оливер,— что считаю тебя крайне своевольной женщиной. Это тебе приятнее?

— Нет,— сказала Люси.

Она размазала мизинцем помаду на губах, придав им кричащий вид. Оливер никогда не делал жене замечаний в такие моменты, но Люси знала, что ему неприятно видеть ее стоящей перед зеркалом с самодовольно выпяченными губами и пальцем, иссачканным помадой, поэтому она преднамеренно не спешила.

— Мы знаем многие современные семьи,— сказал Оливер и отвернулся, якобы в поисках пепельницы, чтобы не видеть Люси,— где решения принимаются совместно. Стоит мне увидеть женщину с недовольным выражением лица, я тотчас понимаю — ее муж позволяет ей самой принимать решения.

— Не будь я твоей женой,— сказала Люси,— я бы тебя возненавидела.

— Вспомни знакомые нам семьи,— продолжил Оливер.— Разве я не прав?

— Ты прав,— признала Люси.— Всегда прав.

Она повернулась и шутливо поклонилась ему.

— Склоняю перед тобой голову — ты всегда прав.

Оливер засмеялся, и Люси тоже пришлось засмеяться.

— Забавно,— сказал Оливер, снова приближаясь к жене.

— Что?

— Как ты смеешься,— пояснил Оливер.— Даже когда ты была молодой девушкой. Словно у тебя здесь,— он коснулся ее горла,— сидит другая женщина и смеется за тебя.

— Другая женщина,— повторила Люси.— Как она выглядит?

— У нее хриплый голос,— произнес Оливер,— вызывающая походка и огненно-рыжие волосы.

— Может, мне лучше вовсе не смеяться,— сказала Люси.

— Ни в коем случае,— запротестовал Оливер,— я люблю твой смех.

— Я ждала этого слова.

— Люблю?

— Да. Я давно его не слышала.

Люси схватила мужа за отвороты пиджака и тихонько притянула к себе.

— Нынешним писателям и в голову не придет употребить его,— серьезно сказал Оливер.

— Продолжай.

— Продолжать что?

— Употреблять его. Никто не услышит.

— Мама... папа,— закричал Тони из гостиной.— Я готов. А вы?

— Минутку, Тони,— сказал Оливер, пытаюсь освободиться.— Мы сейчас.

— Ах, Оливер,— пробормотала Люси, не отпуская мужа.— Это так ужасно.

— Что ужасно?

— Я так от тебя зависима.

— Папа...— вежливо позвал Тони из-за закрытой двери.

— Да, Тони?

— Я пойду к гостинице и буду ждать тебя. Я хочу проехать с тобой до ворот.

— Хорошо, Тони. Скажи доктору Паттерсону, что я приду через пять минут.

— Лады,— отозвался Тони.

Оливер пахмурился.

— И где он этого набрался? — прошептал он.

Люси пожала плечами. На рукаве пиджака Оливера осталось пятнышко от губной помады с пальца Люси, но она, чувствуя себя виноватой, решила не говорить ему об этом. Они слышали, как Тони вышел из дома; в окно было видно, как мальчик удаляется от коттеджа по гравийной дорожке.

— Ну...— Оливер еще раз оглядел комнату.— Теперь пора.

Он взял два чемодана.

— Открой, пожалуйста, дверь, Люси,— попросил он.

Люси распахнула дверь, и они прошли через гостиную на веранду. В гостиной, компенсируя убожество арендованной мебели, благоухали расставленные в изобилии цветы, их аромат смешивался со свежим запахом озера.

На веранде Люси остановилась.

— Я бы что-нибудь выпила,— сказала она.

Люси вовсе не хотелось пить, но эта уловка позволяла отложить отъезд Оливера еще на десять минут. Она знала, что Оливер догадывается и сердится на нее за задержку или, в лучшем случае, раздраженно удивляется ее склонности к многословным разговорам, но она боялась

момента, когда автомобиль исчезнет из виду и она останется одна.

— Хорошо,— согласился Оливер, поколебавшись, и поставил чемоданы. Сам он предпочитал уезжать быстро, решительно, без лишних слов. Он стоял и смотрел на озеро, а Люси подошла к столу, расположенному у стены, и, плеснув в бокалы немного виски, разбавила его охлажденной водой.

Ястреб сорвался с прибрежного дерева и, распластав крылья, медленно закружил над водой, с дальнего берега из спортивного лагеря донесся звук горна, несущий в себе азарт ружейной стрельбы, радость победы и горечь поражения; здесь он служил всего лишь сигналом к началу игры или купания. Ястреб безмятежно скользил навстречу ветру в ожидании малоприметных признаков вроде колыхания травы или покачивания ветки, которые выдадут появление его ужина.

— Оливер,— сказала Люси, подходя к мужу с бокалами в руках.

— Да?

— Сколько ты собираешься платить этому мальчишке? Баннеру?

Оливер тряхнул головой, прогоняя смутные образы, навеянные птицей, пением горна и неизбежностью отъезда.

— Тридцать долларов в неделю,— ответил он, взяв бокал.

— Не много ли?

— Нет.

— А мы можем это себе позволить? — спросила Люси.

— Нет,— сказал Оливер, раздраженный ее вопросом.

Люси обычно относилась к деньгам легкомысленно и была подвержена, по мнению мужа, порывам безрассудного расточительства, но не из-за жадности или стремления к роскоши, а вследствие слабого представления о цене денег и о том, как они достаются. Но когда она была настроена против чего-то, а Оливер знал, что Люси недовольна тем, что он нанял Баннера, она неожиданно становилась бережливой.

— Ты действительно считаешь, что он нам необходим? — спросила Люси, стоя рядом с мужем и наблюдая за ястребом, парящим над гладью.

— Да,— ответил Оливер.

Он с торжественностью поднял бокал.

— За маленького мальчика с телескопом.

Люси рассеянно подняла бокал и немного отпила.

- Зачем?
- Что зачем?
- Зачем он нужен?

Оливер ласково коснулся ее руки.

— Чтобы дать тебе возможность пожить в свое удовольствие.

— Мне нравится отдыхать с Тони.

— Знаю,— согласился Оливер.— Но все же, по-моему, провести несколько недель в обществе развитого, живого юности, который будет обращаться с Тони по-мужски...

— Ты считаешь, я его изнежила,— сказала Люси.

— Вовсе нет. Просто...

Оливер пытался найти самые корректные, необходимые аргументы.

— Дети, особенно те, кто перенес тяжелую болезнь и постоянно находился при матери... вырастая, часто становятся балетными танцорами.

Люси засмеялась.

— Что за ерунда!

— Ты меня поняла,— сказал Оливер, с досадой ощущая, что говорит как зануда.— Не думай, что это пустяк. Почитай любой труд по психоанализу.

— Мне не нужно ничего читать,— возразила Люси,— чтобы правильно воспитать сына.

— Это подсказывает здравый смысл,— настаивал Оливер.

— Кажется, ты считаешь, что я все делаю неверно,— с горечью заметила Люси.— Признайся...

— Послушай, Люси,— примирительно произнес Оливер,— ничего подобного я не говорил. Просто я вижу иные проблемы, чем ты, и хочу подготовить Тони к трудностям, которых ты не замечаешь.

— К каким именно? — упрямо спросила Люси.

— Мы живем в век хаоса,— сказал Оливер, сознавая помпезность и выспренность своих слов, но не находя других.— Нестабильное, грозное время. Надо быть титаном, чтобы устоять.

— И ты хочешь сделать титана из несчастного маленького Тони,— саркастически заметила Люси.

— Да,— защищаясь, сказал Оливер.— Не называй его несчастным и маленьким. Всего через какие-то восемь-девять лет ему предстоит стать мужчиной.

— Мужчина — это одно,— сказала Люси,— титан — совсем другое.

— Сейчас — нет,— возразил Оливер.

Он чувствовал, что сердится, и сознательно сдерживал себя, потому что не хотел ссориться перед отъездом. Он наставил себя говорить спокойно.

— Прежде всего, Баннер — это не какой-нибудь зашавнившийся студентик. Он умен, выдержан, обладает чувством юмора...

— А я, конечно, — сказала Люси, — скучна, сквашна и неинтересна.

Она сделала несколько шагов в сторону от мужа.

— Послушай, Люси.

Оливер направился вслед за женой.

— Я этого вовсе не говорил.

Люси остановилась и рассерженно посмотрела на него.

— Тебе и не надо это говорить, — сказала она. — Мне удастся не думать об этом несколько месяцев, затем ты что-нибудь скажешь... или я встречаю женщину моего возраста, которая счастливо избежала...

— Ради бога, Люси, — попросил Оливер, чье раздражение пересиливало желание уйти от конфликта, — не возвращайся к этой старой песне.

— Пожалуйста, Оливер.

Внезапно она перешла на молящий тон.

— Оставь меня вдвоем с Тони. Это ведь только шесть недель. Я согласилась на школу — уступи мне сейчас. Он уедет надолго к этим маленьким грубиянам... Но представляю, как я с ним расстанусь. После всего пережитого нами. Даже теперь, зная, что он отправится в гостиницу, чтобы проехать с тобой до ворот, я едва сдерживаю желание побежать и убедиться, что с ним все в порядке.

— Именно об этом я и говорю, Люси, — сказал Оливер.

Люси зло посмотрела на мужа. Она поставила бокал на траву и насмешливо опустила голову.

— Склоняю перед тобой голову, — сказала она, — ты прав. Как всегда.

Быстрым движением руки Оливер взял Люси за подбородок и поднял его. Люси не сопротивлялась. Она стояла, хитровато улыбаясь, и смотрела на мужа.

— Не делай так больно, Люси, — попросил Оливер. — Я серьезно.

Люси освободилась, дернув головой, и зашла в дом; дверь негромко хлопнула за ней. Оливер посмотрел вслед жене, допил виски, подхватил чемоданы и направился за угол дома, где под деревом стоял автомобиль. Он погрузил чемоданы в багажник и пробормотал себе под нос: «К черту все». Оливер сел за руль и завел мотор. Подавая назад,

он увидел, как Люси вышла из дома и направилась к машине. Он заглушил двигатель.

— Прости меня,— тихо сказала она, стоя у автомобиля и держа за его дверцу.

Оливер ласково потрепал ее руку.

— Давай все забудем,— примирительно предложил он.

Люси наклонилась, чмокнула его в щеку, поправила галстук.

— Купи себе новые галстуки,— сказала она.— Твои выглядят так, словно их подарили тебе на рождество в 1929 году.

Она посмотрела на него, неуверенно улыбаясь, словно умоляла о чем-то.

— И не сердись на меня.

— Конечно,— сказал Оливер, испытывая облегчение оттого, что мирный отъезд был спасен. Или почти спасен. Хотя бы внешне.

— Позвони мне на неделе,— попросила Люси.— И произнеси запретное слово.

— Обещаю.

Оливер повернул голову и поцеловал жену. Затем он снова завел мотор и поехал к гостинице.

Люси замерла в тени дерева, провожая взглядом автомобиль, который вскоре исчез за поворотом, скрытый зеленью. Она вздохнула и вернулась в гостиную, тяжело опустилась на темный деревянный стул. Оглядела комнату: «Сколько цветов здесь ни ставь, жить тут все равно невыносимо». Сидя в мрачной благоухающей гостиной, она вспомнила шум машины, отъезжающей по узкой песчаной дороге, и подумала: «Поражение. Снова поражение. Я всегда проигрываю. Вечно я первая говорю «прости».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сидя справа от Оливера в плавно мчащемся мимо чистых вермонтских городов «бьюике», Паттерсон наслаждался мастерством, с которым его друг вел машину, погодой, воспоминаниями об уикэнде, проведенном с миссис Уэлс; он радовался выздоровлению Топпи, мысленно любовался Люси, вспоминая, как она, стоя в свободной белой блузе, надетой поверх купальника, с обнаженными ногами, опираясь на плечо Оливера, вытряхивала гальку, застрявшую между ступней и деревянной подошвой.

Он бросил взгляд на Оливера, уверенно сидящего за рулем с серьезным и интеллигентным лицом, отмеченным

тепью безрассудства, той редкой в наши дни кавалерийской удали, на которую Паттерсон обратил внимание, когда они пили виски на лужайке. Господи, подумал Паттерсон, если бы его интересовали другие женщины, вот был бы парад! Мне бы его внешность... Он внутренне усмехнулся. Смежив веки, Паттерсон увидел перед глазами Люси, залитую солнечным светом на тропинке, ведущей от озера; она тянула руку вдоль длинных обнаженных ног, и волосы падали ей на лицо.

Наверно, подумал он, будь я женат на Люси Краун, я бы тоже ни на кого больше не смотрел.

Иногда, выпив лишнее или загрустив, он говорил себе, что ему следовало влюбиться в Люси Краун, тогда еще Люси Хэммонд, в первый же вечер их знакомства, за месяц до ее свадьбы с Оливером. Однажды на вечеринке в загородном клубе он чуть не признался ей в этом. А может быть, он и вправду сказал ей это. Там царил хаос, оркестр играл слишком громко, Люси на мгновение оказалась в его объятиях, и вообще он был здорово пьян.

Впервые Паттерсон увидел Люси Краун в начале двадцатых годов, когда Оливер привез ее в Хартфорд знакомить со своей семьей. Паттерсон был старше Оливера, он женился годом раньше друга и только что начал практиковать в Хартфорде. Четыре поколения Краунов выросли в этом городе, отец Оливера получил в наследство типографию, которая кормила семью в течение пятидесяти лет. Оливер имел двух старших замужних сестер; брат его погиб в авиакатастрофе во время войны. Оливер тоже учился на летчика, но попал во Францию слишком поздно, чтобы принять участие в боевых действиях.

Вернувшись из Европы, Оливер обосновался в Нью-Йорке и вместе с двумя другими ветеранами открыл маленький экспериментальный завод по производству аэропланов. Старый Краун внес долю сына, трое молодых людей построили предприятие неподалеку от Джерси, а спустя несколько лет едва не прогорели.

Паттерсон помнил Оливера еще первокурсником, мечтающим попасть в бейсбольную команду колледжа, сам он тогда готовился к получению диплома. Даже в то время, когда Оливеру было не больше пятнадцати, Паттерсон завидовал его достоинству, той спокойной уверенности, с какой держался этот рослый, хорошо воспитанный юноша, легкости, с которой он получал наивысшие оценки, успех у девушек. Позже Паттерсон завидовал его поездке во Францию, его Нью-Йорку, авиастроительной компании,

дружбе с деловыми партнерами — крепкими, веселыми, вечно подвыпившими молодыми людьми, его встрече с Люси. Если бы кто-то спросил Паттерсона или Крауна об их отношениях, каждый, не колеблясь, назвал бы другого своим лучшим другом. Оливер, насколько было известно Паттерсону, никогда никому не завидовал.

С того момента, как Оливер познакомил Паттерсона с Люси — ей тогда исполнилось двадцать лет, — Паттерсон начал ощущать смутную горечь потери. Она была высокой девушкой с мягкими белокурыми волосами и крупными серыми глазами. В ее лице присутствовали восточные черты. Широкий прямой нос и переносица плавно переходили в низкий лоб. Глаза ее еле заметно косили, а линия верхней губы круто обрывалась в уголках рта. Пытаясь описать ее внешность после многих лет знакомства, Паттерсон как-то сказал, что ее предки — северяне, среди которых затаилась танцовщица с острова Бали. У Люси был полный решительный рот, говорила она негромко, с придыханием, немного сбивчиво, словно ей не хватало уверенности в том, что ее хотят слушать. Она не следила за модой, которая в том году отличалась безвкусицей, и выигрывала от этого. Люси избегала лишних движений: сидя, она держала руки на коленях, а когда стояла — по швам, как послушная школьница. Родители ее умерли, из родственников осталась только мифическая тетя, живущая в Чикаго, о которой Паттерсон не знал ничего, кроме того, что она носила одежду одного с Люси размера и присылала племяннице донашивать свои безобразные платья. Спустя много лет, приобретя склонность к рефлексии, Паттерсон понял, что эксцентричная старомодность тетиных нарядов придавала Люси дополнительное очарование, делала непохожей на других девушек, пробуждала жалость и сочувствие к бедности и девической неловкости.

Люси служила тогда в колумбийском университете лаборанткой у биолога, который занимался изучением одноклеточных морских растений. Эта работа никак не вязалась с ее внешностью, и, что было еще более удивительным, Люси заявила Оливеру о своем намерении не бросать в дальнейшем науку независимо от того, выйдет она за него замуж или нет, а впоследствии получить степень и заняться самостоятельными исследованиями. У Оливера преданность Люси биологии, готовность целый день возиться, как он говорил, с какими-то водорослями, вызывала сдержанное удивление, но поскольку это занятие

но портило ее красоту и позволяло жить в Нью-Йорке, Оливер не стал сразу же противиться ему.

Оба они были высокими, блестящими, чистыми молодыми людьми, и если спустя годы, оглядываясь назад, Паттерсон видел призрачность их блеска, то тогда, смотря на них, с серьезными лицами стоящих у алтаря (в Нью-Йорке — Оливер заявил, что не хочет начинать семейную жизнь в Хартфорде), он чувствовал, что все браки, заключенные в Америке в этот солнечный июньский день, просто обязаны попасть в число самых удачных.

На свадьбе Паттерсон, немного перебрав шампанского, припасенного старым Крауном еще до «сухого закона», оглядел подозрительно комнату и заявил: «Чертовски страшная свадьба. Здесь нет ни одного гостя, который спал с невестой». Люди, услышавшие его, засмеялись, и его репутация остроумца и человека, которому опасно доверять лишнее, стала еще более прочной.

На следующий день Паттерсон вернулся на поезде домой в Хартфорд; сидя рядом с Кэтрин, на которой он женился тринадцать месяцев тому назад, он вдруг понял, что его брак — ошибка. С этим следовало смириться, Кэтрин ни в чем не была виновата. Паттерсон знал, что он не станет ничего менять и постарается не причинять Кэтрин страданий. Прикрыв глаза, еще во власти паров шампанского, он думал о том, что эта ошибка будет долгой, мирной, скрытой. В то время Паттерсон был циником и пессимистом, и ощущение пожизненной неоправимости совершенного казалось ему естественным для двадцати семи лет.

Вернувшись из свадебного путешествия, некоторое время Оливер и Люси жили в точности так, как планировали. Они сняли на Мюррей-Хилл квартиру с просторной гостиной, где нередко принимали энергичных молодых людей, хлынувших в ту пору в Нью-Йорк. По утрам Оливер отправлялся на маленький заводик, расположенный возле Джерси, случалось, испытываемые им аэропланы терпели крушение на лугах или соляных равнинах; Люси ежедневно, кроме субботы и воскресенья, спешила подземкой на Морнингсайд-Хейтс к своим водорослям, вечером возвращалась домой готовить обед, встречать гостей или собираться в театр, а реже — писать диссертацию. Она больше не носила тетиных нарядов, по ее собственный вкус оказался неопределенным, точнее, преднамеренно простеньким, девически скромным, в ней трудно было угадать жительницу Нью-Йорка.

Паттерсон старался почаще приезжать в город. Появляясь один, без Кэтрин, он всегда останавливался у Краунов, и к длинному списку предметов его зависти прибавилась квартира и друзья Оливера. Паттерсон заметил, что хотя на вид Люси вполне счастлива, она производит впечатление, скорее, гостя в этом браке, чем полноправного партнера. Отчасти это объяснялось ее застенчивостью, от которой она еще не освободилась, и врожденной способностью Оливера весело, без усилий, помимо собственного желания верховодить в любой компании.

Как-то после возвращения Паттерсона из Нью-Йорка Кэтрин спросила мужа, счастлива ли Люси. После недолгого раздумья Паттерсон сказал: «По-моему, да. Или почти счастлива. Но она надеется стать со временем еще более счастливой...»

В один год отец Оливера утонул возле Уотч-Хилл, и Люси родила сына. Оливер поехал в Хартфорд, изучил типографские бухгалтерские книги, поговорил с матерью и управляющим, вернулся домой и велел Люси собирать вещи. Они переезжают в Хартфорд. Какие бы сожаления ни испытывал Оливер, отказываясь от авиастроительного завода и Нью-Йорка, он отбросил их по дороге в Хартфорд и никогда не делился ими ни с Паттерсоном, ни с Люси, ни с кем-то другим. Люси упаковала материалы для диссертации, работу над которой она уже никогда не завершит, позавтракала на прощание в ресторане с исследователем одноклеточных морских растений, заперла квартиру и отправилась вслед за мужем в большой дом Краунов в Хартфорде, где Оливер родился, вырос и который он пытался покинуть.

Паттерсон эгоистично обрадовался соседству Люси и Оливера. Они были тем центром веселья и светской жизни, каким никогда не могла стать семья Паттерсона; на правах семейного доктора и старого друга Сэм три-четыре раза в неделю навещал Краунов, обедал у них, присутствовал на всех вечеринках, выступая в роли не только врача Тони, но и названного дяди, доверенного лица, советчика (только для Люси — Оливер никогда ни с кем не советовался), они вместе строили планы на отпуска и уик-энды, играли в бридж, философствовали у камина. Дом Краунов притягивал к себе многие блестящие молодые пары, и за их обеденным столом Паттерсон в разные годы познакомился с двумя хорошенькими женщинами, с которыми он впоследствии имел романы.

Паттерсон не знал, известно ли Краунам об этих двух

его связях, а также о других, неизбежных и их кругу в 20-е годы. Крауны сами не сплетничали и не поощряли сплетни знакомых, и в то время не интересовались никем, кроме самих себя. Это было петилично для Оливера, до брака слывшего достойным товарищем летчиков и других жизнерадостных прожигателей жизни, с которыми он вернулся с войны. С каждым годом его преданность жене, лишаящая полета сентиментальности и скуки, лишь росла; спокойное доверие Оливера к Люси порождало в Паттерсоне, как тот ни гнал от себя подобные мысли, сознание пустоты и бесцельности своего брака.

Что касалось Люси, переезд в маленький городок, поглощенность ребенком сделали ее внешне более взрослой и раскованной, и только в редкие моменты, на многолюдных вечеринках, когда Оливер снова становился душой общества, а ей недоставало внимания, к Паттерсону возвращалось прежнее ощущение того, что она в этом браке только гостья, а не полноправная партнерша.

У них был только один ребенок. Сообразительный, симпатичный, хорошо воспитанный мальчик страдал лишь одним недостатком, обусловленным отсутствием братьев и сестер, — излишней болезненной привязанностью к матери. Если он возвращался из школы и не застал дома мать, бегущую по магазинам, он ждал Люси, сидя на кровати и названивая многочисленным знакомым, у которых она могла задержаться. Его серьезный детский голосок, произносящий: «Здравствуйте, это Тони Краун. У вас нет моей мамы? Извините. Нет, ничего не случилось», — звучал в телефонных трубках десятка квартир. Оливер, которому, естественно, не правилась привычка сына, снисходительно-раздраженно прозвал его «телефонистом».

Паттерсон уверял, что появление братьев или сестер избавит Тони от его странностей, но почему-то Люси больше не беременела, и к тому времени, когда Тони исполнилось десять лет, его родители оставили надежду завести второго ребенка.

Позже Паттерсон считал эти годы лучшими в своей жизни — конечно, не только из-за дружбы с Краунами. Паттерсон тогда вставал на ноги, перед ним открывались новые горизонты. Но гостеприимство Краунов, их радушие, близость с Оливером, застенчивая теплота Люси, привязанность Тони, вдвойне цепная для бездетного доктора, создавали яркий фон, оттеняющий радость деловых успехов Паттерсона. Его чувство к Люси, которое время от

времени, только наедине с собой, и то с усмешкой, он называл любовью, вспыхивало приятными тайными надеждами в те моменты, когда он, стоя перед их дверью, нажимал кнопку звонка.

Сидя в «бьюнке», державшем комфортные пятьдесят миль в час среди воскресного потока машин, Паттерсон посмотрел на Оливера. Любопытно, что бы он сказал, если бы узнал, о чем я думаю. Как хорошо, что нам не дано читать мысли друзей.

— Сэм...— произнес Оливер, не отрывая глаз от дороги.

— Да.

— Ты думаешь, тебе удастся выбраться на озеро еще раз за лето?

— Я постараюсь,— ответил Паттерсон.

— Можешь сделать мне одолжение?

— Какого?

— Оставь миссис Уэлс дома,— поинтересился Оливер.

— Ты о чем это...— начал было Паттерсон, неумело разыгрывая удивленно.

Оливер улыбнулся.

— Послушай, Сэм...— мягко сказал он.

Паттерсон засмеялся.

— О'кей,— произнес он.— Прощайте, миссис Уэлс.

— Мне-то что,— сказал Оливер,— по Люси уже кинула камешек в твой огород.

— Ах, Люси,— промолвил Паттерсон.

Он почувствовал нарастающую волну смущения и понял, что в это лето больше не приедет на озеро, ни с миссис Уэлс, ни без нее.

— Добровольное общество жеп,— сказал Оливер,— встает на защиту своих членов.

Они молча проехали несколько миль. Затем Оливер снова заговорил.

— Сэм, как тебе этот парень? Баннер?

— То, что надо,— отозвался Паттерсон.— Думаю, он принесет Тони пользу.

— Если не сбежит,— сказал Оливер.

— Что ты имеешь в виду?

— Люси устроит ему сладкую жизнь,— усмехнулся Оливер.— Ручаюсь, через неделю она напишет, что парень едва не утопил Тони или научил его ругаться, и ей пришлось его уволить.

Оливер покачал головой.

— Господи, какое трудное дело — воспитывать единственного ребенка. И к тому же больного. Иногда, когда я смотрю на него и думаю о том, каким он станет, когда вырастет, меня охватывает дрожь.

— Нормальный вырастет парень, — сказал Паттерсон, заступаясь за Тони, хотя в душе он разделял опасения Оливера. — Зря волнуешься.

Оливер только хмыкнул в ответ.

— Чего ты ждешь? — спросил Паттерсон. — Тебе нужны гарантии, что он станет губернатором этого штата или чемпионом мира по боксу в тяжелом весе? Что ты от него ждешь?

— Нет, — после минутного раздумья сказал Оливер, снижая скорость, — я не хочу, чтобы он сделал нечто выдающееся.

Оливер усмехнулся.

— Пусть он будет просто счастлив.

— Не беспокойся, — сказал Паттерсон, — имея таких родителей, он будет счастлив. Это фамильное свойство.

Оливер улыбнулся, и Паттерсон заметил в улыбке друга иронию и горечь.

— Я рад, что ты так считаешь, — сказал Оливер.

Откуда в нем это, подумал Паттерсон, внезапно вспомнив осенившую его несколько часов на лужайке мысль о том, что Оливер разочарован жизнью. Имея все, он не чувствует себя счастливым. Чего еще он ждет от судьбы?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Спустя неделю Люси написала Оливеру, что Баннер — суцая находка. Молодой человек завоевал расположение Тони, терпеливо уступив мальчику инициативу в их сближении. Баннер очень забавен, писала она, он искусно не позволяет Тони переутомляться. Он умсет развлечь Тони даже в дождливые дни.

К концу второй недели Люси уже не знала, что ей писать мужу — к этому времени Джефф объяснился ей в любви.

Сначала она посмеялась над его словами, преднамеренно разыгрывая роль удивленной взрослой женщины, чего ей никогда не приходилось делать раньше. Поначалу она решила рассказать об этом Оливеру и попросить у него совета, как себя вести, но испугалась его насмешек и по-

редумала. Затем она снисходительно позволила юноше поцеловать ее — пусть сам увидит, как мало это значит для них обоих, потом Люси поняла, что не станет писать Оливеру.

Следующие три дня ей удавалось не оставаться с Джеффом наедине, и раз десять она едва не сказала, что ему лучше уйти, по все же и этого она не сделала.

Люси относилась к числу тех женщин, что обретают невинность в браке. На редкость привлекательная, Люси не сознавала в полной мере всей силы воздействия своей красоты на мужчин, и ее кажущаяся неприступность удерживала многих от попыток ухаживания.

Единственным примечательным исключением был случай с Сэмом Паттерсоном, когда он, изрядно выпив и оказавшись вдвоем с пей на террасе загородного клуба, обнял ее; она не сопротивлялась, на мгновение ошибочно приняв дружескую симпатию к нему за влюбленность.

— Люси, дорогая, — прошептал он, — я хочу тебе кое-что сказать, я...

По его тону Люси догадалась, что именно хочет сказать ей Сэм, и решила — лучше ей этого не слушать.

Она выскользнула из его объятий, добродушно рассмеялась и спросила:

— Ну-ка, Сэм, признайся, сколько рюмок ты сегодня опрокинул?

Он посмотрел на нее прпстыженно, оскорбленно, почти трагически.

— Алкоголь тут ни при чем, — сказал Паттерсон, повернулся и ушел в клуб, а она подумала — это же Сэм, все знают его штучки; войдя, она стала, забавляясь, считать женщин, с которыми у Сэма Паттерсона были романы; о трех Люси знала точно, о двух других — почти наверняка и об одном догадывалась. Она никогда не говорила Оливеру об эпизоде на террасе, ему бы он не понравился, они перестали бы видеться с Паттерсоном, и все бы от этого только проиграло. Паттерсон никогда не упоминал о том вечере, она — тоже, он канул в Лету, их совместной жизни с Оливером шел тогда только пятый год, и теперь ей казалось, что его вовсе не было.

Верность Люси питалась не столько моральной установкой, сколько соединением любви, благодарности и страха перед мужем. Она считала, что Оливер спас ее от неуверенности в себе, мучившей Люси в юности, и память об этом много лет почти автоматически сдерживала мимолет-

ные чувства, которые порой вызывали в ней дружно муж-
чины.

Несмотря на врожденную галантность обхождения, по своей неопытности Джеф не умел сразу оценить степень доступности того или иного объекта. Привлекательный внешне, он держался поначалу на удивление скромно, и неожиданно для Люси выпалил свое признание, когда они отдыхали на лужайке после ленча, во время дневного сна Тоши, составлявшего обязательную часть его режима.

К полудню над озером воцарилось безмолвие, утренний ветер стих, насекомые, казалось, задремали. Люси, в цветастом бумажном платье, сидела, прислонившись к дереву и скрестив лодыжки; раскрытая книга лежала у нее на коленях обложкой кверху. Джеф опустил на одно колено в нескольких футах от нее, как футболист, отдыхающий во время короткой остановки игры. Пожевывая травинку, он время от времени срывал новый клеверный лист, изучал его, а затем бросал на землю. В тени деревьев веяло прохладой, и Люси, кожа которой еще хранила память о свежести утренней воды, ощущала, что сейчас она переживает тот восхитительный миг, который хочется задержать на вечность.

Джеф был в линейных джинсах и белой футболке без воротничка, с короткими рукавами. На фоне блестящей зелени его кожа цвета красного дерева выгодно оттенялась белизной ткани. Когда Джеф срывал очередной листок, Люси видела, как мягко натягиваются сухожилия под темной кожей его гладкого мускулистого предплечья. Босые худые ступни Джефа, загоревшие слабее других частей тела, казались Люси по-детски трогательными. За эти годы, подумала Люси, я забыла, как выглядят юноши.

Джеф склонился над клевером, зажатым в руке.

— Всю жизнь,— сказал он,— я провел в безуспешных поисках.

— Чего? — спросила Люси.

— Клевера с четырьмя листиками.

Он отбросил растение.

— Вы полагаете, это важно — найти его?

— Исключительно важно,— сказала Люси.

— Я тоже так считаю,— заявил Джеф и точным, экономным движением опустился на землю, прижав колени друг к другу.

Какая тонкая, гибкая талия у юношей, подумала Люси. Она тряхнула головой, взяла роман и уставилась на страницу.

— Неудачи преследовали их,— прочитала она вслух.— В Арле было полно комаров, а когда они приехали в Каркассони, оказалось, там отключили на день горячую воду.

— Я хочу знать ваши условия,— заявил Джеф.

— Я читаю.

— Почему вы избегаете меня последние три дня? — спросил Джеф.

— Мне не терпится узнать, чем кончится книга,— сказала Люси.— Богатая, молодая и красивая пара путешествует по Европе, и их брак рушится на глазах.

— Я задал вопрос.

— Ты был когда-нибудь в Арле?

— Нет,— ответил Джеф.— Я нигде не был. Вы хотели бы поехать в Арль со мной?

Люси перевернула страницу.

— Поэтому-то я и избегала тебя три дня,— призналась она.— Если ты будешь продолжать в том же духе, я действительно решу, что тебе лучше нас покинуть.

Но уже произнося эти слова, она отдавала себе отчет в том, что думает: «Ну разве не чудесно, сидя под этим деревом, услышать, как молодой человек безрассудно спрашивает, хочу ли я поехать с ним в Арль?»

— Я вам кое-что поведаю о вас,— сказал Джеф.

— Я пытаюсь читать,— сказала Люси.— Будь вежлив.

— Вы позволяете уничтожать себя...— начал Джеф.

— Что?

—...вашему мужу,— продолжил он и поднялся на ноги.— Он придушил вас, связал и упрятал в сундук.

— Ты сам не понимаешь, что мелешь,— сказала Люси с тем большим негодованием, что иногда она обвиняла Оливера практически теми же словами.— Ты едва его знаешь.

— Я знаю его,— возразил Джеф.— Мне знаком этот тип. У моего отца десяток таких друзей, я видел их дома с рождения. Самоуверенные безгрешные сладкоголосые аристократы, всезнающие хозяева жизни.

— Ты не имеешь и малейшего представления о том, о чем говоришь,— сказала Люси.

— Не имею?

Джеф начал нервно рассказывать перед ней.

— Я наблюдал за вами весь прошлый август. Я садился за вами в кино, стоял возле фонтанчика с содовой, когда вы покупали мороженое. Делал вид, что выбираю журнал в книжной лавке, когда вы приходили за новой книгой. Трижды за день проплывал мимо вашего коттед-

жа. Я не спускал с вас глаз,— возбужденно проговорил он.— Почему, вы думаете, я приехал сюда этим летом?

— Тсс, не так громко,— попросила Люси.

— Ничто не ускользнуло от моего взора,— взволнованно заявил он.— Ничто. Неужели вы не замечали меня?

— Нет,— сказала Люси.

— Вот видите! — торжествуя воскликнул Джеф, словно выиграл очко.— Он надел вам шоры. Ослепил вас! Вы смотрите на мир его холодными бесстрастными глазами.

— Ну, положим,— рассудительно сказала Люси, надеясь успокоить юншу,— я не вижу ничего удивительного в том, что замужняя женщина моего возраста не замечает девятнадцатилетнего мальчишку.

— Не называйте меня девятнадцатилетним мальчишкой,— рассердился Джеф,— А себя замужней женщиной вашего возраста.

— С тобой действительно очень трудно,— сказала Люси и снова взялась за книгу.— Теперь я буду читать,— твердо добавила она.

— Пожалуйста, читайте.

Джеф скрестил руки на груди и посмотрел на Люси.

— Мне безразлично, слушаете вы меня или нет. Я все равно скажу то, что считаю нужным сказать. Я наблюдал за вами, потому что вы — самая восхитительная женщина, какую я видел в жизни...

— После Каркассона,— чистым мелодичным голосом читала вслух Люси,— их задержал ливень; они решили, что Испания в любом случае нагонит на них скуку, и повернули на север в сторону...

Со стоном, застрявшим в горле, Джеф наклонился, схватил книгу и швырнул ее на край лужайки.

— Довольно,— сказала Люси, поднимаясь.— С меня хватит. Одно дело — забавный легкомысленный мальчишка, совсем другое — грубый самоуверенный нахал... Теперь, пожалуйста, уходи.

Джеф посмотрел на нее, стиснув зубы.

— Извините меня,— произнес он глухим голосом.— Я вовсе не самоуверен. Я самый неуверенный в себе человек в мире. Просто я вспоминаю вкус ваших губ, и...

— Ты должен забыть это,— сухо попросила она.— Я позволила тебе поцеловать меня, потому что ты кляпчил, как ребенок, для меня это было все равно что поцеловать плюмяника перед сном.

Произнося эти слова, Люси мысленно похвалила себя за то, как умно она держит себя с Баннером.

— Не говорите неправду,— прошептал оп.— Делайте что хотите, только не говорите неправду.

— Я попросила тебя уйти.

Джеф бросил на шею горящий взгляд. Кто бы пас сейчас ни увидел, подумала Люси, он наверняка бы решил, что этот парень признался мне сейчас в лютой ненависти. Внезапно Джеф повернулся и, расправив плечи, зашагал босиком к тому месту, где валялась книга. Он поднял ее, разглядел смитую страницу и медленно вернулся к дереву.

— Вот ваша книга,— сказал оп.— Да, я безумец. Соглашаюсь с вами во всем.

Он улыбнулся Люси, следя за ее реакцией.

— Я даже признаю, что прошлым летом мне действительно исполнилось девятнадцать лет. Я забуду все, что вы просите меня забыть. Я уже не помню, как называл вас самой восхитительной женщиной; Оливером Крауном и всегда восторгался как образцовым мужем. И главное, я не помню, как целовал вас. Я преисполнен восточного самоотречения и обещаю сохранить его до Дня труда¹.

Он ждал, когда она улыбнется, но Люси не сдавалась. Она отыскивала потерянное место в книге.

— Я смиренен, как червяк,— сказал Джеф, внимательно глядя на Люси,— почтителен, как дворецкий миллионера, беспол, как семидесятилетний евнух из турецкого дома для престарелых... Ну,— торжествующе заметил оп,— вы засмеялись.

— Ладно,— сказала Люси, усаживаясь на землю.— Можешь оставаться. При одном условии.

— Каком? — настороженно спросил Джеф.

— Ты должен обещать не говорить серьезно.

— Обещаю быть пастолько фривольным,— произнес оп,— что маленькие дети в отвращении побегут от меня прочь.

На дальнем берегу зашел горн, и Джеф, словно по сигналу, резко, размашисто отдал честь, по-военному четко повернулся на пятках и произнес:

— Теперь я покидаю вас. Отныне я посвящу свою жизнь поискам четырехлистного клевера.

¹ Праздник, отмечаемый в США в первый понедельник сентября.

Он медленно отошел от Люси и, опустив голову, стал методично разглядывать траву на лужайке, периодически остаиваясь, чтобы сорвать новое растение. Люси сидела, прислонившись к дереву, с полузакрытыми глазами, ощущая присутствие юноши на залитой солнцем лужайке, за которой блестело солнце и тонули в полуденном мареве холмы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Послушай, Люси, ты должна вспомнить, куда ты его положила,— устало и терпеливо говорил Оливер по телефону, и Люси, как всегда в подобных случаях, охватила частичная амнезия — она знала, что Оливер пытается скрыть свое раздражение.

— Напряги память.

— Я точно помню,— сказала Люси,— как клала все счета в ящик моего стола.

Она чувствовала, что голос ее звучит по-детски упрямо, но ничего не могла с собой поделать.

Люси стояла у аппарата в гостиной коттеджа и смотрела на Тони и Джефа, которые играли в шахматы, сидя за большим столом под абажуром в центре комнаты. Они оба сосредоточились, склонив головы над доской, Тони ужасно хотелось выиграть, а Джеф деликатно старался делать вид, что не слышит, как Люси в шести футах от него разговаривает с мужем.

— Люси, дорогая,— тем же утомленным и сдержанным голосом продолжал Оливер,— я дважды перерыл твой стол. Его там нет. Я нашел счета за 1932-й год, рецепт ухи, приглашения на свадьбу знакомых, которые уже три года как развелись,— но счета из гаража там нет. Повторяю,— медленно сказал Оливер тоном, способным вывести собеседника из равновесия,— счета из гаража там нет.

Она едва не расплакалась. Когда Оливер упрекал жену в небрежности, с какой она обращалась со счетами, у Люси появлялось тягостное ощущение, что современный мир слишком сложен для нее, что кто-то заходит в их квартиру, когда там никого нет, и нарочно перекладывает бумаги с места на место, что Оливер считает ее идиоткой и сожалеет о своей женитьбе на ней. Не будь рядом Тони и Джефа, она бы разревелась, и Оливер, смягчившись, сказал бы: «Ну и бог с ним. Но так уж это важно. Я все улажу».

Но, хотя она видела — молодежь уткнулась в доску, Люси не могла заплакать. Она могла лишь сказать: «Я помню, что оплатила их. Твердо помню».

— Дженкинс говорит, что нет,— возразил Оливер.

Дженкинс был хозяином гаража, Люси презирала его за умение мгновенно переходить от наисердечнейшей приветливости к надоедливому брюзжанию, стоило кому-то не внести деньги до пятого числа каждого месяца.

— Кому из нас двоих ты больше веришь? — спросила Люси.— Дженкинсу или мне?

— Но в чековой книжке тоже нет отметки об уплате,— сказал Оливер, и настойчивость в тихом, далеком голосе мужа едва не довела Люси до истерики,— сегодня, когда я подъехал заправиться, он выразил свое недовольство, а я не могу найти счет. Очень неловко себя чувствуешь, Люси, когда к тебе подходит человек и говорит, что ты задолжал ему семьдесят долларов за три месяца.

— Мы правда заплатили,— упрямо сказала Люси, не помня ничего.

— Люси, повторяю, нужен счет.

— Что ты от меня хочешь? — не сдержавшись, закричала Люси.— Чтобы я примчалась и начала искать сама? Я могу приехать завтра утренним поездом.

Джеф быстро посмотрел в ее сторону и снова уткнулся в доску.— Гарде,— предупредил он Тони.

— У меня блестящий план,— сказал Тони.— Смотри.

— Нет, не надо,— устало произнес Оливер.— Я с ним сам разберусь. Забудь.

Услышав это «забудь», Люси поняла, что ей вынесен приговор, очередной маленький безжалостный вердикт.

— Как вы там? — спросил Оливер сухим тоном, наказывая жену.— Как Тони?

— Играет в шахматы с Джефом,— ответила Люси.— Хочешь поговорить с ним?

— Да, пожалуйста.

Люси положила трубку рядом с аппаратом.

— Твой отец хочет поговорить с тобой, Тони,— сказала она и, услышав: «Привет, папа», покинула гостиную.

Выходя на веранду, Люси ощутила на себе взгляд Джефа, наверняка заметившего ее скованность и унижение.

— Мы сегодня видели оленя,— сообщил отцу Тони.— Он спустился к озеру, чтобы попить.

Люси пошла по лужайке к берегу, она не хотела больше говорить с мужем. Вечер был теплым, полная луна све-

тила сквозь легкую молочную пелену, поднимающуюся над озером. В лагере зазвучал горн. Каждый вечер горпист устраивал небольшой концерт. Сегодня он превосходно исполнил сигналы французской кавалерии, и непривычная быстрая музыка придавала размытым, порой тонувшим в тумане берегам пезнакомый и печальный вид.

От воды веяло прохладой, Люси стояла, обхватив себя руками, и под действием лунного света и пения горпа ее раздражение переходило в жалость к самой себе.

Она услышала за спиной шаги, но не обернулась, и когда Джеф обнял ее сзади, она почувствовала себя не женщиной, преследуемой мужчиной, а ребенком, которому покровительствует взрослый. Когда Люси повернулась лицом к Джефу и он поцеловал ее, это чувство сменилось иным, но все равно Люси казалось, что ее сначала ранили, а теперь снимают боль. Гладкие и сильные руки с нежной настойчивостью ласкали обнаженную спину Люси. Она повернула голову в сторону, оставаясь в его объятиях, и уткнулась в плечо Джефа.

— О, господи,— прошептал он и взял Люси рукой за подбородок, пытаясь поднять его, но Люси только сильнее прижалась щекой к фланелевой рубашке юноши.

— Нет,— сказала она.— Нет, не надо...

— Позже,— прошептал он.— Я один в домике. Сестра на неделю уехала в город.

— Перестань.

— Я так хорошо себя вел,— сказал Джеф.— Люси, я больше не могу...

— Мама...— высоким детским голосом закричал Топп из окна.

Люси вырвалась и побежала по траве.

— Да, Топп,— ответила она, поднимаясь на крыльцо.

— Папа сирашивает, ты не хочешь с ним еще поговорить?

Люси остановилась, схватившись за столб крыльца и пытаясь выровнять дыхание.

— Нет, если он не хочет сообщить мне что-то важное,— ответила она в распахнутое окно.

— Мама говорит нет, если ты не хочешь сообщить ей что-то важное,— сказал Топп в трубку.

Люси застыла в ожидании. После непродолжительного молчания Топп произнес:

— Ладно, папа. Пока.

Она услышала звук опускаемой трубки. Топп высунул голову в окно, подняв занавеску.

— Мама,— позвал он.

— Я здесь,— отозвалась она с крыльца.

— Папа просил передать тебе, чтобы ты не ждала его на выходные, к нему придет человек из Детройта.

— Хорошо, Тони,— сказала она, заметив в лучшем свете Джефа, приближающегося к дому.— А теперь, если ты собираешься спать на воздухе, стели постель.

— Мы еще не закончили,— сказал Тони.— У меня выгрынная позиция.

— Отложите партию до утра. За ночь твоя позиция поухудшится.

— Лады,— согласился Тони и убрал голову из окна, с шумом роня занавеску.

Джеф поднялся на крыльцо и остановился перед Люси. Он протянул к ней руки, но она отошла от него и зажгла лампу, стоящую на плетеном столике рядом с диваном-качалкой, на котором собирался спать Тони.

— Люси,— прошептал Джеф, следуя за ней.— Но убегайте.

— Ничего не было,— сказала она и судорожно засушила рубашку Тони, к которой она пришивала днем пуговицу, в корзинку со швейными принадлежностями.— Ничего не было. Забудь это. Я прошу тебя. Забудь.

— Никогда,— промолвил Джеф, стоя возле нее.

Он поднял руку Люси и коснулся ее губами.

— Твои губы...

Стон, вырвавшийся из горла Люси, поразил ее. Она почувствовала, что теряет контроль над своими движениями, жестами, голосом.

— Нет,— сказала Люси и бросилась мимо Джефа, кусая зубами тыльную сторону своей ладони.

На веранду вышел Тони, нагруженный постельным бельем, и свалил его на диван.

— Слушай, Джеф,— сказал он,— не смотри до утра на доску.

— Что? Что ты говоришь?

Джеф медленно повернулся к мальчику.

— Чтобы все было честно,— сказал Тони.— Обещаешь?

— Обещаю,— ответил Джеф.

Он потянуто улыбнулся Тони, поднял телескоп, лежащий под стулом, и начал увлеченно полировать его стекла рукавом своей рубашки.

Люси наблюдала за тем, как сын расстилает на диване-качалке простыни и одеяло.

— Ты уверен, что хочешь сегодня спать здесь? — спро-

сила она, подумав: «Материнские обязанности ворнут мне силу». — Не замерзнешь?

— Тут не холодно, — радостно сказал Тони. — Миллионы людей спят летом на воздухе, правда, Джеф?

— Миллионы, — подтвердил Джеф, полируя линзы.

Он сидел, склонив голову, и Люси не видела его лица.

— Солдаты, охотники, альпинисты, — перечислил Тони. — Я напишу папе, чтобы он привез мне спальный мешок. Тогда я смогу спать даже на снегу.

— Тебе представится множество удобных случаев, — сказал Джеф.

Он встал, и Люси заметила на его спокойном лице привычное выражение дружеской насмешливой снисходительности, какую он обычно проявлял к Тони.

Мне надо быть с ним осторожней, подумала Люси. Он меняется слишком быстро. У молодых людей не только талия гибка.

— Множество удобных случаев, — легкомысленным тоном повторил Джеф. — Например, во время двенадцатой мировой войны.

— Это не смешно, — резко сказала Люси.

Она повернулась и стала помогать Тони.

— Извините, — сказал Джеф. — Во время пятнадцатой мировой войны.

— Не сердись на него, мама, — попросил Тони. — Мы условились, что он будет говорить со мной так, будто мне двадцать лет.

— Мировых войн больше не будет, — сказала Люси.

Мысль о войне внушила ей страх, она отказывалась читать сообщения из Испании, где уже год шли сражения, и никогда не позволяла мужу покупать Тони оловянных солдатиков или духовые ружья. Люси отпосилась бы к войне спокойнее, если бы кто-то мог дать ей гарантию, что она разразится тогда, когда Тони будет слишком мал или слишком стар, чтобы в ней участвовать. Она считала, что патриотом быть легче, имея многодетную семью.

— Найди другую тему, — сказала она сыну.

— Найди другую тему, Тони, — послушно повторил Джеф.

— Ты видел сегодняшнюю луну, Джеф? — спросил Тони. — Она почти круглая. Можно всю ее рассмотреть.

— Луна, — мечтательно произнес Джеф.

Он лег на пол веранды, зажав коленями спинку перевернутого стула и, используя поперечину между ножками в качестве опоры для телескопа, стал разглядывать небо.

— Что ты делаешь? — настороженно спросила Люси.

— Этому меня научил Тони, — отозвался Джеф, регулируя телескоп. — Надо обеспечить неподвижное поле зрения, верно, Тони?

— Иначе, — сказал Тони, стеля постель, — звезды размажутся.

— А размазанные звезды нам не пужны, — Джеф повернул окуляр на четверть оборота.

— Посмотрите на неразмазанную луну, — лекторским тоном произнес он. — Прекрасное место для любителей путешествий. Можно переплыть в каменной ладье *Mare Sigtium*... Как это по-английски, Тони?

— Море Кризисов, — без запинки ответил Тони.

— Море Кризисов, — повторил Джеф. — И на холодной мертвой луне...

Но мог он тогда говорить всерьез, если сейчас так дурчится с Тони, подумала Люси с неприязнью, он просто закидывал удочку...

— А южное, — сказал Джеф, — более приятное место. *Mare Fecunditas*.

— Море Плодородия, — быстро перевел Тони.

— Мы окунем тебя в него разочка два-три для верности, — усмехнулся Джеф, по-прежнему лежа на спине и изучая в телескоп звезды.

— Джеф, — предостерегающе произнесла Люси.

— Море Спокойствия, Озеро Сновидений, — будто не слыша ее, продолжал Джеф, глубоким юношеским голосом извлекая из произносимых с легким приятным бостонским акцентом слов космическую музыку.

— Может быть, луна — то самое место, куда стоит перебраться в этот век. Ты когда родился, Тони?

— Двадцать шестого марта, — ответил мальчик, побольничному тщательно подворачивая свисающие края одеяла и простынь «конвертом».

— Овен, — сказал Джеф; он опустил телескоп и откинул голову на деревянный пол. Потом Джеф закрыл глаза, словно ждал какого-то видения, знака свыше, вслушивался в неземную музыку.

— Баран, двурогое небесное животное. Ты знаешь, Тони, как он оказался среди звезд?

— Ты веришь в эту чепуху?

Тони перестал стелить постель и устался на Джефа.

— Я верю во все, — проникновенным торжественным голосом сказал Джеф, не открывая глаз. — Я верю в знаки Зодиака, в удачу, в переселение душ, в людские жертво-

приношения и тайную дипломатию.

— Приносить людей в жертву,— недоверчиво сказал Тони.— Неужели это было на самом деле?

— Конечно,— ответил Джеф.

— В какие времена? — скептически спросил Тони.

— До половины четвертого вчерашнего дня. Это единственный вид жертвоприношений, в котором есть смысл,— уточнил Джеф.— Обожди, пока сам не совершишь его два-три раза, и ты поймешь меня.

— Ладно, Джеф, хватит,— сказала Люси, подумав: «Он парочно провоцирует меня, из мести».— Тони, не отвлекайся.

— Фрикс и Гелла,— произнес Джеф, не слыша Люси,— дети царя Тессалеи, страдали от притеснений мачехи...

— Это имеет воспитательное значение? — спросила Люси, решив не выдавать своих чувств.

— Огромное,— заверил Джеф.

— Как звали мачеху? — спросил Тони.

— Это узнаешь в следующий раз,— сказал Джеф.— Меркурий, сжалившись над братом и сестрой, послал золоторунного барана, чтобы тот помог им бежать. Баран усадил их себе на спину и помчался по небу; все шло благополучно, пока они не достигли пролива, отделяющего Европу от Азии. Тут Гелла упала и утонула в море, и с тех пор пролив называется Геллеспонт. Когда Фрикс достиг Колхиды, он, исполненный благодарности, принес барана в жертву, а Юпитер вознес несчастное животное на небо в награду за услугу, оказанную им детям царя...

Люси с любопытством посмотрела на Джефа.

— Ты знал все это до встречи с Тони? — спросила она.

— Ни слова,— сказал Джеф.— Дома я провожу над книгами все ночи, чтобы Тони считал меня умнейшим из смертных.

Он улыбнулся.

— Я хочу, чтобы отныне все другие учителя только разочаровывали его, чтобы он приобрел отвращение к школе и никогда больше их не слушал. Уж эту малость я могу для него сделать.

Он неожиданно сел, лицо его сделалось открытым, доверчивым, в искренних глазах отсвечивала лампа.

— Тони,— попросил он мальчика,— покажи маме, как ты дышишь в воде.

— Вот так,— сказал Тони, опустив голову и делая руками гребок.— Взмах, раз, два, три, четыре, вдох!

Он повернул голову вбок, приоткрыл рот так, будто часть его осталась под водой, и с шумом втянул воздух.

— Неужели нельзя дышать более эстетично?— спросила Люси и подумала: «Опасность миновала, все приходит в норму».

— Нельзя,— сказал Джеф,— этому я его научил.

Поджав ноги по-турецки, он обратился к Тони:

— Как ты считаешь, оправдываю я те деньги, что твой отец платит мне?

— Почти,— поддразнивая его, сказал Тони.

— Соври немного в следующем письме,— попросил Джеф.— Во имя нашей дружбы.

Он поднялся с пола, держа телескоп в руке, затем поднес его к глазу и стал рассматривать Тони с расстояния в десять футов.

— Ты начнешь бриться,— торжественно объявил он,— ровно через три года, два месяца и четырнадцать дней.

Тони насмеялся и потер подбородок.

— Молодой человек, позвольте задать вам один вопрос.

Джеф подошел к дивану и привалился плечом к цепи, на которой тот висел; диван покачнулся.

— Вы хотели бы после Дня труда вернуться в город вместе со мной, чтобы я мог за зиму немного просветить вас?

— Ты можешь это сделать?

Люси видела, что идея пришлась Тони по душе.

— Стели постель, Тони,— резко сказала она.— Джеф шутит. Осенью он вернется в колледж и пробудет там до следующего лета.

— Каникулы имеют один недостаток,— сказал Тони,— Чем ближе конец, тем быстрее летят дни. Я правда увижу тебя зимой, Джеф?

— Конечно,— сказал Джеф.— Попроси маму привезти тебя в Дартмут. Сходим вместе на футбол, на зимний карнавал.

— Мама, мы поедем?

— Возможно,— уклончиво ответила Люси, не желая, чтобы это звучало как обещание.— Если Джеф не забудет пригласить нас.

— Завтра, Тони, я разрежу себе руку и напишу приглашение кровью. Мы нажмем тайные кнопки и добьемся избрания твоей мамы Королевой карнавала, ее сфотографируют на большом снежном коме, и все станут восклицать: «Боже мой, такого в Нью-Гемпшире еще не бывало».

Люси смущенно посмотрела на Тони. Будь он годом старше, подумала она, мальчик бы что-то понял. Может, и сейчас...

— Прекрати,— сказала она Джефу, рискуя насторожить Тони,— Не смейся надо мной.

— Я над вами вовсе не смеюсь,— медленно произнес Джеф.

Он вышел на крыльцо и посмотрел на небо в телескоп.

— Марс,— взволнованно произнес он глубоким голосом.— Мрачная, красноватая, немерцающая планета. Это твоя планета, Тони, ты ведь Овен. Марс покровительствует убийцам и воинам. Становись солдатом, Тони, ты возьмешь союзи городов и к двадцати трем годам будешь, по меньшей мере, генерал-полковником.

— Серьезно, Джеф,— сказала Люси,— хватит болтать чепуху.

— Чепуху?— удивленно произнес Джеф.— Тони, ты тоже считаешь, это чепуха?

— Да,— рассудительно ответил Тони.— Но чепуха забавная.

— Люди пять тысяч лет вверяли свои судьбы звездам. Цари Египта...— сказал Джеф.— Люси,— по-мальчишески озорным тоном перебил он себя,— вы когда родились?

— Много лет тому назад.

— Тони, когда у твоей мамы день рождения?

— Двадцать пятого августа.

Тони это увлекло, он умоляюще посмотрел на мать.

— Двадцать пятое августа,— повторил Джеф.— Знак Девы. Дева...

— Мама...— Тони бросил на мать вопрошительный взгляд.

— Я тебе потом объясню.

— В долине Евфрата,— быстро, по-лекторски бесстрастно заговорил Джеф,— Дева отождествлялась с Венерой, печальной и прекрасной покровительницей влюбленных. Ваша планета — яркий Меркурий, постоянно обращенный к Солнцу одной стороной, на ней всегда жара, зато на другой — вечная стужа. Люди, родившиеся под знаком Девы, застенчивы, они боятся собственного блеска.

— Послушай,— сказала Люси, чувствуя, что он заходит слишком далеко,— где ты набрался этой чуши?

— Из «Книги звезд» мадам Вечи,— усмехаясь, пояснил Джеф.— Продается за тридцать пять центов в любой книжной лавке или аптеке. Родившиеся под знаком Девы стремятся к чистоте и порядку, они предрасположены к язве

желудка. В любви они страстны и высоко ценят верность.

— А как насчет тебя?— почти враждебно, с вызовом перебила его Люси, забыв о Тони.— Что говорит твой гороскоп?

— О...

Джеф опустил трубу и покачал головой.

— Это чересчур грустно. Мои звезды не помогают мне.— Он печально указал рукой на небо.— Они подмигивают мне оттуда и твердят: «Никаких шансов. Ну никаких». Я хочу вести за собой, а они настаивают — иди следом. Хочу действовать решительно, а они предостерегают об опасности. Хочу многого добиться, а они утешают: возможно, в другой жизни. Я мечтаю о любви — они предупреждают несчастье. Я родился под чужим знаком.

На гравийной дорожке, ведущей к крыльцу, послышались шаги, и мгновенно спустя Люси увидела девочку в голубых джинсах и свободном свитере. В первый момент Люси не узнала ее, но потом поняла, что это дочь миссис Никерсон, с которой она познакомилась днем в гостинице. Тони замер и уставился на нее.

— Привет,— поздоровалась девочка, поднимаясь на крыльцо.

У нее была рано сформировавшаяся фигура, голубые джинсы туго обтягивали крепкие бедра. Люси с раздражением отметила, что несколько прядей у нее на голове вы светлены.

— Привет,— повторила девочка; она встала, широко раздвинув ноги и засунув руки в карманы джинсов. Без тени смущения на лице, с самообладанием укротительницы диких зверей гостя обвела взглядом веранду.

— Меня зовут Сузан Никерсон,— представилась она: закрыв глаза, можно было с уверенностью сказать, что этот голос принадлежит взрослой, к тому же довольно неприятной женщине.— Нас познакомили сегодня днем.

— Конечно, Сузан,— сказала Люси.— Это мой сын Тони.

— Очень рада,— сухо произнесла Сузан,— Я много о тебе слышала.

Джеф скорчил гримасу.

— Миссис Краун, мама послала меня узнать,— сказала Сузан,— не хотите ли вы сыграть сегодня в бридж, пам пужен четвертый.

Джеф украдкой посмотрел на Люси, затем наклонился и поднял стун, который лежал на веранде.

Люси задумалась. Она представила себе гостиничную перанду с томящимися на ней сезонными вдовами.

— В другой раз, Сузан,— сказала она.— Поблагодари маму за приглашение. Сегодня я устала и хочу пораньше лечь спать.

— Хорошо,— равнодушно произнесла Сузан.

— Бридж,— заметил Джеф,— отбросил эту страну назад еще дальше, чем «сухой закон».

Сузан холодно, изучающе посмотрела на Баннера. Его бесстрастные блестящие голубые глаза напоминали никелевые монетки.

— Я о тебе кое-что знаю,— сообщила она.

Сузан обладала даром произносить самые безобидные слова как обвинение. Люси, отметив это свойство, подумала, что оно пригодится, если девочка когда-нибудь поступит на службу в полицию.

Джеф засмеялся.

— Наверно, будет лучше, если это останется при тебе, Сузан,— заметил он.

— Ты учишься в Дартмуте,— сказала она.— Моя мама находит, что ты красив.

Джеф серьезно кивнул головой, соглашаясь с мамой девочки.

— А ты сама как считаешь?— спросил он.

— Ты ничего.

Она неопределенно повела округлыми плечами, скрытыми под свободным свитером.

— В кино, однако, тебя снимать не пригласят.

— Этого я и сам боюсь,— сказал Джеф.— Ты здесь надолго?

— Надеюсь, нет,— ответила девочка.— В Неваде миз больше нравится.

— Почему?— спросил Джеф.

— Там всегда что-то происходит,— сказала Сузан.— Здесь скучно. Не та возрастная группа. Даже фильмы тут крутят только по выходным. Что вы делаете вечерами?

— Мы изучаем звезды,— сказал Тони, не спуская с нее очарованного взгляда.

— Хм,— произнесла Сузан.

Ответ Тони не произвел на нее впечатления.

Ей не больше четырнадцати, с удивленным и неприязнью подумала Люси, но держится она так, словно привлечь ее интерес больше чем на пять минут могут только крайние формы порока.

Тони подошел к Сузан и протянул ей телескоп.

— Хочешь посмотреть?

Сузан снова пожала плечами.

— Не очень.

Но она все же взяла трубу и вялым движением поднесла ее к глазу.

— Ты когда-нибудь смотрела в телескоп?— спросил Тони.

— Нет,— ответила Сузан.

— В этот можно разглядеть горы на луне,— похвастался Тони.

Сузан неодобрительно, критически посмотрела на луну.

— Поправилось?— тоном хозяина луны спросил Тони.

— Ничего,— сказала Сузан, возвращая трубу.— Луна как луна.

У Джефа вырвался короткий смешок, и Сузан смерила его своим полицейским взглядом.

— Ну,— сказала она,— мне пора. Мама ждет ответа.

Сузан с непринужденностью махнула рукой, словно благословляя всех.

— Пока,— сказала она.

— До завтра,— вымолвил Тони, и его стремление скрыть волнение вызвало у Люси прилив жалости.

— Может быть,— усталым голосом произнесла Сузан.

Бедный Тони, подумала Люси. Первая девочка, на которую он обратил внимание.

— Рада была с вами познакомиться.— сказала Сузан.— Ну, пока.

Они посмотрели ей вслед. Сузан шла по дорожке, ее ягодицы, обтянутые плотной тканью, напоминали два туго накачанных мяча.

Когда девочка скрылась за углом дома, Джеф театрально передернул плечами.

— Уверен, ее мать — та еще штучка,— заявил он.— Могут высказать три догадки, зачем эта дама прошлым летом ездила в Неваду.

— Не сплетничай,— сказала Люси.— Тони, сколько можно возиться?

Тони с трудом вернулся в мир взрослых.

— Смешно она выглядит в брюках, правда? Немного тяжеловато.

— Иногда, Тони, они тяжелеют прямо на глазах,— сказал Джеф.

У Люси еще было свежо в памяти нескрываемое пренебрежение Сузан к сыну. Шутка Джефа смутила ее. В другой вечер, подумала она, сердясь на Джефа, и бы улыбнулась. Но не сегодня.

— Тони,— сказала она,— укладывайся. Надень пижаму. И не забудь почистить зубы.

Тони не спеша направился в комнату.

— Джеф,— сказал он,— ты мне считаешь, когда и лягу?

— Обязательно.

— Сегодня я сама тебе почитаю,— почти автоматически возразила Люси.

— Мне больше нравится, как читает Джеф.— Тони остановился у двери.— Он пропускает описания.

— У Джефа сегодня был трудный день,— настаивала Люси, жалея, что начала спор, но не собираясь уступить.— У него, вероятно, свидание или дружно дела.

— Нет,— начал Джеф,— я...

— В любом случае, Тони,— приказным тоном, который она почти никогда не употребляла в разговоре с сыном, сказала Люси,— иди надень пижаму. Быстро.

— Хорошо,— обиженно сказал Тони.— Я не хотел...

— А ну живо!— закричала Люси на грани истерики.

Удивленный, немного испуганный Тони ушел в комнату. Люси замоталась по веранде, она сложила в стопку разбросанные журналы, закрыла корзинку с шитьем, положила телескоп на стул возле дивана, чувствуя пристальный взгляд Джефа, который что-то папел себе под нос.

Она остановилась перед ним. Джеф прислонился к столбу на крыльце, голова его была в тени, и только слабый блеск выдавал расположение глаз.

— Мне не нравится, как ты ведешь себя при Тони,— сказала она.

— При Тони?

Удивленный Джеф выпрямился и подошел к лампе.

— Почему? Я держусь естественно.

— При детях нельзя держаться естественно,— сказала Люси, сознавая, что голос ее звучит напряженно и фальшиво.— Это недопустимо. Твои скользкие шуточки. Твое притворство...

— Какое притворство?

— Что ты любишь его,— сказала Люси.— Что вы в самом деле ровесники. Что ты хочешь встретиться с ним зимой.

— Но это правда,— возразил Джеф.

— Не лги мне. Ко Дню благодарения ты забудешь его имя. Ты вселяешь в него массу надежд... а осенью Тони будет страдать. Выполни свою работу,— сказала она,— и все.

— Насколько я понимаю, — сказал Джеф, — мне поручено сделать так, чтобы Тони почувствовал себя нормальным, здоровым человеком.

— Ты чрезмерно привязал его к себе.

— Послушайте, Люси, — сердито сказал Джеф.

— Зачем? Для чего? — почти кричала Люси. — Из тщеславия? Неужели это так приятно — видеть, как тянется к тебе одинокий больной мальчик? Неужели это стоит всех ухищрений? Знак Барапа, Море Плодородия, жертвоприношения, Дева, зимний карнавал...

Она задыхалась, словно после длительной пробежки, фразы вырывались сквозь рыдания.

— Почему ты не идешь к себе домой? Почему ты не оставишь нас в покое?

Джеф взял ее за кисти рук, она не попыталась освободиться.

— Вы правда этого хотите? — спросил он.

— Да, — ответила Люси. — У тебя не тот возраст. Ты слишком взросел для Тони и слишком юн для меня. Найди себе ровесницу. — Она вырвалась резким движением.

— Когонибудь, кому ты не причинишь боли, — продолжала она, — партнера на лето, которого ты забудешь в сентябре точно так же, как ты забудешь нас.

— Люси, — прошептал он. — Прекратите.

— Уходи.

Она едва не плакала.

Он снова схватил ее, на этот раз за предплечья, врезаясь пальцами в кожу.

— А мне, думаете, каково? — сказал он приглушенным голосом, чтобы его не услышал Тони. — Проводить все дни рядом с вами? Возвращаться домой и лежать без сна, вспомниная прикосновение вашей руки в тот момент, когда я помог вам выбраться из лодки, шуршание вашего платья, когда вы прошли мимо меня к обеденному столу, ваш смех... и не иметь возможности дотронуться до вас, сказать вам... Боль! — неистово прошептал он. — Не говорите мне о боли!

— Пожалуйста, — сказала она, — если ты со всеми так действуешь, если эта отработанная тактика приносит тебе успех у девушек... забывай меня от нее. Избавь.

Его пальцы на мгновение сжались, и ей показалось, что сейчас Джеф тряхнет ее. И тут он отпустил Люси. Они стояли лицом к лицу, и Джеф обратился к ней устало, тихо, без нажима.

— Прошлым летом вы носили большую соломенную шляпу. Под лучами солнца ваше лицо становилось нежно-розовым. С той поры, стоит мне увидеть женщину в красной соломенной шляпе, мне кажется, будто кто-то сжимает мне горло...

— Пожалуйста,— взмолилась Люси,— я прошу последний раз... Найди себе другую девушку. Их тут дюжины. Молодых, свободных девушек, которым не придется держаться перед кем-то ответ, когда лето кончится.

Он посмотрел на нее, затем кивнул, словно соглашаясь.

— Я признаюсь вам кое в чем,— сказал он,— если вы пообещаете не смеяться.

— Хорошо,— в недоумении произнесла Люси.— Я не буду смеяться.

Джеф сделал глубокий вдох.

— Других девушек нет,— сказал он,— и никогда не было.

Люси опустила голову. Она заметила, что одна из пуговиц ее блузки расстегнулась. Она медленно застегнула ее. Потом, не в силах совладать с собой, начала смеяться.

— Вы же обещали,— с обидой сказал Джеф.

— Извини.— Люси подняла глаза, пытаясь сдержать смех.

— Я смеюсь не над тобой. Я смеюсь над собой.

— Почему?— настороженно спросил он.

— Потому что мы оба такие пеловки,— сказала она,— такие беспомощные, не знаем, как это сделать.

Она серьезно, в упор посмотрела на Джефа.

— Потому что мы сделаем это,— произнесла Люси.

Они постояли секунду молча. Затем Джеф неуверенно потянул ее к себе. Люси шагнула вперед и крепко поцеловала его.

— Люси,— прошептал он и нежно коснулся ее шеи.

— А теперь, маленький мальчик,— шутливо, по-магически сказала Люси, слегка оттолкнув Джефа,— отправляйся-ка в уютный, темный пустой домик твоей сестры, садись на крылечко, смотри на луну, думай о более красивых и молодых женщинах, с которыми ты мог бы провести эту ночь — и жди меня.

Джеф не двинулся с места.

— Вы... вы туда придете?— недоверчиво спросил он, сбитый с толку неожиданной переменой ее настроения.— Вы не шутите? Это не обман?

— Нет, это не обман,— непринужденным тоном сказала Люси.— Я приду, не бойся.

Джеф попытался снова поцеловать ее, но Люси отстранила юношу, покачав головой. Он повернулся, быстро и бесшумно зашагал по росистой траве. Люси проводила его взглядом. Она снова покачала головой, рассеянно подошла к дивану, села рядом, сложив руки на коленях, и стала смотреть на озеро, укутанное туманом. Спустя несколько минут на веранду вышел Тони, в пижаме и халате, с книгой в руке.

— Я принес книгу,— сказал Тони, переступив порог.

— Хорошо.

Люси поднялась со стула.

— Ложись в постель.

Тони оглядел веранду, снимая халат.

— А где Джеф?

Люси взяла книгу и села возле дивана, туда, куда падал свет от лампы.

— Ему пришлось уйти,— сказала она.— Джеф вспомнил, что у него свидание.

— А,— равночарованно произнес Тони.

Положив телескоп возле дивана на расстоянии вытянутой руки, он забрался под одеяло.

— Странно. Мне он ничего об этом не говорил.

— Ты не вправе рассчитывать, что он все тебе говорит,— спокойно сказала Люси.

Она раскрыла томик «Приключений Гекльберри Финна». Оливер составил для Тони список книг на лето, эта повесть значилась в нем под третьим номером. За ней в списке стояла биография Авраама Линкольна.

— Откуда читать?— спросила Люси.

— Там вложен лист,— сказал Тони.

Он использовал кленовый лист в качестве закладки.

— Пашла,— сказала Люси.

Несколько строк она прочитала про себя, чтобы вспомнить текст; лишь деловитое пение сверчков нарушало тишину.

Тони снял очки и положил их на пол рядом с телескопом. Он поерзал под одеялом и с наслаждением вытянулся.

— Здорово, правда?— сказал он.— Вот бы было замечательно, если бы лето никогда не кончалось.

— Да, Тони,— согласилась Люси и начала читать,— «Мы вернулись к тому месту, где осталось каноэ, и пока он разводил огонь на лужайке среди деревьев, я принес продукты, бекон, кофе, кофейник и сковороду, а негр в нерешительности сел поодаль, ему казалось, что тут не обходится без нечистой силы...»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Она лежала на узкой кровати, его голова покоилась у нее на груди; легонько обняв спящего юношу, Люси посмотрела на него. Когда она заметила, что веки его смыкаются, Джеф сказал: «Нет, разве я смогу заснуть в такую ночь?» Затем он вздохнул, пошевелил головой, лежащей у нее на груди, и задремал. На лице его застыло торжествующее выражение, как у маленького мальчика, совершившего на глазах у взрослых нечто трудное, заслуживающее похвалы; она улыбнулась, заметив это, и дотронулась пальцами до его лба. Он успел пробормотать: «Навеки», касаясь губами ее шеи, и теперь, вспоминая это, она подумала: «Как же ты еще молод».

Сначала он держался неуверенно, но после первого неловкого порыва Джеф обнаружил — словно это всегда таилось в нем, чтобы высвободиться от одного ее прикосновения, — нежность и мягкость, глубоко тронувшие Люси; она испытала новые ощущения.

Сейчас, лежа рядом с прижавшимся к ней Джефом, чувствуя легкость и силу во всем теле, Люси умиротворенно вспоминала о мгновениях страсти как о чем-то ушедшем в прошлое, невозвратимом. Они, наверно, будут иногда любить друг друга, но такое уже не повторится.

Знак Девы, подумала Люси. В долине Евфрата — ей казалось, она слышит игривый юношеский голос Джефа, — Дева отождествлялась с Венерой. Родившиеся под знаком Девы застенчивы и боятся собственного блеска. Они стремятся к чистоте и порядку, предрасположены к язвю жолудка.

Она усмехнулась, и юноша пошевелился в ее объятиях. Лицо его стало хмурым, он испуганно откинул голову на подушку, словно пытаясь увернуться от удара. Люси погладила сухое и теплое плечо Джефа, казалось, оно отдавало жар, накопленный за день. Выражение смутного страха на лице Джефа исчезло, рот расслабился, и юноша снова отдался сну.

Пора, подумала Люси. Надо встать и посмотреть, который час. Должно быть, скоро рассвет. Но она осталась в постели, даже мысли о времени казались ей предательством по отношению к Джефу.

Ей не хотелось спать. Сон, чувствовала Люси, отнял бы у ночи ее полноту. Ей нравилось лежать неподвижно, прислушиваясь к ровному дыханию Джефа, кваканью молодых лягушек, доносящемуся с озера, крику совы из соспо-

вого бора, шелесту занавесок, раскачиваемых случайным порывом ветра, сигналу автомобиля, едущему по шоссе, которое ведет в горы. Но прежде всего Люси слушала самое себя. Ее пронзила мысль, что теперь, в три часа ночи, она кажется себе значительно более ценной, чем вчера, в десять часов вечера, и вообще когда-либо. Ценной. Она улыбнулась.

Заглянув в собственную душу, Люси с гордостью и удовлетворением осознала, что этой ночью она впервые почувствовала себя совсем взрослой. Ей казалось, что до сих пор значительная часть ее жизни была посвящена делам, с которыми справился бы и ребенок, играющий во взросло-го человека. И всегда примешивалось беспокойство, что в любой момент маскарад может обнаружиться. Она вспомнила свою мать, умиравшую в возрасте шестидесяти лет в полном сознании; пожилая женщина, пожелтевшая и высушенная, лежа на кровати, расставалась с жизнью, полной боли, тревог, лишений, разочарований, и говорила: «Не могу поверить. Труднее всего поверить, что я состарилась. Когда я не смотрю на себя в зеркало, мне кажется, что я по-прежнему шестнадцатилетняя девочка. Даже теперь, когда входит доктор и по его вытянутому лицу я знаю, что не продержусь и месяца, мне хочется сказать: «Нет, это какое-то недоразумение. Умирание — слишком сложный процесс для человека, который кажется себе шестнадцатилетним».

Оливер мне не помог, думала Люси. Уверенному в себе, снисходительному Оливеру даже импонировала ее застенчивость, он сам принимал все решения; оберегая жену, держал в себе свои волнения, только изредка ругал ее, и то с отеческим великодушием, за такие промахи, как потеря счета за гараж. На вечеринках он чувствовал себя, как рыба в воде, — легкий, учтивый, раскованный, он всегда оказывался в центре внимания. Стоило Оливеру заметить, что жена скучает в углу, затерявшись среди толпы, или же пытается делать вид, будто увлечена разглядыванием картин или книг, стоящих на полках, с нетерпением ожидая, когда придет время расходиться, он тут же прекращал любой разговор, направлялся к Люси, улыбающийся, оживленный, и искусно возвращал ее в круг гостей.

Многие годы она сознавала, что он делает для нее, и испытывала признательность. Теперь же она решила, что благодарности ее была, возможно, ошибкой. То, что она совершила в эту ночь, разительно отличалось от ее поведения в прошлом, поэтому она чувствовала, что и в остальном

ее ждут большие перемены, что она больше не нуждается ни в чьей защите.

Интересно, как поступит Оливер, если узнает. Наверно, подумала Люси, простит ее с тем вежливым превосходством, с каким он простил ей потерю счета. Когда она представила это, ее охватила неприязнь к мужу, и она сама удивилась собственному своеванию.

Люси пришла на память беседа, в которой, кроме нее, участвовали муж и Паттерсон; речь шла об общей знакомой, у которой был роман с полковником. «Это,— заявил Сэм,— недопустимый адюльтер».

— Обожди, Сэм,— сказал Оливер.— А какой же, по твоему, адюльтер допустим?

Сэм сделал торжественно-непроницаемое лицо, каково он всегда делал, когда собирался произнести нечто остроумное, и заявил:

— Допустимый адюльтер — это тот, который приносит наслаждение.

Тогда Оливер от души рассмеялся. Любопытно, подумала Люси, засмеялся ли бы он теперь. Ей никогда не приходило в голову подозревать Оливера в измене, так же как он не допускал мысли о ее неверности. Может быть, этого нам не хватало в браке.

И все же для серьезных перемен не было оснований. Оливеру ни к чему знать о случившемся. Она имеет большой опыт невинности, и теперь, когда она лишилась ее, многолетняя привычка и репутация помогут ей. К тому же время от времени она обманывала Оливера, и всегда успешно. Обманы эти были, разумеется, не слишком серьезными — мелкая ложь о непревышении банковского кредита, умышленно спрятанные приглашения на вечер, на который ей не хотелось идти, пропущенный прием. Большие или маленькие, эти обманы оставались нераскрытыми, Люси прощала и оправдывала себя, считая их смазкой, необходимой для нормального функционирования семьи. Теперь, когда ей предстояло солгать по более серьезному поводу, она чувствовала, что сумеет сделать это без колебаний и найдет себе еще более убедительное оправдание. Сегодня почью с приливом душевной энергии все казалось ей по силам.

Это будет несложно. В конце концов, посмотри, сколько женщинам это удается. Миссис Уэлс с ее благоразумными уикэндами в горах и двумя-тремя ежемесячными свиданиями в Нью-Йорке. Клодия Ларкин со своим профессиональным игроком в гольф, который по субботам

дает уроки Билли Ларкину. Эдит Браун, одна из самых глупых женщин на свете, невозмутимо появляется под руку с мужем на всех светских мероприятиях, хотя многим известно о ее связи с преподавателем химии из Нью-Хейвена.

Одно Люси решила твердо. Она не должна ставить Оливера в смешное положение. Она сама будет абсолютно сдержанна и потребует того же от Джефа. Оливер не понесет никакого ущерба — ни явного, ни скрытого. Она станет — хотя тут логика рассуждений Люси оставалась не до конца ясна ей самой — еще лучшей женой Оливеру. Было бы глупо придавать этому значение, успокоенно подумала Люси. Пятнадцать лет — это немало. Вряд ли среди наших знакомых найдется пара, продержавшаяся даже вдвое меньший срок без подобных вольностей со стороны кого то из партнеров.

Что касается Джефа... Густые темные волосы юноши разметались на ее груди. «Навеки», — сказал он. Время его излечит, снисходительно подумала она.

Люси лежала без движения, довольная собой. Я никогда не просчитывала ситуацию так точно и обстоятельно, подумала она. Никогда так не владела собой.

А еще, подумала она, упиваясь впервые обретенной радостью своеволия, в следующий раз, когда молодой человек будет поглядывать на меня целое лето, я обязательно замечу его.

Джеф снова пошевелился в ее объятиях, напрягся, вздрогнул. Его голова судорожно дернулась, губы раскрылись, словно он пытался закричать. Люси поцеловала его в щеку, и он проснулся.

— Что с тобой? — произнесла она.

Он посмотрел на нее. Джеф, казалось, не понимал, где находится, не узнавал ее.

— Что случилось, мой мальчик? — ласково спросила она, крепче прижимая его к себе.

Он расслабился.

— Ничего.

Джеф улыбнулся, откинул голову на подушку и стал глядеть на потолок.

— Мне снился сон.

— О чем?

Джеф замолк в нерешительности.

— Так. ерунда. — сказал он и провел рукой по ее волосам. — Все равно спасибо, что разбудила.

— О чем? — с любопытством спросила она снова.

— Война,— ответил Джеф, уставившись на темный потолок.

— Какая война?— удивилась Люси — Джефу было не больше двух лет, когда кончилась первая мировая.

— Та, на которой меня убьют,— тихо произнес он.

— О нет,— воскликнула она.

Так вот что, оказывается, снится в наше время юношам, подумала она. А я в это время лежала рядом и восхищалась собой.

— Мне постоянно снится один и тот же сон,— сказал Джеф.— Я в чужом городе, среди вывесок, написанных на незнакомом языке, бегу вдоль улицы, не понимая, откуда летят пули, а они проносятся все ближе и ближе, и я знаю — если я не успею проснуться, меня убьют...

— Как страшно,— сказала Люси.

— Ничего,— успокоил ее Джеф,— мне всегда удастся вовремя проснуться.

Он улыбнулся в темноте.

Внезапно смутные предощущения тягостного сна изменили эту ночь для Люси, и юноша, чья голова покоилась на подушке, показался ей совсем незнакомым и до боли пугным. Она склонилась над Джефом и поцеловала его.

— Ты не должен больше видеть сны,— собственнически сказала она,— это предательство.

Он усмехнулся, и она увидела, что хотя бы ненадолго спасла его.

— Ты права,— согласился Джеф,— я воздержусь от сновидений.

Люси села.

— Надо посмотреть, который час,— сказала она.— Где твои часы?

— На столе,— ответил он,— возле окна.

Она встала с кровати и прошла босиком по холодному деревянному полу, залитая лунным светом. Найдя часы, она поднесла их к глазам. Фосфоресцирующие стрелки показывали около четырех утра.

— Мне пора уходить,— сказала она и пошла к своим туфлям.

Джеф, сидя на постели, смотрел на нее.

— Еще рано, не спеши,— попросил он.

— Надо,— сказала Люси.

— Исполни мою просьбу,— произнес Джеф.

— Какую?

Она остановилась в ожидании.

— Пройди еще раз,— тихо попросил он,— в лунном свете.

Она бесшумно скинула туфли, замерла на мгновение, и медленно пересекла комнату по диагонали, сняв голубизной стройного обнаженного тела.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Тони проснулся от уханья совы. Одеяло валялось на полу, так как спал он беспокойно, и мальчик замерз. Опустив руку, он втащил одеяло на диван и, дрожа от холода, стал слушать сову и ждать, когда он согреется. Первой сове, сидевшей где-то рядом, ответила вторая, которая находилась у берега озера, метрах в ста пятидесяти от дома. Они бранились в темноте, однообразно и угрожающе, точно индейцы перед решительной атакой.

Тони не любил сов. Он вообще не любил животных, издававших ночью звуки. Если им так уж необходимо о чем-то поговорить, почему бы не подлететь друг к другу? Но они этого не делали. Совы сидели, причась за деревьями, и трусливо обменивались угрозами. Тони не нравилось и то, как летают совы. Их полет казался ему тяжелым, осторожным, да и пахнут они наверняка дурно, подумал мальчик.

Луна уже спустилась, и стало совсем темно. Он немного пожалел, что лег спать не у себя в комнате. Темноты он не боялся. Если бы не совы, все было бы в порядке. Их голоса, доносящиеся из мрака, наполняли Тони предощущением беды.

Он задумался, не сходить ли в дом узнать время. Вероятно, четыре часа уже есть. Тони знал, что луна сегодня должна была скрыться в три часа пятьдесят минут. Тони мог поручиться, что во всем спортивном лагере не найдется парня, который знает, что этим утром луна заходит за горизонт в три часа пятьдесят семь минут.

Если уж он все равно встанет, то можно будет заодно посмотреть маму, хотя что он скажет ей, если она проснется? Что он испугался сов? Что он боится темноты? Мамы-то он не стыдился, но она наверняка сообщит об этом отцу, который посмеется над Тони в очередном длинном письме. Тони не обижался на шутки, но он не любил, когда люди смеялись над некоторыми вещами.

Конечно, мама может и не проснуться. Однажды он зашел в ее комнату посреди ночи. Она спала так крепко, что он даже не слышал ее дыхания. Мама лежала под одея-

лом, и оно не ходило, как обычно, вверх-вниз на ее груди. Страшная догадка пронзила Тони. Мама не спит, подумал он, она умерла. Ужаснувшись, он подошел к Люси и пальцами приподнял ее веко. Она не шевельнулась. Она лежала неподвижно. Это был вовсе не ее глаз. Там темнело что-то пустое, невидящее. Более страшной картины Тони в своей жизни не видел. Это была сама смерть. В ужасе он отпустил веко, глаз закрылся, Люси пошевелилась и снова стала его прежней мамой. Тони тихо вышел из комнаты и лег в свою постель, зная, что больше он никогда не станет так делать. Матери он ничего не сказал. Он многими своими думами ни с кем не делился. Например, мыслями о смерти. Если Тони заставлял взрослых за разговором на эту тему — например, когда умер старик Уоткинс, живший по соседству, — они сразу умолкали и начинали беседовать о погоде, школе или других обыденных вещах. Тони делал вид, что ничего не успел разобрать, но на самом деле кое-что он понимал. Когда ему исполнилось четыре года, в Хавверфорде умерла его бабушка. Тони привезли проститься с ней в большой старый дом с теплицами на заднем дворе. Он помнил два запаха, связанных с этим домом: первый, стоявший там до смерти бабушки, — аромат яблок, тыквы и пирога с ананасами, и второй — запах умирания, лекарств, дыма от сигарет, которые курили внизу притихшие родственники. Еще он помнил последние минуты — бабушка решила умереть быстро, взрослые не успели отправить его в гостиницу, в доме было полно пароду, Тони отвели в маленькую комнатку возле гостиной; он слышал, как люди всю ночь не спали, они шептались и плакали, наконец, кто-то произнес: «Теперь она обрела покой».

Он долго размышлял об этом событии, но ни с кем не обсуждал его — Тони знал, что родным это бы не понравилось. Он пришел к выводу, что бабушка решила умереть посреди ночи, потому что днем родственники могли догадаться о ее намерении, и ей стало бы стыдно. Долгое время он так и считал — человек сам решает, когда ему умереть. Человек принадлежит самому себе, думал Тони, и распоряжается собой по своему усмотрению. Забавный случай изменил его представление. В восьмилетнем возрасте Тони сломал палец, пытаясь поймать бейсбольный мяч. Палец так и остался изогнутым. Последняя фаланга смотрела чуть в сторону. Со временем боль исчезла, но палец так и не выпрямился. Тони мог придать ему нормальную форму, прижав его к столу, но стояло отнестись палец, как он тотчас искривлялся. Мальчик смотрел на руку и рассуж-

дал: «Это же мой палец, стоит мне приказать ему стать прямым, и он обязан выпрямиться». Но палец не подчинялся. Именно тогда он начал понимать, что нельзя приказать своему телу жить вечно.

Многое приходилось утаивать от взрослых. Взять, к примеру, школу. Отец спросил его, хочет ли он осенью поехать учиться, и Тони сказал, что хочет — он знал, какого ответа ждет от него папа, и боялся его разочаровать. Когда отец испытывал разочарование в сыне, он ничего не говорил, но Тони все становилось ясно без слов. Это было как запах или чей-то шепот в соседней комнате, когда слов не разберешь, но можно догадаться, о чем идет речь. Уж лучше бы отец что-нибудь сказал. Тони и так уже сильно разочаровал отца своей болезнью. Тони понимал это, видя, каким взглядом отец смотрит на его здоровых сверстников.

Тони знал, что отец ждет от него в будущем чего-то большого. Поэтому, когда мальчика спрашивали, кем он станет, когда вырастет, он отвечал — астрономом; никому из знакомых ребят такое и в голову не приходило. Все хотели стать докторами, адвокатами или профессиональными бейсболистами. Отец посмеивался, когда Тони говорил о своих планах, и мальчик чувствовал, что папа считает их признаком неординарности, но всерьез к ним не относится, поэтому не заводит речь о дополнительных запястьях и о необходимости получать хорошие оценки в школе, чтобы поступить в Гарвардский университет.

Кстати, о школе. Тут необходимо что-то предпринять. Он ничего не имел против самой школы, но ведь тогда придется расстаться с мамой. Если он признается в этом отцу, тот снова по-особенному посмотрит на сына и начнет объяснять, что взрослые люди обходятся без материнской опеки. Видно, решил Тони, ближе к концу лета, когда им уже не удастся долго продержаться его в постели, надо разыграть приступ. Небольшое обострение. Пожаловаться на затрудненное дыхание и мушки перед глазами. Если провести на солнце весь день, то становишься очень горячим, совсем как при жаре.

Болезнь было не так уж плохо, разве что в самом начале, когда все тело ныло, на глаза надевали повязку и заходили к нему каждые десять минут. Зато потом мама все время сидела с Тони, она читала ему, играла с ним в слова, цела, завтракала в его комнате. Тони навещали приятели, и он смотрел на них свысока — он сообщил им, что едва не умер, а с ними такого никогда не случилось.

Элберт Беккер попытался взять реванш рассказом о взрослых. По его словам, мужчина и женщина, раздевшись, забираются на кровать, мужчина ложится на женщину и говорит ей: «Раздвинь ноги», потом она издает странный звук (Элберт Беккер для наглядности тихо застопал, словно поднимал тяжелый ящик); иногда после этого женщина здорово полнеет, и рождается ребенок. Тони был уверен, что Элберт Беккер многое тут насочинял, но расспросить его более подробно не удавалось, потому что в этот момент в комнату вошла мама с молоком и печеньем, а Тони чувствовал, что об этом, так же как и о смерти, при родителях лучше не говорить.

Элберт Беккер больше не навещал его. Ребята приходили к Тони разок-другой в начале болезни, но потом переставали, потому что делать им у него было нечего, разве что просто посидеть у постели. Но мама уверяла, что они ждут, когда он поправится, сможет выходить на улицу и играть с ними, тогда они снова будут хорошими друзьями.

Он не переживал из-за их отсутствия — рядом находилась мама, но ему не терпелось еще раз увидеться с Элбертом Беккером и выяснить все до конца.

Любопытно, подумал Тони, знает ли об этом Сузан Никерсон. Ей, похоже, известно многое. Но она не обращала на Тони внимания. Иногда Сузан купалась с ним или приходила поболтать, но она, казалось, постоянно искала кого-то или ждала телефонного звонка и быстро уходила.

Тони мечтал, чтобы лето длилось подольше. Располагай он большим временем, он бы нашел способ привлечь интерес Сузан. Лето всегда лучше зимы. Летом люди больше бывают вместе. Зимой они куда-то спешат, живут сами по себе, становятся рассеянными.

Джеф уедет в колледж, Тони расстанется с ним на месяцы. Возможно, навсегда. Навсегда. Тони не любил это слово, но иногда приходится сталкиваться с подобными словами. И даже если они с Джефом встретятся, это будет уже не то. Если сначала видишь кого-то ежедневно, а потом встречаешься с этим человеком раз в два месяца, то он становится совсем иным. Через пару месяцев люди думают уже о другом.

Это было одной из причин, по которой ему не хотелось ехать в школу — когда он вернется, мамины мысли унесутся далеко. Взрослые не придают этому значения. Прощаясь друг с другом, они говорят «до свидания»,жимают руки и не думают о том, сколько времени пройдет до следующей встречи — месяцы, годы, состоится ли она вообще.

Взрослые не умеют по-настоящему дружить. Даже после похорон бабушки дедушка мало изменился. Отец Тони на следующее утро просмотрел за завтраком газету и отправился, как обычно, на работу, а через неделю сел за картонный столик, словно ничего не случилось.

Тони вздрогнул и закутался плотнее в одеяло. Он уже жалел, что начал думать на такую тему. Уж он-то не станет играть в бридж через неделю после маминой смерти.

Может, и правда стоит стать медиком, ученым. Попытаться создать эликсир, который сделает человеческую жизнь вечной. Начать можно с обезьян. Исследования придется вести тайно, и однажды он принесет в институтскую аудиторию мартышку, все замрут, ожидая, что он скажет, а Тони поднимет ее на кафедру и объявит: «Господа, сорок лет тому назад я ввел этой обезьянке мою секретную жидкость 007. Смотрите, у нее совсем нет седых волос, она в состоянии прыгать с ветки на ветку».

Он будет контролировать применение этого средства. Прежде всего даст его маме, папе, Джефу, доктору Паттерсону. Остальным он объяснит: «Извините, больше у меня пока нет». Что бы они ни обещали взамен, он не раскроет истинные мотивы отказа.

Он усмехнулся под одеялом, представив себе лица людей в тот момент, когда он говорит им: «Извините, больше пока нет».

Тони повернулся на бок и почти сомкнул глаза, рассуждая о нестареющей мартышке, но тут он заметил, что кто-то идет по лужайке к дому. Он замер, перестав дышать, и присмотрелся. Это была его мама, она шагала по траве в распахнутом пальто. Над землей стелился легкий туман, Люси, казалось, плыла к сыну по серому озеру. Тони не подавал голоса, пока мама не подошла к крыльцу. Остановившись, Люси повернулась спиной к веранде и несколько секунд смотрела вверх дымки. Было очень темно, только сквозь штору из окна пробивался слабый свет, но Тони видел, что мама улыбается.

— Мама, — шепотом позвал он.

Тони произнес это совсем тихо, но Люси вздрогнула от испуга. Она приблизилась к сыну и, склонившись над ним, поцеловала его в лоб.

— Почему ты не спишь? — спросила Люси.

— Я слушал сов, — ответил он. — Где ты была?

— Прогулялась немного, — сказала она.

— Знаешь, кем я стану, когда вырасту большой? — спросил Тони.

— Кем, милый?

— Доктором. Я буду ставить опыты на обезьянках.

Она засмеялась и провела рукой по его волосам.

— Когда ты это решил?

— Сегодня ночью.

Но Тони не рассказал ей, как он пришел к этому. Пока не стоит раскрывать мотивы.

— Ну, — сказала она, — тогда это очень важная ночь, правда?

— Да, — согласился он.

Люси нагнулась и снова поцеловала сына. От нее пахло теплом и сосновыми иголками, будто она касалась веток в лесу.

— А теперь спи спокойно, мой доктор, — сказала она. — Спокойной ночи.

Она прошла в дом, и Тони закрыл глаза. Он слышал ее мягкие шаги за стеной, потом свет погас и стало тихо. Хорошо, подумал мальчик, что я не стал заходить в комнату, когда проснулся. Я бы не нашел ее и испугался.

Совы умолкли — близился рассвет, и Тони задремал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Днем Тони вернулся домой раньше, чем предполагал. Вылазка с пикником у подножья Лукаут-рок на берегу озера и заходом в пещеры планировалась на весь день. Они перекусили, быстро осмотрели пещеры, но Тони обрадовался, когда пошел дождь, и Берт, руководитель группы, в два часа дня повел их обратно. Тони оказался намного старше остальных участников похода. Мамы и няни растерялись из-за раннего возвращения детей, а Тони, предоставленный самому себе, испытывал чувство превосходства и некоторой заброшенности. Он бы не пошел на эту прогулку, если бы Джеф с утра не отпросился в Рутленд к зубному врачу. Мама сказала, что будет занята, и Тони понял — она хочет, чтобы он отправился с ребятами. Но сейчас было только четыре часа, и он остался в коттедже один. Он искал маму в доме, но не нашел ее. На столе в кухне лежала записка. Люси сообщала сыну, что поехала в город смотреть фильм и вернется к пяти часам.

Он взял яблоко, вышел на крыльцо и посмотрел на озеро. День был прохладный, озеро посерело, пахмурилось. Если потеплеет, подумал Тони, я бы искупался. Мальчик достал яблоко, прицелился огрызком в дерево, швырнул его и промахнулся. Он был слишком легок, чтобы попасть

им точно в цель, решил Тони и подумал, а не съездить ли на автобусе в город за матерью. Затем он отказался от этой идеи. Когда он отправлялся куда-нибудь за Люси и находит ее, она сначала улыбалась и радовалась ему, а потом говорила: «Тони, ты не должен ходить за мной по пятам».

Он возвратился в гостиную и посмотрел на часы. Какой смысл ехать за мамой в город, если к пяти часам она вернется сама. К тому же у него нет денег на билет, и где находится кинотеатр, ему тоже неизвестно. Он ни разу не ходил в кино. Сначала папа говорил Тони, что он еще мал. Потом оказалось, что это вредно для глаз. Папа не любил кино. Папа вообще многое не разрешал. Он часто повторял: «Сперва подрасти, Тони. Тебе это еще рано». Тони боялся, что к двадцати годам он будет так занят, наверстывая упущенное из-за отцовских запретов, что у него не останется времени на сон.

Он снова вышел на веранду и включил проигрыватель, который Джеф дал ему на время. Песня пазывалась «Ты меня волнуешь». Он с неодобрением вслушивался в слова, потом вывел громкость на максимум, словно у него собрались гости. Затем Тони принес из маминной комнаты высокое зеркало на подставке. Раньше он часто в отсутствие матери усаживался на ее кровати, отказываясь покинуть это место до возвращения Люси. Теперь, повзрослев, он уже не мог так поступать.

Он взял бейсбольную битку, лежавшую на веранде у стены, и провел по ней рукой. Он принял стойку перед зеркалом, выдвинув далеко вперед левую ногу, как учил его Джеф. Делая плавный угрожающий замах, он внимательно и настороженно смотрел на свое отражение. Потом подал корпус вперед и, чуть согнув колени, нанес удар по воображаемому мячу, летящему на уровне пояса. Затем он попытался достать два мяча, летящих слишком далеко. Он отбил еще четыре-пять мячей, не забывая встречать их перед собой и «добавлять» кистью. Поупражнявшись с битой, он взял бейсбольную перчатку и мяч. Они с Джефом поочередно подавали друг другу — проигрывал тот, кто пропускал десять мячей. Счет они фиксировали карандашом на одной из досок крыльца. Джеф победил двадцать два раза, Тони — дважды. Стоя перед зеркалом, Тони ловил всевозможные мячи — простые, «бекхенды» и «свечи» — последние он принимал, держа перчатку у живота, словно баскетбольную корзину, как говорил Джеф, излюбленным приемом бостонского профессионала Маранвилла по прозвищу Кролик. Это было не так просто, как могло пока-

Тони, обязательно если при этом смотреть на себя в зеркало. Сравнился, он не обернулся, когда кто-то подошел к нему. Спустил несколько секунд Тони заметил Сузан Чокерсон. Голубые джинсы и свободный свитер, казалось, служили ей униформой. Он уже видел ее утром перед поездкой в гости к гостиницы. Тони спросил ее, пойдут ли она с ним, но Сузан ответила: «Нет, это забавы для детей».

Он подкинул мяч два раза не слишком сильно, чтобы никто заметить его на глазах у девочки. Она заговорила с ним.

— Привет, — сказала Сузан, и Тони ощутил вкус мажорной победы.

— Привет, — ответил он, не переставая подбрасывать и ловить мяч.

Сузан приблизилась к Тони и спросила его с пасторальной интонацией и голосом:

— Ты чем тут занимаешься?

— Тренируюсь, — сказал Тони. — Бейсболист должен иметь сильную руку.

— Зачем тебе зеркало? — удивилась Сузан.

Она посмотрела на себя в зеркало из-за плеча Тони и поправила прическу. Она носила волосы более длинные, чем во времена гостиницы, и оттого выглядела значительно старше своих лет.

— Для совершенствования техники, — пояснил Тони. — Для «красоты» работают с зеркалом.

Сузан подошла к нему — тема беседы снова оказалась такой же случайной как и прежде. Она бросила на Тони свой взгляд упрямости гостиницы, словно прикидывая, как именно следует обращаться с этим зерком в данной ситуации. Она привыкла рисковать по-прежнему, трогая книги, без интереса разрывая их и тут же бросая; она коснулась пальцами струны и остановилась возле проигрывателя, без удовольствия слушая музыку, вырывающуюся из динамика.

— Ты один? — спросила Сузан.

— Да.

— Ну и тоска же тут, — сказала Сузан, — правда?

Тони пожал плечами и отвернулся от зеркала.

— Не знаю, — сказал он, — может, для девочек и тоска.

— А где Джеф? — равнодушно спросила Сузан.

— Он поехал в Рутленд, — ответил Тони. — У него заболел зуб.

— Угу, — полицейским голосом произнесла Сузан. —

В Рутленд.

Она уменьшила громкость.

— А где твоя мама?— поинтересовалась она тоном хозяйки, вежливо поддерживающей разговор на скучную для нее тему только для того, чтобы гость не чувствовал себя смущенно.

— Ушла в кино,— ответил Тони.— Через месяц я тоже смогу смотреть фильмы.

— Ушла в кино,— повторила Сузан, приправив свое утверждение оттенком вопросительной интонации.

— Что сегодня показывают?

— Не знаю,— сказал Тони.

— Спроси ее, когда она вернется.

Сузан еще убавила звук.

— Зачем?

— Просто любопытно,— сказала Сузан.— Может, я попрошу маму сводить меня на вечерний сеанс. Откуда у тебя этот проигрыватель?

— Джеф принес,— объяснил Тони.— Он получил его в подарок от тети перед отъездом в колледж. Она у него богатая и часто делает ему подарки. У него в коллекции восемьсот сорок пять записей. Он специалист по свингу.

— Он воображает, будто что-то из себя представляет,— заявила Сузан.— А ты как считаешь?

— Он мировой парень,— сказал Тони.

— Послушать его, так скажешь, что ему лет пятьдесят,— добавила Сузан.

По ее тону было ясно, что Сузан считает это тягчайшим преступлением, какое может совершить мужчина.

— Вряд ли ты знаешь человека умнее его,— воинственно сказал Тони.

— Это ты так думаешь,— парировала Сузан.

Тони страстно захотелось привести какой-нибудь решительный, бесспорный аргумент.

— Да,— вяло сказал он, чувствуя, что его слова звучат неубедительно,— и в этом уверен.

Сузан подошла к проигрывателю и выключила его. Музыка оборвалась с неприятным поющим звуком.

— Ты зачем это сделала?— спросил Тони.

— Не выношу джаза,— сказала Сузан.— Я слушаю только классику. Я сама играю на трех инструментах.

Шагнув к проигрывателю, Тони снова завел его.

— Ну, а мне джаз нравится,— сказал он.— Это мой дом.

— Не твой, а отца,— уточнила Сузан.— За аренду платит он.

— Если это дом моего отца, значит, он мой,— не сдавался Тони.

— Вовсе не обязательно,— возразила Сузан.— Думаи как хочешь, я уйду.

— Ну и уходи,— неуверенно сказал Тони.

— Прекрасно. Я и зашла-то только от скуки.

Своей ленивой пружинящей походкой, покачивая тугими бедрами, она медленно направилась к крыльцу. Тони мрачно посмотрел на Сузан. Резким движением он поднял звукозаписывающий аппарат и выключил аппарат.

— Знаешь,— сдался он,— я тоже не в восторге от этой вещи.

Тень улыбки, с какой выслушивает признание полицейский, мелькнула на лице девочки.

— Так-то лучше,— сказала она и повернула назад.

— На каких трех инструментах ты играешь?

— На фортепиано, тромбоне и виолончели.

Тони, полный решимости скрыть свое восхищение и надеясь взять реванш, взял в руки телескоп и с ученым видом направил его на небо.

— Сегодня,— произнес он,— облака кучевые, перистые. Их высота — около тысячи футов, видимость меньше мили.

— Кому интересна эта чепуха?

— На горе Уилсон — это в Калифорнии — есть телескоп, в который звезды видны даже днем. Готов поспорить, этого ты не знала.

— Кому все это нужно?

Мягко, торжествующе Тони захлопнул ловушку.

— А кому нужна твоя виолончель?

— Мне,— ответила Сузан.— У меня большие способности.

— Кто тебе это сказал? — скептически произнес Тони.

Он обнаружил, что смесь скепсиса и враждебности помогает преодолеть возрастную брешь и различие пола и хотя бы ненадолго уравнивает их.

— Мистер Брэдли мне говорил,— сказала Сузан.— Он преподает музыку в школе, дирижирует оркестром и руководит ансамблем. Во время футбольных матчей я играю на тромбоне, потому что виолончель не потащили на стадион. Мистер Брэдли уверяет, что у меня природный дар. Этой зимой ему захотелось поцеловать меня в аудиториях. В прошлом году он целовался с тремя нашими лучшими скрипачками.

— Зачем он это делал? — спросил Тони, стараясь не выдать своего восторга по поводу оборота, который приняла беседа.

Сузан пожала плечами.

дверь. Неужели ты никогда не видел, как этим занимаются твои предки?

— Нет,— сказал Тони,— они никогда этим не занимаются.

— Как бы не так.

— Точно.

— Не будь ребенком,— устало произнесла Сузан.— Все люди это делают.

— А мои мама с папой — нет.

Тони повысил голос. Он не отдавал себе отчета, почему он упорствует, но ему казалось, что это как-то связано с тем похожим на порослячье хрюканье стоном, который имитировал Беккер.

— Перестань,— сказала Сузан.

Тони еле сдерживал слезы, он уже ненавидел Сузан за ее вопросы.

— Ты гадкая,— сказал Тони

— Не обзывайся,— с угрозой в голосе потребовала Сузан.

— Ты гадкая девчонка,— повторил он.

— Пойди сам посмотри,— сказала Сузан.— И не только с твоим отцом.

— Ты лжешь,— закричал Тони.

— Кино!

Сузан презрительно махнула рукой.

— Фильмы-то крутят только по субботам и воскресеньям. Они тебе наплетут с три короба, а ты всему веришь, да? Сосунок!

Она яростно ткнула пальцем в воздух куда-то за спину.

— Сходи к домику сестры Джефа и загляни в окно, как это сделала я,— посмотрим, что ты тогда скажешь.

Тони неловко замахнулся на нее телескопом, но она оказалась проворней и сильнее его. Вырвав после недолгой борьбы трубу из рук мальчика, она швырнула ее на пол. Они замерли, тяжело дыша.

— Только попробуй ударить,— сказала Сузан и пренебрежительно отпихнула Тони.— Ребенок,— повторила она.— Маленький глупый ребенок. И не забудь прихватить свои очки.

Она круто повернулась и ушла, виляя округлыми бедрами, обтянутыми джинсовой тканью.

Тони проводил ее взглядом, глотая слезы. Затем, сам не ведая почему, он прошел в дом и уселся на мамину кровать. В комнате пахло ее духами и особым мылом, которое Люси присылали из Нью-Йорка. Внезапно Тони вскочил

и вернулся на веранду. Ветер стих, облака нависли над водой, придавая озеру вид еще более мрачный, чем прежде. Тони постоял с минуту в тишине, потом бросился с веранды и побежал по лесу в направлении домика, где жил Джеф.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Когда Люси и Джеф подошли к коттеджу, уже близился вечер. В разрыве облаков виднелось опускающееся за горы солнце, его почти горизонтальные нежаркие лучи окрашивали озеро в свинцово-розовые тона. Где-то, казалось, очень далеко — дальше, чем обычно, запел горн, его печальный вибрирующий звук тонул в насыщенной влагой атмосфере. Люси накинула на себя плащ, он свисал пелериной с ее плеч, собираясь в складки вдоль тела; она медленно пересекла лужайку, на шаг опережая Джефа. Люси поднялась на две ступеньки и застыла, слушая горн. Она стала снимать плащ, Джеф протянул руки, взял его, положил на кресло и осторожно повернул Люси лицом к себе. Она предприняла слабую попытку увернуться и, склонив голову в сторону, улыбнулась юноше. В выражении его лица, освещенного сбоку последними лучами заходящего солнца, различались четыре или пять оттенков — Джеф словно сам не понимал, победитель он сейчас или побежденный, счастлив ли воспоминаниями о сегодняшнем дне или опечален его завершением. Горн на противоположном берегу озера смолк; Люси подошла к столу и взяла пачку сигарет.

— Где бы я ни оказался, — заявил Джеф, — услышав горн, я тотчас все вспомню.

— Тсс... — прошептала Люси.

Джеф бросил спичку и посмотрел на вытянутые, серые, улыбающиеся, с неожиданным восточным разрезом, таящие в себе неразгаданный секрет глаза Люси, потом на ее полные мягкие губы — сейчас, когда помада стерлась, они сливались по тону с загаром.

— О, господи, — тихо вымолвил он.

Не обнимая Люси, Джеф скользнул пальцами вдоль ее бока, медленно и ласково провел рукой по животу.

— Какое восхитительное место! — прошептал он.

Люси усмехнулась.

— Тсс, — повторила она, взяла его кисть, поднесла ее к своему рту и поцеловала ладошку.

— Сегодня ночью... — начал Джеф.

Люси дотронулась губами до кончиков его пальцев — так целуют детей.

— Вот и все, — сказала она.

Люси выпустила руку Джефа и открыла дверь коттеджа.

— Тони, — позвала она. — Тони, ты где?

Не получив ответа, она повернулась к Джефу. Он поднял с пола перчатку и мяч, брошенные Тони час назад, и стал, забавляясь, вполсилы отрабатывать «бекхенд».

— Он, вероятно, еще не вернулся с прогулки, — сказал Джеф. — Не волнуйся, к обеду придет.

— Мне нужно переодеться, — сказала Люси.

Джеф положил перчатку и мяч на пол.

— Пожалуйста, не уходи, — попросил он. — Остайся здесь. Не надо переодеваться. Я без ума от твоего платья.

Он коснулся оборок на бедре.

— Я его просто обожаю.

— Хорошо, — согласилась она. — Мы все делаем по-твоему, потому что...

Она замолчала.

— Почему? — спросил Джеф.

— Потому что тебе двадцать лет, — ответила Люси.

— Хороша причина, — обиделся Джеф.

— Другой нет, мой мальчик, — равнодушно молвила Люси.

Она уселась на диване-качалке, свесив ноги и касаясь туфлями пола. Джеф смотрел на Люси; она откинула голову назад и зажмурила глаза из-за сигаретного дыма.

— О, господи, — пробормотал Джеф.

— Перестань повторять «о, господи», — сказала Люси.

— Почему?

— Потому что это переводит наши отношения в совсем иную плоскость. Ты добьешься того, что у меня появится чувство вины, а я этого не хочу. Присядь. Не маячь надо мной постоянно.

Джеф расположился на полу, прислонившись к дивану; голова его находилась у ног Люси.

— А мне нравится маячить над тобой.

— Только в специально отведенное для этого время, — сказала Люси.

Она дотронулась пальцами до его затылка.

— Чудесные волосы, — сказала она. — Стриги их всегда коротко.

— Обещаю, — произнес Джеф.

Люси запустила пальцы в его волосы.

— У тебя череп упорного, настойчивого человека.

— Ага.

— А волосы пахнут как у Тони,— заметила Люси.— Солнцем, жарой, летом. С годами у мужчин волосы начинают пахнуть иначе — сигаретным дымом, тревогами, усталостью, парикмахерской.

— Какой запах у усталости?— спросил Джеф.

Люси задумалась, потом сказала:

— У нее вкус аспирина. Будь я взрослым мужчиной, я любила бы только семнадцатилетних девушек — сияющих, пухленьких, свеженьких.

— Будь я взрослым мужчиной,— повторил за ней Джеф,— я любил бы только тебя.

Люси усмехнулась.

— Как прекрасно ты воспитан! Скажи честно, сколько девушек у тебя было?

— Одна.

— О,— вырвалось у Люси.— Значит, вместе со мной — две.

— Вместе с тобой — одна.

— У тебя и правда прекрасные манеры. Ты меня, конечно, обманываешь.

— Хорошо,— сказал Джеф.— Я во всем признаюсь. Я заправский сердцеед. С тех пор, как мне стукнуло пятнадцать, полдюжины женщин покончили с собой из-за моей персоны. Меня разыскивает полиция десяти штатов. В четыре года я соблазнил лучшую подругу моей бабушки, и с тех пор не знаю отдыха. Я объявлен персоной нон-грата на территории кампусов всех женских колледжей восточных штатов. Моя книга «Как побеждать, удерживать и бросать женщин» переведена на двенадцать языков, в том числе на два мертвых.

— Достаточно, я уже получила представление,— сказала, смеясь, Люси.— Ты забавный. А я считала теперешнюю молодежь ужасно распущенной.

— Я — полная противоположность,— заявил Джеф.

Люси подняла голову и с любопытством, изучающе посмотрела на Джефа. Он не повернулся.

— Я тебе верю,— сказала Люси.

— Я ждал.

— Чего?

— Тебя,— ответил Джеф.

— А если серьезно?

— Я говорю серьезно,— сказал Джеф.— Я ждал чего-то,— он на мгновение задумался,— захватывающего. Я по

любитель мимолетных связей. Среди моих знакомых девушек немало хороших, привлекательных, интересных. Но ни с одной из них у меня бы не получилось романа, который поглотил бы меня.

— Ты действительно романтик, — сказала Люси.

— Любовь должна быть романтической, — наставительно заметил Джеф. — В противном случае лучше ходить в спортивный зал.

Люси улыбнулась.

— Ты необычный.

Она заговорила более серьезно.

— А я захватила тебя всего?

— Да.

— Ты первый человек, на которого я так подействовала, — сказала Люси.

— А твой муж? — спросил Джеф.

— Не знаю, — сдержанно сказала Люси. — Я думаю, ему со мной просто удобно.

— Этого недостаточно.

— Да?

На лице Люси появилась настороженность:

— До последнего времени этого хватало.

— А теперь?

Люси выбросила сигарету и расправила рукой складки платья.

— А теперь я хочу подойти к бару и что-нибудь выпить.

Она встала. Не поворачиваясь, Джеф протянул руки и нежно усадил ее на прежнее место.

— Твой брак — какой он?

— Зачем тебе это?

— Мне надо знать, — сказал Джеф, — я хочу знать о тебе все. Хочу увидеть твои детские фотографии, знать твою девичью фамилию.

— Хэммонд.

— Хэммонд, — повторил Джеф. — Люси Хэммонд. Звучит прекрасно. Какие книги ты читала в четырнадцать лет?

— «Удивительные высоты», — ответила Люси. — «Маленькие женщины».

— Чудесно, — сказал Джеф. — А еще я хочу знать, как ты собиралась распорядиться своей жизнью до замужества, и о чем ты говоришь за обеденным столом, дома с мужем.

— Зачем тебе это? — спросила Люси.

— Я хочу владеть тобой — твоим прошлым, настоящим и будущим.

— Будь осторожен, — предупредила его Люси.

— А я не желаю быть осторожным, — заявил он. — Что ты скажешь о своем браке? Таком прочном и стабильном?

— Раньше я всегда думала, — серьезно сказала Люси, — что он меня удовлетворяет.

— А сейчас?

— Осенью я снова буду считать его таким.

Поднявшись, Джеф подошел к краю веранды и посмотрел на озеро.

— Люси, — позвал он.

— Да?

— Когда Краун приедет сюда, — тихим голосом сказал Джеф, — ты ляжешь с ним в постель?

Он повернулся к ней лицом.

Быстро встав с дивана, Люси взяла свой плащ.

— Я думаю, пора зайти в дом и выпить, — сказала она.

— Ответь мне, — настаивал Джеф.

— Не будь глупым.

Голос Люси звучал как предупреждение.

— Ответь мне.

— Это не имеет к нам никакого отношения.

Надев плащ, Люси начала застегивать его.

— Я прошу тебя дать мне обещание, — сказал Джеф, — отходя от края веранды.

— Какое?

— Не иметь никаких дел с мужем, пока...

— Пока что? — спросила Люси.

— Пока мы вместе.

Люси застегнула пуговицы на плаще и подняла воротник.

— И как долго это продлится?

Джеф сказал с несчастным видом:

— Не знаю.

— Назови срок, — потребовала Люси. — Два дня? Неделью? Сезон? Пять лет?

Джеф подошел к Люси, но не дотронулся до нее.

— Не сердись, — удрученно попросил он. — Просто сама мысль для меня непереносима. Послушай, мы можем встречаться всегда. Раз в месяц я буду приезжать в Нью-Йорк. А еще на праздники и зимние каникулы. Почти каждый уикэнд я могу проводить в Бостоне.

Люси кивнула головой, словно приняла всерьез парисованную им перспективу.

— Ага. Бостон. В каких отелях ты посоветуешь мне останавливаться? В Рице? Копли? Или в одной из гостиниц

для коммивояжеров? В Турейне? Стейтлере? И надевать ли мне обручальное кольцо?

Джеф поднял руки, будто защищался от ударов.

— Люси,— с мукой в голосе сказал он.— Не надо.

— И в качестве кого прикажешь представлять тебя в Бостоне?— продолжала Люси.— В качестве моего сына? Племянника? Друга детства?

— Но превращай все в грязь,— рассерженно произнес Джеф.

— И что я должна, по-твоему, сказать мужу? Некто, пожелавший остаться безымянным, запретил мне . . .

— Прекрати,— сказал Джеф.— Есть много других способов.

— Правда?— с радостным удивлением в голосе произнесла Люси.— Может, ты сочинишь для меня ноту? Эта полезная для будущего дипломата практика пригодится тебе, когда ты станешь составлять протест премьер-министру Ирана или меморандум для венгерского МИДа. Дорогой Сэр, настоящим извоццем Вас о предъявлении прав на тело Вашей супруги со стороны...

— Не надевайся надо мной,— подавленно сказал Джеф.— Разно я могу вести себя иначе? Люси, дорогая, пока все было идеально. Неужели ты обвинишь меня в том, что я хочу сохранить это?

— Идеально,— Люси иронически кивнула головой, как бы соглашаясь.— Их любовь была идеальной, они предавались ей во время студенческих каникул и уикэндв в дешевых гостиничных номерах, а по понедельникам молодой человек всегда спевал к первой лекции. Так ты это себе представляешь?

— О, господи,— сказал Джеф.— Я словно в ловушке. Если бы я был старше, имел профессию и собственные средства...

— Что тогда?— с вызовом спросила Люси.

— Тогда мы могли бы уехать куда-нибудь,— сказал Джеф,— поженившись, жить вместе...

Люси на мгновение задумалась. Потом она сказала тихим ласковым голосом:

— Радуйся, что ты еще слишком молод, не имеешь профессии и собственных средств.

— Почему?

— Потому что в любом случае я не уехала бы с тобой.

— Не говори так.

— И тогда,— продолжала Люси,— ты бы стал искать причину в себе, а не в своем возрасте или бедности. Это

намного больней. А так ты сможешь вернуться осенью в колледж и холодными вечерами хвастать в спальне своим насыщенным летом, которое ты провел у сестры в Вермонте. Я уже слышу, как ты рассказываешь о нем, заранее прощаю тебя и даже немного завидую тому удовольствию, которое ты получишь. «Сам не знаю, что они во мне находят,— заявишь ты,— но замужние женщины определенного возраста,— тут ты подмигнешь приятелям,— просто виснут у меня на шее».

— Чего ты добиваешься?— спросил Джеф.

— Я пытаюсь объяснить тебе,— сказала Люси,— что лето — это только лето. Сезонные гостиницы закроются. Окна коттеджей спрячутся за ставнями. Озеро скует лед. Птицы улетят на юг. Дети вернутся в школу, а взрослые... к хождению по магазинам, бриджу, неудачам, страховкам, реальности...

Последние холодные лучи солнца падали на Джефа; вид у юноши был подавленный.

— Ты меня не любишь,— выговорил он.

Улыбаясь, Люси подошла к юноше.

— И это не совсем верно,— сказала она, нежно взяла юношу за подбородок и поцеловала.

— Не печалься, мальчик,— добавила Люси, отходя от него.— До конца лета еще есть время.

Джеф шагнул за ней и остановился, увидев вышедшего из-за деревьев Тони. Мальчик медленно брел по лужайке к дому. Люси заметила его одновременно с Джефом и вышла с веранды навстречу сыну. Тони замер, посмотрел на мать и Джефа, его лицо ничего не выражало. Он казался усталым и бледным.

— Привет, Тони,— сказала Люси.— Ты где пронадал до сих пор?

— Нигде,— ответил Тони.

Стараясь не приближаться к матери, он зашел на веранду.

— Интересная была экскурсия?— спросил Джеф.

— Ничего,— сказал Тони.

Прислонившись к стене, он изучающе посмотрел на Джефа.

— Как твой зуб?

— В порядке.

— Фильм понравился?— спросил мать Тони.— Что показывали?

— Я... я не ходила в кино,— ответила Люси.— Оказалось, что сеансы только по уикэндам.

— А,— вежливо произнес Тони.— Где же ты была?

— В антикварном магазине,— ответила Люси.

— Что-нибудь купила?— спросил Тони.

— Нет,— сказала Люси,— все так дорого. Просто посмотрела. Мы с Джефом собираемся в гостиничный бар. Не составишь нам компанию? Там есть кока-кола.

— Я не хочу пить.

— Все равно,— сказала Люси.

— Я не хочу пить,— повторил Тони.

Подойдя к сыну, Люси приложила руку к его лбу.

— Как ты себя чувствуешь?

Мальчик отпрянул.

— Я здоров,— сказал Тони.— Просто немного устал,— нерешительно добавил он.— Из-за этого похода не поспал днем. Лучше я прилягу минут на пятнадцать.

Испугавшись, что мать забеспокоится, он широко, открыто улыбнулся.

— Поход — дело нешуточное,— сказал он.— Пока.

Тони ушел в дом и забрался в постель. Он лежал неподвижно с открытыми глазами до тех пор, пока не увидел в окне Люси и Джефа, идущих в сторону гостиницы; после этого Тони медленно досчитал до пятисот и позвонил отцу в Хартфорд.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Забрызганный грязью автомобиль подъехал к коттеджу; в тусклом свете фар, отраженном мокрой листвой, на испачканном ветровом стекле выделялись сектора от «дворников». Оливер остановил машину и минуту посидел за рулем, отдыхая после дальней дороги. В окнах горел свет, но никого не было видно. Он вошел внутрь. В комнате никого не оказалось. С улицы доносился звук капель, падающих с листьев клена. На столе валялись в беспорядке газеты, на диване — раскрытая и перевернутая обложкой вверх книга. Оливер увидел шахматную доску с несколькими фигурами и раскиданные по полу пешки. На ковре под вазой с пионами лежали осыпавшиеся лепестки.

Глядя на пустую гостиную, Оливер подумал, что Люси умеет где угодно за пять минут устроить маленький хаос. Обычно он снисходительно умилялся этому ее свойству, но сегодня, после утомительного путешествия, оно вызвало у него раздражение.

Оливер снял шляпу и потер руки, согревая их. Огонь в камине не горел. Часы показывали две минуты девятого. Как всегда, Оливер приехал точно в обещанное время. Он

прошел на кухню, чтобы взять из шкафчика, висящего над холодильником, бутылку виски. В раковине лежала посуда, оставшаяся от чаепития. Оливер заметил три чашки, блюдца и тарелочки с крошками от шоколадных пирожных. Он достал виски и налил себе темного. Не разбавляя его водой, он вернулся в гостиную, устало сел в кресло и стал ждать, потягивая спиртное. На веранде послышались шаги. Дверь распахнулась, и в гостиной появился Тони в бейсбольной шапочке. Мальчик застыл у порога. Казалось, ему не хочется входить в комнату.

— Привет, Тони,— сказал Оливер, улыбаясь сыну.

— Папа,— произнес Тони.

Он приблизился к отцу, словно собираясь поцеловать его, и замер возле Оливера.

Краун снял с сына шапочку и ласково потренил его волосы.

— Что за тайны, Тони,— шутливо сказал Оливер.— Не объяснил мне, что случилось. Потребовал, чтобы я приехал сюда ровно к восьми. Попросил не говорить с мамой.

— Ты точно не звонил ей?— недоверчиво спросил Тони.

— Не звонил,— ответил Оливер, не считая нужным сообщать сыну, что по дороге он пытался связаться с Люси по телефону из Уотербери, но линия оказалась поврежденной из-за дождя.

— Она не знает, что ты здесь?— спросил Тони.

— Нет,— сказал Оливер.— Я зашел через черный ход, в то время, когда вы обычно обедаете. Тони,— добродушно добавил он,— тебе не кажется, что ты прочитал слишком много комиксов?

— Я не интересуюсь комиксами,— сказал Тони.

— Ты заставил меня изрядно поволноваться.

— Извини.

— Сядь сюда.

Оливер указал на соседнее кресло. Тони медленно подошел и сел в него. Краун отхлебнул виски.

— Ну, что стряслось?

— Папа,— тихо произнес Тони,— я хочу домой.

— А,— Оливер задумчиво посмотрел на бокал.— Почему?

Тони сделал беспокойное движение руками.

— Мне тут надоело.

— Ты здесь окреп, Тони,— сказал Оливер.— Приобрел отличный загар, поздоровел, мама мне писала, что...

— Я хочу домой,— решительно повторил Тони.

Оливер вздохнул.

— Ты сказал об этом маме?

— Нет,— ответил Тони.— С ней говорить бесполезно.
Оливер понимающе кивнул.

— А,— сказал он,— видно, вы с ней немного повздорили.

— Нет.

Оливер отпил из бокала.

— С Джефом?

На мгновение Тони задержался с ответом.

— Ни с кем,— сказал он.— Неужели человек не может один раз в жизни попросить папу забрать его в город без того, чтобы все на него набросились?

— Никто на тебя не набрасывается, Тони,— успокаивающе произнес Оливер.— Но если ты звонишь отцу в другой город и даешь таинственные указания, он вправе задать тебе вопрос-другой. Будь же разумен, Тони.

— Я разумен,— топом человека, припертого к стенке, ответил мальчик.— Я хочу поехать домой, чтобы не находиться в одном месте с мамой и Джефом.

Оливер опустил бокал.

— Что ты сказал?— очень мягко произнес он.

— Я не желаю оставаться тут с мамой и Джефом.

— Почему?

— Не могу сказать.

Оливер пристально взглянул на мальчика. Тони сидел, склонив голову и уставившись на свои ботинки; руки его были спрятаны в карманы, он казался обиженным и смущенным.

— Тони,— сказал Оливер,— мы всегда находили общий язык, верно?

— Да.

— Я делился с тобой моими проблемами, а ты со мной — своими,— продолжал Оливер.— Я прав?

— Да.

— Я когда-нибудь не сдержал данного тебе слова?

— Нет.

— Не ответил честно на твой вопрос?

— Нет.

— Прошлым летом, когда у тебя появилась привычка сочинять небылицы,— напомнил Оливер,— например, про то, как ты, не умеющий держаться на воде, переплыл озеро или про старого мистера Нортон, который якобы пригласил тебя провести месяц у него на ранчо в Вайоминге и обещал подарить тебе коня.

— Это была просто детская болтовня,— сказал Тони.

— Согласен,— кивнул головой Оливер.— Разве я не

говорил, что понимаю тебя? Ты мог поведать мне любую выдумку — я сознавал, что ты забавляешься и даешь выход фантазии. Но чужие люди сочли бы тебя обманщиком, человеком, которому нельзя верить.

— Я больше не рассказываю истории,— промолвил Тони.— Никому.

— Конечно,— согласился Оливер.— Взять даже твои глаза — мне было очень трудно честно сказать тебе, что случилось и каковы шансы на благополучный исход — но я сделал это. Разве не так?

— Да,— признал Тони.

— Ты знаешь, почему я поступил подобным образом?

— Думаю, да.

Голос Тони понизился до шепота.

— Потому что я боялся фальши в наших отношениях,— объяснил Оливер.— Потому что я хотел, чтобы ты, став взрослым и достигнув моего теперешнего возраста, как бы ни сложилась твоя жизнь, мог бы сказать — мы с отцом всегда уважали друг друга.

Оливер протянул руку и похлопал Тони по колену. Затем он встал, подошел к открытой двери. На улице было темно и сыро. Он закрыл дверь.

Тони поднял голову и взглянул на отца, губы мальчика дрожали. Он ждал, что еще произнесет отец, но Оливер молчал.

Подойдя к нему, Тони замер.

— Я не знаю, как сказать,— прошептал он.— Мама с Джефом... Они занимались чем-то дурным. Тем, что делают взрослые, когда поженились. Я хочу домой.

Оливер на мгновение закрыл глаза. После звонка Тони он был готов к чему угодно, но только не к этому. Сидя за рулем и всматриваясь в дождь, он думал, что у Тони очередной кризис, который, возможно, сын преодолет уже к моменту его прибытия. Он бы и не поехал, если бы в работе не образовался небольшой просвет. В детской слышались крики, и вы спешите туда, чтобы разнять малышей, швыряющих друг в друга подушки, а распахнув дверь, обнаруживаете одного ребенка на полу в луже крови, другого — стоящим над ним с ножом в руке.

— Кто это тебе сказал, Тони?— спросил он.

— Сузан,— ответил Тони.

— Кто эта Сузан?

— Она живет с матерью в гостинице. Сузан Никерсон. Ей четырнадцать лет. У нее три отца. Ее мама дважды разводилась. Сузан многое знает.

— Поэтому ты вызвал меня, Тони?— спросил Оливер.— Это единственная причина?

Тони молчал.

— Да,— признался он наконец.

— Тони,— сказал Оливер, тщательно обдумывая каждое слово,— летом в таком месте полно праздных скучающих женщин, дурных женщин, которые развлекают себя сплетнями о соседях; порядочные люди не должны их слушать. А четырнадцатилетние девочки, которые только начинают проявлять интерес к мальчишкам, улавливают обрывки их бесед, не предназначенных для детских ушей, и сочиняют на их основе всякие небылицы. Тем более это похоже на девочку, чья мать переходит из рук в руки.

— Я ее ударил,— заявил Тони.— Когда она сказала.

Оливер улыбнулся.

— Я не думаю, что в этом была необходимость. Но и слушать ее нечего. Тони, можешь сделать мне одолжение?

— Какое?— испугался мальчик.

— Не говори об этой истории маме,— попросил Оливер.— И Джефу тоже. Мы представим все так, будто у меня неожиданно появилось свободное время, я сел в машину и приехал. Хорошая идея, а?

Тони отступил на шаг, его словно терзала боль.

— Нет.

— Почему?— спросил Оливер.

— Дело не только в Сузан.

Оливер обнял сына за плечи.

— Не стоит придавать значение сплетне, даже если ее распускают два, три или сто человек. Тебе известно, что такое сплетня?

— Да,— ответил Тони.

— Это самая отвратительная вещь на свете,— сказал Оливер.— Это болезнь взрослых. И единственный способ остаться на всю жизнь юным — не верить ей и не распространять ее самому.

Внезапно Тони вырвался из отцовских объятий.

— Я сам!.. Я сам! Вчера я подошел к домику его сестры, заглянул в окно и увидел все собственными глазами.

Он повернулся, почти бегом пересек комнату и упал в кресло, пряча лицо от Оливера. Он всхлипывал, отчаянно пытаясь скрыть слезы.

Оливер устало потер глаза, подошел к сыну и присел на подлокотник.

— Ну ладно, полно тебе.

Он погладил Тони по голове.

— Тони, как это мне ни тяжело, но другого пути нет. Ты еще молод. Я не знаю, что тебе уже известно, и что нет. Ты, возможно, считаешь тяжким преступлением нечто абсолютно невинное. Тони, — продолжал он, — ты должен описать в точности все, что видел.

Мальчик заговорил.

— Она сказала, что идет в кино. Но Сузан оказалась права. Мама не была в кино. Я отправился к домику его сестры, она уехала отсюда на неделю. Окно было закрыто жалюзи, но они не доходят до низа, остается щель. Они лежали в постели... без одежды. И мама целовала...

Резко переменив позу, Тони посмотрел на отца.

— Я хочу домой... Возьми меня в город.

Он зарыдал, открыто и безутешно.

Оливер застыл в оцепенении, глядя на сына.

— Не плачь, Тони, — хриплым шепотом попросил он.

Оливер встал и потянул сына из кресла.

— Пойди умойся, — сказал он.

— Что ты собираешься делать? — спросил Тони.

Оливер покачал головой.

— Не знаю, — ответил он.

— Ты не уедешь?

— Нет, — обещал Оливер. — Просто посижу немного. Ступай, Тони. У тебя глаза совсем красивые.

Шаркая ногами по полу, Тони медленно отправился в ванную. Оливер проводил его взглядом и отрешенно покачал головой, подавленно и бесцельно прошепел по холодной комнате. На стуле валялась соломенная сумка и яркий оранжевый платок, брошенные Люси. Он поднял платок к лицу и вдохнул запах знакомых духов. Оливер наклонился и поднял сумку. В ней лежала миниатюрная пудреница. Он открыл ее. Зеркальце было засыпано порошком. Он положил плоскую круглую коробочку на стол, аккуратно извлек остальные предметы и стал автоматически раскладывать их по поверхности. Там были флакон с духами, связка ключей, расческа, вырезка из газеты с рецептом пирога. Он вынул также крохотный кошелек, посчитал в нем семьдесят восемь центов, составил из монет ровную стопку. Затем Оливер методично, по одной вещи, сложил все обратно. Он услышал голоса Люси и Джефа возле коттеджа, вскоре их шаги раздались на веранде. Оливер, стараясь выглядеть спокойным, повернулся в сторону двери. Дверь распахнулась, и вошла Люси, за ней — Джеф. Люси смеялась. При виде Оливера на ее лице мелькнула тень огорчения. Но она тут же счастливо и удивленно воскликнула:

«Оливер!», — кинулась мужу на шею, чмокнула его. Джеф тактично ждал у порога, когда кончатся объятия.

Оливер коснулся губами ее щеки.

— Здравствуй, Люси, — радостно произнес он.

— Что ты здесь делаешь? Почему не позвонил? Ты надолго? Обедал? Какой приятный сюрприз! Ты уже видел Тони? — забросала мужа вопросами Люси.

Оливер усмехнулся.

— Обожди, — сказал он. — Не все сразу. Привет, Баннер.

— Здравствуйте, мистер Краун, — с юношеской вежливостью сказал Джеф; он стоял, словно проглотил аршин.

Люси взяла Оливера за руку и подвела его к дивану.

— Сядь, посиди, — сказала она. — Ты, похоже, утомился. Дать тебе что-нибудь? Выпить не хочешь? Может, принести бутерброд?

— Не надо, — ответил Оливер. — Я поел по дороге.

Джеф взглянул на часы.

— Уже поздно, — произнес он. — Я, наверно, пойду.

— О, нет. Пожалуйста, останься, — сказал Оливер.

Ему показалось, что Люси посмотрела на него с тревогой, но он не был уверен в этом.

— Нам есть о чем поговорить. Конечно, если ты не занят.

— Нет, — сказал Джеф. — Я свободен.

— Ты видел Тони? — снова спросила Люси мужа.

— Да, — сказал Оливер, — он дома, в ванной.

— Не правда ли, Тони выглядит превосходно? — сказала Люси.

— Да, превосходно, — кивнул Оливер.

— Я тебе не говорила, что на этой неделе он проплыл сто ярдов?

Оливер заметил, что Люси говорит быстрее, чем обычно, словно пианист, который испытывает страх перед публикой и потому старается скорее доиграть сложный пассаж.

— От берега к середине озера, — пояснила она. — А Джеф сопровождал его в лодке. У меня сердце в пятки ушло...

— Мы с ним немного побеседовали, — сказал Оливер и с дружеской улыбкой обратился к Джефу:

— Ты теперь питаешься в гостинице?

— Его сестра, — вмешалась Люси прежде, чем Джеф успел ответить. — уехала на неделю, оставив бедному мальчику пару банок лосося, и мы сжалились над ним.

— А, понимаю,— снова улыбнулся Оливер.— Похоже, это лето вам обоим пошло на пользу.

— Да, верно,— согласилась Люси.— Правда, дожди зачастили. А у тебя что нового? Каким образом удалось вырваться? Неужели твои славные рабочие забастовали все разом?

— Отнюдь,— сказал Оливер.— Просто извернулся и выкроил кусочек времени.

— В городе ужасно, да? — спросила Люси.

— Как всегда.

Люси погладила его руку.

— Нам тебя не хватало. Тони спрашивал, когда ты приедешь. Ты ведь теперь останешься, верно?

— Не знаю,— сказал Оливер.— Посмотрим.

— О,— произнесла Люси.— Посмотрим...

Она направилась в узкий коридор, который вел в спальни, и позвала:— Тони! Тони!

— Оставь его пожалуйста,— попросил Оливер.— Нам надо поговорить, Люси.

Джеф, не отходя от двери, смущенно кашлянул.

— В этом случае,— сказал он,— мне лучше...

— И с тобой тоже, если ты не против,— приветливо добавил Оливер.— Не сочтешь за невежливость, если я попрошу тебя несколько минут обождать у озера? Я вижу, дождь уже кончился. Мне хотелось бы сначала поговорить с женой, а потом — если не возражаешь — я позову тебя.

— Пожалуйста,— охотно согласился Джеф.— Не торопитесь.

— Спасибо,— поблагодарил Оливер выходящего юпону.

Люси почувствовала, что рот ее пересыхает, ей захотелось крикнуть Джефу: «Остановись! Дай мне время!»

Но она проводила его взглядом, проглотила слюну, пытаясь увлажнить рот и горло, потом заставила себя приблизиться к Оливеру. Опуская руки на плечи мужа, Люси была почти уверена, что ей удалось улыбнуться. Самое важное сейчас, подумала она, вести себя естественно. Но что значит — естественно? Незнание этого привело ее на грань паники.

— Очень рада тебя видеть,— начала она.— Время тянулось так медленно.

Натуральность прежде всего.

Чтобы чем-то заняться и выиграть время, Люси принялась изучать лицо Оливера — знакомое, удлиненное, с умными, понимающими глазами и чистой кожей. Она коснулась кончиками пальцев темных подглазий.

— У тебя усталый вид.

— Хватит говорить о моей усталости,— выдавая свое негодование, сказал Оливер.

Люси отстранилась от мужа. Теперь, подумала она, и все буду делать неверно.

— Ты сказал, что помотришь, остаться ли тебе. От чего это зависит?

— От тебя.

— О...

Люси непроизвольно стиснула руки.

— От меня?

Внезапно свет в гостиной показался ей слишком ярким, она будто впервые заметила уродливость стола, безвкусную желтизну штор, потертость тускло-коричневой обивки кресел. Все стало раздражать зрение, время помчалось стремительно, точно поезд, несущийся с горы в туннель. Как хорошо было бы упасть сейчас в обморок, получить отсрочку, укрыться в теплой, обволакивающей пелене перед испытанием, которое ее ждало. Это нечестно, подумала Люси и замешательство, мне не дали возможности подготовиться к главному поступку моей жизни.

— Я знаю, чего я сейчас хочу,— игриво сказала Люси, но все же уверяющая в том, что она улыбается.— Я хочу выжить и...

Оливер протянул руку и взял жену за запястье.

— Поди сюда, Люси.

Он подвел ее к дивану.

— Сядь.

Они уселись рядом.

Мы сидим рядом, подумалось ей, уже миллионный раз.

Люси рассмеялась, пуская сцену на самотек, не пытаясь направлять ее.

— Господи, ты так серьезен.

— Очень серьезен.

— О,— тихим, но домашнему уютным, извиняющимся голосом произнесла Люси.— Я истратила много денег? Опять превысила банковский кредит?

Пока я играю неплохо, подумала Люси. Будь что будет.

— Люси,— спросил Оливер,— у тебя роман?

Будь что будет. Держись непринужденно. Он задает вопросы, как учитель в школе, выставляя оценки за ответы. Неожиданно она поняла, что пятнадцать лет жила в ежеминутном страхе перед мужем.

— Что? — сказала она, гордясь насмешливым удивлением, прозвучавшим в ее голосе. Временная мера, решила Люси. Позже мы еще поговорим начистоту. Мне не придется изворачиваться, как сейчас.

— Роман, — повторил Оливер.

Люси в недоумении нахмурила лоб, словно Оливер предложил ей ребус, который принесет ей радость, когда она его разгадает.

— С кем? — спросила она.

— С Баннером, — сказал Оливер.

Мгновение Люси выглядела потрясенной. Затем она расхохоталась. Где-то внутри меня, подумала она, живет идеальная жена, которая издает нужные звуки и дает правильные ответы на все вопросы. Мне остается только механически дублировать ее.

— О, господи, — воскликнула Люси. — С этим ребенком?

Оливер внимательно наблюдал за женой, его подозрения крепились, потому что он уже был готов им верить.

— Ты должна отказаться от привычки считать всех мужчин моложе пятидесяти детьми.

— Бедный Джеф, — все еще смеясь, сказала Люси. — Он бы возгордился, если бы услышал твои слова. Еще бы, — продолжала Люси, чувствуя, что лицо ее каменеет и она начинает импровизировать без всякого плана, — всю зиму он ходил на танцы с девочкой, которая еще учится в школе. Она дирижирует болельщиками в Бостоне, носит короткую юбочку и по воскресеньям выделяет сальто на школьном стадионе во время футбольных матчей. Они не могут посещать бары, потому что там не обслуживают несовершеннолетних.

Прислушиваясь к своей речи, Люси старалась найти верную интонацию иронического изумления. Это как прыжок в воду, подумала она. Оттолкнувшись, уже нельзя передумать, какой бы высокой ни показалась вышка, каким бы глубоким ни был водоем, какой бы страх ты ни испытывал, как бы сильно ни пожалел, что оторвался от мостика.

— Из-за этого ты и примчался? — спросила она.

— Да, — ответил Оливер.

— Такое далекое путешествие, — сочувственно сказала Люси.

Середина полета, пируэты в воздухе.

— Бедный Оливер. И все же, если это помогло мне заполучить тебя, я рада.

Она заговорила более серьезным тоном.

— Как тебе в голову могла прийти такая идея? Что случилось? Ты получил анонимное письмо от одной из этих гостиничных кумушек? Я с ними не общаюсь, это, наверно, их задевает. Они видят нас с Джефом и Тони постоянно вместе, им недостает семейного скандала для пережевывания, и...

— Я не получал анонимок,— сказал Оливер.

— Нет?— с сомнением в голосе произвела Люси.— Тогда в чем же дело?

— Это Тони,— объяснил Оливер.— Он позвонил мне вчера вечером и попросил приехать.

— О,— воскликнула Люси.— И ты не позвал к телефону меня?

— Он попросил этого не делать,— сказал Оливер,—

— Так вот почему он убежал от обеда. Вот почему ты прибыл в такое время,— сардонически заметила Люси.— Тайное свидание мужчин.

— Но правду говоря,— защищаясь, сказал Оливер,— я попытался позвонить из Уотербери, но линия оказалась поврежденной; Тони ничего мне не объяснил по телефону. Он находился на грани истерики, повторял, что должен увидеться со мной наедине.

— Мне... мне стыдно,— выговорила Люси, копируя безупречный внутренний образец.— За тебя. За Тони. За себя. За наш брак.

— Как бы ты повела себя на моем месте? — подавленно спросил Оливер.— Если бы Тони сообщил тебе, что я...

— А как я всегда себя вела? — быстро сказала Люси.

— У меня никогда ничего не было,— заметил Оливер.— Тебе это известно.

— Не было? Возможно,— сказала Люси.— Хотя кто знает? Я не спрашивала тебя. И все же — неужели у нас нет других тем? Это — главная проблема, с которой сталкиваются люди на пятнадцатом году семейной жизни? Я когда-нибудь обманывала тебя? Скрывала что-то?

— Нет,— устало признал Оливер, и Люси показалось, что он почти готов отступить.

— Внезапно,— торопливо продолжила она, развивая успех,— все меняется. Настает время конспирации, внезапных визитов, спешки, заслушивания показаний детей. Почему?

— Ладно,— сказал Оливер,— я согласен, мне следовало позвонить. Но все равно непонятно, зачем Тони пошел на это.

— Откуда я знаю? Мне даже неизвестно, что он тебя напел.

— Люси,— мягко произнес Оливер,— он сказал, что видел тебя с молодым человеком в доме его сестры.

Конец прыжка. Люси глубоко вдохнула в себя воздух.

— О! Он так и сказал?

— Да.

— Что же, по его словам, он видел? — безжизненным голосом спросила Люси.

— Я не могу повторить, Люси.

— Ты не можешь повторить,— по-прежнему убито вымолвила Люси.

— Да,— сказал Оливер,— к сожалению, это звучит убедительно.

— О... мне очень жаль.

Люси склонила голову, он не видел ее лица, но ему показалось, что сейчас она во всем сознается.

— В первую очередь — самого Тони,— сказала Люси.

Она ошиблась. Прыжок не кончился. Настоящего прыжка и не было. Она падала во сне, выделявая кулбиты, хватая ртом воздух.

— Послушай, Оливер,— спокойно обратилась она к мужу.— Пора тебе узнать о сыне кое-что не слишком приятное. Тебе известно, какие небывлицы он сочиняет? Назовем их своим именем — ложью. Сколько раз мы упрашивали его остановиться?

— Он этого больше не делает.

— Это ты так считаешь,— возразила Люси.— Просто он повзрослел, и выдумки стали изощренными, более правдоподобными, не такими безобидными, как раньше.

— Я думал, он избавился от этой склонности,— сказал Оливер.

— Это только подтверждает, что ты его не знаешь. Ты общаешься с ним несколько часов в неделю, когда он держит себя образцово. Ты не знаешь сына так хорошо, как я, потому что я нахожусь рядом с ним днем и ночью круглый год.

Это как поджог, испугалась самой себя Люси. После того, как спичка поднесена, остается только отойти в сторону и смотреть, как сгорает дом. А потом, обеспечив себе надежное алиби, отрицать все.

— Причина мне ясна,— сказала она.— Тони отнесется ко мне не как обыкновенный мальчик, а как ревнивый любовник с обостренным чувством собственности. Ты сам это говорил.

— Не всерьез,— заметил Оливер.— Разве что в шутку...

— Это не смешно,— сказала Люси.— Тебе известно, как он ведет себя, когда не застает меня дома. Он ищет меня повсюду. Названивает знакомым. Стоит у окна спальни и молча ждет. Ты же наблюдал это десятки раз, верно?

— Да. И это всегда мне не нравилось,— мрачно сказал Оливер.— Я считал, что тебя это умиляет. Поэтому и нанял Баннера.

— А меня попросил почаще оставлять его одного,— быстро нашлась Люси.— Предоставь ему больше свободы. Воспитывай в нем самостоятельность. То же самое ты наказывал Джефу. Мы следовали твоим наставлениям. И вот результат.

— Что ты имеешь в виду? — растерянно спросил Оливер.

— Время от времени мы покидали его,— пояснила Люси.— Старались, чтобы он не ощущал себя постоянно в центре внимания. Его это бесило. И вот он отомстил. Гадкая, некрасивая история.

Оливер покачал головой.

— Тринадцатилетний подросток не может сочинить такое.

— Почему? — не согласилась Люси.— Особенно теперь. Среди прочих инструкций, оставленных тобой, было указание просветить его в отношении секса.

— Что в этом плохого? Самое время...

— ...чтобы соединить ревность с захватывающей ночной информацией и попытаться погубить нас.

— Люси,— сказал Оливер,— ты говоришь правду?

Люси набрала воздух в легкие, подняла голову и посмотрела мужу в глаза.

— Клянусь тебе,— ответила она.

Оливер подошел к двери и открыл ее.

— Баннер,— позвал он прогуливающегося по берегу озера юпошу.— Баннер.

— Что ты собираешься сделать?

— Поговорю с ним.

Оливер вернулся на середину комнаты.

— Ты так не поступишь.

— Мне это необходимо,— без нажима сказал Оливер.

— Ты не поставишь нас обоих в глупое положение. Не унизишь меня перед мальчишкой.

— Извини, но я хочу побеседовать с ним с глазу на глаз.

— Если ты сделаешь это,— сказала Люси,— я тебя никогда не прощу.

Она заявила это механически, не придавая значения своим словам, просто потому, что так отреагировала бы жена, не чувствующая за собой вины.

Оливер нетерпеливо махнул рукой.

— Пожалуйста, Люси.

Они стояли, в напряжении глядя друг на друга, и тут в гостиной появился Баннер. Оливер не сразу его заметил.

— А,— сказал он,— ты уже здесь.

Он снова повернулся к жене.

— Люси,— выжидательно произнес он.

Не посмотрев на Джефа, она быстро направилась к двери и исчезла за ней. Мгновение спустя Оливер овладел собой и вежливо указал Джефу на стул.

— Присядь,— попросил он.

После недолгого колебания Джеф сел.

— Прежде всего,— заговорил Оливер, расхаживая по комнате перед юношей,— я хочу поблагодарить тебя за те письма, в которых ты сообщал мне об успехах Тони.

— Я решил,— сказал Джеф,— что поскольку вы сами не имеете возможности постоянно тут находиться, вам будет интересно узнать, как мы проводим время.

— Я читал твои послания с удовольствием,— продолжил Оливер.— Ты весьма пропихателен и прекрасно понимаешь Тони, мне показалось, он пришелся тебе по душе.

— Я получал большое удовлетворение от наших занятий.

— Удовлетворение? — рассеянно повторил Оливер, словно открывая в сыне нечто новое.— Да, наверно. Твои письма позволили мне составить определенное мнение о тебе самом.

Джеф натянуто рассмеялся.

— Неужели? Надеюсь, я не слишком выдал себя.

— Совсем наоборот,— сказал Оливер.— Я увидел в тебе умного и порядочного молодого человека. Я даже решил, что если по окончании колледжа ты раздумаешь стать дипломатом, я мог бы подыскать тебе место в моей фирме.

— Это приятно слышать,— смущенно сказал Джеф.— Буду иметь в виду.

— Кстати,— продолжал Оливер, словно находя неудобным сразу перейти к главному вопросу и подыскивая тему для беседы,— насчет той девушки, о которой ты рассказывал в первый день нашего знакомства. Я даже запомнил твои слова. Я спросил, есть ли у тебя девушка, а ты ответил — кажется, есть. Она до сих пор в Бостоне, в школе?

— В школе? — удивился Джеф.

— Ну да, — сказал Оливер. — Она ведь руководит болельщиками школьной футбольной команды?

Джеф улыбнулся.

— Нет, — ответил он. — Нет у меня никакой знакомой школьницы в Бостоне. И уж во всяком случае руководителя болельщиков. Девушка, о которой я говорил, учится на первом курсе Вассара, да и вообще я прихвастнул. Мы с ней видимся всего пять-шесть раз в год. Почему вы спросили?

— И кое-что перепутал, — небрежно сказал Оливер. — Должно быть, не разобрался в почерке Тони. Он у него оставляет простор воображению.

Оливер равнодушно пожал плечами.

— Не важно. Значит, девушки-черлидера у тебя нет.

— Ни одной, — подтвердил Джеф.

— Ну, а как насчет дам постарше? — невозмутимо спросил Оливер — Замужних?

Джеф опустил глаза.

— И думаю, мистер Краун, вы не ждете от меня ответа на этот вопрос.

— Наверно, ты прав.

Оливер извлек из кармана чековую книжку и ручку.

— Миссис Краун регулярно тебе платила?

— Да, — сказал Джеф.

— А за эту неделю она с тобой рассчиталась? — спросил Оливер, раскрывая чековую книжку.

— Нет еще, — ответил Джеф. — Пойдите, сэр...

— Сегодня пятница, — спокойно продолжал Оливер, — мы договаривались — тридцать долларов за семидневную рабочую неделю, правильно? Пять седьмых от тридцати будет — ну, для ровного счета двадцать один доллар. Тебя устроит чек? У меня нет с собой наличных.

Джеф встал.

— Мне не нужны эти деньги, — сказал он.

Оливер поднял брови.

— Почему? Ты же брал их у миссис Краун?

— Да, но...

— Тогда чем же эта неделя отличается от предыдущих?

Оливер говорил сдержанно, рассудительно.

— Разве что она на пару дней короче.

— Я не хочу брать их, — сказал Джеф.

Оливер сделал вид, что не понимает его.

— При сложившихся обстоятельствах,— сказал он,— ты, наверно, и сам бы решил отказаться от работы?

— Да,— пробормотал Джеф так тихо, что Оливер едва его услышал.

— Ну конечно,— отеческим тоном произнес Краун.

Он протянул чек юноше.

— На, держи. Ты его заработал. Помню, в твоём возрасте двадцать долларов никогда не были для меня лишними. С тех пор вряд ли что изменилось.

Джеф с грустью посмотрел на чек в руке Оливера и направился к двери. Внезапно он повернул обратно.

— Наверно, я должен извиниться, сказать, что мне стыдно, или найти какие-то другие слова. Вам от этого, возможно, стало бы легче.

Оливер дружески улыбнулся.

— В этом нет необходимости,— сказал он.

— Я и не собирался,— с вызовом заявил Джеф.— Это самое значительное событие в моей жизни.

Оливер кивнул головой.

— В двадцать лет всегда так кажется.

— Вам не понять,— не слыша Оливера, говорил Джеф.— Вам не понять её.

— Возможно,— сказал Оливер.

— Она такая чистая,— продолжал юноша.— С тонкой душой. Она ни в чём не виновата. Виноват один я.

— Мне бы не хотелось умалять значение твоей победы,— беззлобно сказал Оливер,— но должен заметить — когда тридцатипятилетняя женщина отдаётся двадцатилетнему юноше, его заслуга состоит лишь в том, что он... оказался под рукой.

— Вы...— враждебно, с горечью сказал Джеф.— Вы так в себе уверены. Я все про вас знаю. Она мне говорила. На всех смотрите свысока. Всем указываете, как поступать, что думать. Подчиненным. Ребенку. Жёне. Все делаете, как удобно вам. Вы вежливый, холодный и безжалостный. Вы так бездушны, что даже сейчас не вышли из себя. Вы появляетесь здесь, узнаете, что я влюблен в вашу жену, и что вы делаете? Подписываете чек.

Он смял листок театральным жестом и швырнул его на пол.

Оливер смотрел на Джефа все так же снисходительно, с любопытством.

— Не зря многие не решаются нанять на работу детей обеспеченных родителей. У них нет должного уважения к деньгам.

— Я надеюсь, она вас бросит,— сказал Джеф.— Тогда я на ней женюсь.

— Баннер,— Оливер подавил улыбку,— позволь сказать, ты ведешь себя глупо. Ты разводишь сантименты. Я понимаю, почему ты произносишь такие слова, как любовь, брак, тошная дура, чистота. Ты не животное. Ты хочешь уважать себя, считать неординарной, романтической личностью, что вполне естественно, тут нет ничего постыдного. Но, должен отметить, это не согласуется с реальностью.

— Что вы о ней знаете? — обиженно сказал Джеф.

— Много,— ответил Оливер.— Твой воображаемый роман — плод фантазии. Ты придумал женщину, которой нет, и чувства, не существующие в действительности

— Это по-вашему так,— перебил его Джеф.

Оливер поднял руку.

— Пожалуйста, позволь мне закончить. Ты усыпал розами заурядный, незначительный эпизод, увидел его в лунном свете. Не заметил разницы между одним летним сезоном и всей жизнью. Принял легкомыслие и безответственность женщины за глубокую страсть, и в конце концов дорожке всего эта ошибка обойдется именно тебе.

— При таком отношении к ней,— едва не заикаясь от негодования, сказал Джеф,— вы не имеете права говорить о вашей жене. Вы не уважаете, не любите ее, не восхищаетесь ею...

Оливер вздохнул.

— Когда ты станешь старше,— сказал он,— ты узнаешь, что любовь очень часто не совпадает с уважением и восхищением. И вообще я проделал такой путь не ради беседы о собственной персоне. Джеф, хочу попросить тебя — взгляни, как это ни тяжело, на вещи трезво. Представь себе любое прошедшее лето, любую другую гостиницу. Посмотри на эти возведенные на берегах озер дощатые дворцы, будто сошедшие с почтовых открыток, переполненные праздными, беспечными женщинами, оторванными на эти жаркие месяцы от своих мужей. Они лежат целыми днями на солнце, томимые скукой и бездельем; они ищут развлечений и находят их в обществе коммивояжеров, официантов, тренеров, ресторанных музыкантов, студентов — любых доступных мужчины подобного сорта. С первыми заморозками они исчезают. Между прочим,— непринужденно спросил Оливер,— ты говорил миссис Краун о женитьбе?

— Да.

— И как она отреагировала?

— Засмеялась,— признался Джеф.

— Ну конечно,— с сочувствием сказал Оливер.— Со мной в двадцать лет произошло нечто подобное. С той лишь разницей, что случилось это на корабле, плывущем во Францию. Возможно, все выглядело даже более романтично, чем тут...

Он обвел рукой дом, озеро, лес.

— Представь себе — океанский лайнер, послевоенная Франция. У моей дамы хватило ума оставить детей дома, поскольку в таких делах она имела больше опыта, чем миссис Краун. Все было замечательно. Мы даже совершили двухнедельную поездку по озерам Италии; обратно в Америку плыли в соседних каютах старого «Чемплейна» и, стоя на палубе, я обращался к ней с речами, вероятно, похожими на те, что ты произносил здесь при лунном свете. Но нам повезло больше. Муж так ни о чем и не узнал. Он появился только в порту. Тем не менее,— задумчиво улыбнулся Оливер,— через два часа после того, как таможенники, наконец, выпустили нас, она с трудом назвала бы мое имя.

— Почему вы стремитесь представить все в вульгарном виде? — спросил Джеф.— Какая вам от этого выгода?

— Не в вульгарном,— возразил Оливер.— Просто в реальном. Воспоминание о том лете, проведенном в Европе,— одно из наиболее приятных в моей жизни, и все же его не назовешь исключительным. Не расстраивайся из-за того, что твоя ситуация неоднократно переживалась в определенном возрасте людьми старших поколений.

Оливер нагнулся и подобрал смятую бумажку.

— Так ты точно отказываешься от чека?

Он снова протянул его юноше.

— Да,— ответил Джеф.

— Как тебе угодно. Когда ты повзрослеешь, ты станешь относиться к деньгам более бережно.

Он разгладил листок, рассеянно посмотрел на него и неожиданно кинул его в камин.

— Это твой проигрыватель?

— Да,— ответил Джеф.

— Наверно, тебе стоит забрать его,— сказал Оливер.— Сейчас. И все прочие твои вещи.

— Больше ничего нет,— промолвил Джеф.

Оливер подошел к проигрывателю, выдернул вилку из розетки, аккуратно обмотал шнур вокруг аппарата и закрепил его конец.

— Я полагаю, тебе не следует здесь больше появляться.

— Я ничего не обещаю.

Оливер пожал плечами.

— Мне-то безразлично. Я думаю только о твоём душевном покое.

Он постучал пальцами о проигрыватель.

— У меня все.

Оливер замолчал в ожидании, приветливо улыбаясь. Джеф с окаменевшим лицом взял проигрыватель в руки и зашагал к выходу. Когда он оказался около двери, она открылась, и в комнату вошла Люси.

Покинув дом, Люси словно во сне побрела к озеру.

Застыв у берега, она стала смотреть на воду. Облака немного разогнало, бледная луна высвечивала концы веток, свая на краю пристани возле гостиницы, мачту небольшой яхты, стоящей в нескольких футах от причала.

От озера веяло прохладой, и Люси невольно поежилась. Она не надела свитера, а возвращаться за ним ей не хотелось.

Она думала о том разговоре, который шел сейчас в гостиной между мужчинами. Она попыталась представить его содержание, но ей это не удалось. В иные времена люди убивали в подобных ситуациях. И не только в иные. Люси вспомнила происшествие, о котором она узнала из газеты месяц тому назад. Моряк, неожиданно вернувшись домой, застал жену с другим человеком и застрелил их обоих, а потом себя. Эта история два дня держалась на первых полосах многих газет.

Что ж, тут никто никого не убьет. Может, в этом и заключается их общий дефект. Наверно, отношения имеют ценность и значение лишь в том случае, если из-за них у людей возникает желание убить друг друга.

Она повернулась и посмотрела в сторону дома. Он выглядел точно так же, как и прежде. Яркий свет мирно струился сквозь шторы гостиной и падал на влажную блестящую лужайку. В комнате Тони тускло горела настольная лампа. Интересно, что он сейчас делает, подумала Люси. Читает? Рисует лошадей, корабли или спортсменов? Собирает вещи, готовясь к бегству? Подслушивает?

Люси вздрогнула. Внезапно она поняла, что труднее всего ей будет теперь с Тони, независимо от того, слушает он сейчас или нет. Она снова уставилась на озеро. Как

сладостно было бы сейчас погрузиться в целительный мрак... Люси знала, что и этого она не совершит...

Вода плескалась о сваи пристани — тихо, однообразно, знакомо. Люси захотелось вернуть лето прошлого года. Или любой другой момент, предшествующий этому вечеру. Чтобы иметь шанс поступить по-другому, более мудро, не прибегая к сумасшедшему, стремительному, неуправляемому вранью. Или перенестись в следующее лето, когда все успокоится, уляжется, будет прощено.

Люси мечтала вернуть тот миг, когда она вошла в гостиную, увидела стоящего там Оливера, поняла, что ее ждет беда, испугалась мужа и в то же время испытала спокойную радость, которая всегда охватывала ее после разлуки с ним — привычное чувство защищенности, родственности, приятное освобождение от бремени одиночества. Она задумалась, смогла бы она объяснить Оливеру это ощущение, не покидавшее ее даже в минуты близости с другим, даже когда она обманывала мужа, изображая возмущение и невинность.

Когда Оливер выпроводил Джефа и стал обвинять ее, подумала Люси, ей следовало подняться и сказать: «Дай мне, пожалуйста, четверть часа побыть одной. Я должна навести порядок в своей голове, все слишком важно, чтобы допустить спешку». Затем ей надо было уйти в свою комнату, все осмыслить, вернуться и вымолить прощение.

Но она этого не сделала. Она повела себя, как набедакуривший ребенок, инстинктивно защищаясь легкомысленным потоком лжи, стремясь снасть лишь на мгновение, какими бы потерями это ни грозило в будущем. Инстинкты подвели меня, подумала Люси.

Я вернусь в дом, решила она, и все переиграю. Скажу спокойно и рассудительно: «Пожалуйста, забудь все, что я наговорила сегодня. Это произошло так...»

Она даст обещание никогда не встречаться с Джефом. И она его сдержит. Это будет несложно — ведь стоило ей видеть Оливера и Джефа рядом, в одной комнате, как Джеф исчез, обратился в ничто, снова стал славным парнишкой, которого паняли, чтобы он учил ее сына плавать и не давал ему скучать.

Если бы Оливер не был так упрям, с раздражением подумала Люси, если бы он забрал ее в июле домой, ничего бы не случилось. Если бы тем вечером он не начал упрекать ее по телефону за просроченный счет из гаража. Тут есть доля его вины. Пусть он поймет, что и ему приходится платить за свое стремление всеми командовать.

Пусть он разглядит в ней живое существо, а не объект для воспитания, формовочный материал, осознает, что ее чувства — симптомы, сигналы опасности, которые нельзя игнорировать.

Возможно, это событие, несчастный случай даже повернет их жизнь к лучшему. Наш брак, оптимистично подумала она, обретет окончательную, более совершенную форму. Права и привилегии распределятся справедливее, чем раньше.

Она заметила движущиеся за шторами тени мужчин — что они там о ней говорят, кто ее обвиняет, к какому общему мнению они приходят, какие открытия делают, что планируют для нее? Внезапно их уединение, споры о ней, принятие решения относительно ее будущего показались Люси непереносимыми. Чем бы это ни завершилось, подумала Люси, пусть это произойдет в моем присутствии.

Она побежала по сырой траве к дому.

Распахнув дверь, она увидела в гостиной Джефа с проигрывателем под мышкой, он собирался уходить. Он выглядел маленьким, побежденным, жалким, и Люси мгновенно поняла, что муж одержал еще одну чистую победу.

Оливер, непроницаемо-вежливый, стоял в глубине комнаты.

Люси бросила взгляд сначала на Джефа, потом на Оливера.

— Вы закончили?

— Думаю, да, — сказал Краун.

— Люси... — начал Джеф.

— Ступай, Джеф, — сказала Люси, широко распахнув дверь.

С видом ученика, отчитанного за проступок, Джеф покинул гостиную, его ноша придавала походке юноши неуклюжесть.

Оливер посмотрел ему вслед. Он не спеша зажег сигарету, ощущая на себе взгляд застывшей у порога Люси, которая ловила каждое его движение.

— Вполне порядочный молодой человек, — произнес наконец Оливер. — Вполне порядочный.

Я этого не переживу, подумала Люси. Он еще забавляется. Она почувствовала, что ее трясет, и забыла напроочь о своих намерениях — только бы продержаться ближайшие десять минут.

— Ну что? — спросила Люси.

Оливер утомленно улыбнулся.

— Похоже, он здорово к тебе привязался.

— Что он сказал? — спросила Люси.

— О, обычную чепуху, — произнес Оливер. — Что я тебя не понимаю. Ты чистая и тонкая. Во всем виноват он сам. Он рад случившемуся. Это было самое значительное событие в его жизни. Он хочет на тебе жениться. Все очень красиво. Ничего нового.

— Он лжет, — сказала Люси.

— Ну, Люси. — Оливер устало махнул рукой.

— Он лжет, — с упорством повторила Люси. — Он сумасшедший. Он отдыхал здесь прошлым летом. Я его не замечала. Но он ходил за мной по пятам и смотрел на меня. Ни разу ко мне не обратился. Только смотрел. Все лето.

Она тараторила без остановки, стараясь поразить Оливера, не давая ему и мгновения, чтобы перебить ее.

— Этим летом, — продолжала Люси, — он приехал сюда из-за меня. Как-то вечером я совершила глупость. Признаю это. Я позволила ему поцеловать меня. И тут все раскрылось. Как он влюбился с первого взгляда, неотступно следовал за мной, писал зимой дюжины писем и не отправлял их, страдал из-за моего отсутствия. Детские фантазии. Я собиралась позвонить тебе и рассказать об этом, но боялась, что станешь беспокоиться. Устроила сцену. Или сочтешь это хитроумной попыткой избавиться от него. Высмеешь меня за неумение справиться с мальчишкой. Это так на тебя похоже, сказал бы ты, вечно просить помощи, не умея справиться с ситуацией самостоятельно. Я твердила себе — осталось всего шесть недель. Держала его на расстоянии, применяя все известные мне способы. Смеялась над ним. Он мне надоедал. Я выходила из себя, советовала записаться сверстницами. Но он не оставлял меня в покое, повторяя — придет время. Но так ничего и не добился. Ничего.

— У него другая версия, Люси, — спокойно сказал Оливер.

— Ну конечно. Он хочет, чтобы у меня появились неприятности. Однажды он признался мне в намерении написать тебе о нашей с ним несуществующей связи в надежде, что ты прогонишь меня, и я брошусь к нему. Что я должна сделать, чтобы ты поверил мне?

— Ничего, — ответил Оливер. — Потому что ты лжешь.

— Нет, — прошептала Люси. — Не говори так.

— Ты лгунья, — сказал Оливер. — Ты мне противна.

Ее защитный арсенал иссяк, она отбросила свою роль и бессознательно шагнула к мужу, протянув вперед руки.

— Нет... пожалуйста, Оливер...

— Не прикасайся ко мне,— сказал он.— Самое гадкое тут — твоё непростительное вранье. Со временем я, возможно, простил бы тебе летнее приключение со студентом. Но не ложь! Особенно касающуюся Тони. Господи, чего ты добивалась? Что ты за женщина?

Люси безвольно упала в кресло, склонив голову.

— Я сама не знала, что творю,— подавленно сказала она.— Мне страшно, Оливер. Очень страшно. Я так хочу спасти нас обоих, нашу семью.

— К черту такую семью,— сказал Оливер.— Лежала в его объятиях и смеялась надо мной, жаловалась на меня. В перерывах между поцелуями называла меня бездушным деспотом. А твой сын в это время подглядывал в окно — ты так спешила забраться в постель, что даже не потрудилась проворить, плотно ли закрыты окна.

— Все было не так,— застопала Люси.

Взбешенный Оливер остановился возле жены.

— Это так ты пытаешься спасти семью?

— Я люблю тебя,— прошептала она, не поднимая головы.— Я люблю тебя.

— Думаешь, я тотчас растаю? — спросил Оливер.— Скажи — это пустяки, что ты обманывала меня пятнадцать лет и собиралась впредь вести себя так же? И когда ты наконец попала, у тебя хватает наглости говорить о своей любви ко мне.

— Это первый раз,— в отчаянии вымолвила Люси.— Клянусь, я никогда тебя не обманывала. Не надо было оставлять меня одну. Я же умоляла тебя. Ты обещал приехать и не сделал этого. Я сказала ему, что больше не собираюсь с ним встречаться. Можешь сам его спросить.

Внезапно Оливер взял шляпу, пальто и чемодан. Люси испуганно подняла голову.

— Куда ты собрался?

— Не знаю,— ответил Оливер.— Здесь я не останусь.

Люси встала и протянула к нему руки.

— Я сделаю все, что ты потребуешь, только не бросай меня.

— Я тебя пока не бросаю,— сказал Оливер.— Я должен побыть какое-то время один. Тогда я смогу принять решение, что делать дальше.

— Ты мне позвонишь? — спросила Люси. — Ты сюда вернешься?

Оливер глубоко вздохнул. Он казался обессиленным. — Посмотрим, — произнес он.

Краун вышел во двор; вскоре с улицы донеслось жужжание автомобильного стартера. Стоя в центре комнаты с сухими глазами, Люси сосредоточенно прислушивалась к шуму двигателя. Дверь из коридора открылась, и в гостиную вошел Тони.

— Где папа? — сурово спросил он. — Я услышал звук мотора. Куда он поехал?

— Не знаю, — сказала Люси.

Она хотела коснуться плеча Тони, но сын отпрынул и бросился на веранду. Шум машины постепенно растаял в пыли, а голос мальчика, бегущего по дороге и зовущего своего отца, уносился все дальше и дальше.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В течение следующих десяти дней Оливер старался как можно меньше времени проводить на службе и избегал друзей. Он отпустил цветную служанку, сказав ей, что будет питаться в ресторанах, и она уехала в Вирджинию к родным, оставив его одного.

Каждый вечер, вернувшись с работы, Оливер сам готовил себе обед и съедал его в столовой, с аскетической строгостью соблюдая привычный ритуал. Затем он тщательно мыл посуду, отиравался в гостиную и сидел там до глубокой ночи без книги, не включая радио, перед пустым холодным каминном, пока его не одолевала усталость.

Он не звонил Люси и не писал ей. Оливер не хотел вступать в контакт с женой, не поняв, что он собирается делать. Решения вызревали в нем постепенно, после тщательного изучения вопроса. Он не страдал тщеславием, но излишней скромности в нем тоже не было; Оливер верил в свой интеллект и умение находить выходы из любого положения, способные выдержать испытание реальностью. Теперь он должен был вынести вердикт, касающийся жены, сына и его самого; Оливеру требовалось время и уединение.

Это оказалось делом более долгим и трудным, чем он предполагал, потому что ход мыслей нарушался преследовавшими его образами Люси и Тони, их голосами, тихим смехом в зашторенной комнате, невыносимыми вос-

поминаниями о минутах любви. В эти мгновения Оливер, оставшийся один в пустом доме, испытывал соблазн написать Люси, что все кончено и он не хочет больше ее видеть. Но он не делал этого. Возможно, через неделю-другую он отправит такое письмо, но тогда оно будет плодом глубоких раздумий, а не самоистязания. Оливер взял отсрочку, чтобы восстановить самообладание; он пачнет действовать, лишь укротив эмоции.

Измена жены ударила Оливера сильнее, чем она ударила бы в подобных обстоятельствах другого человека, привыкшего к недоверию. Ревнивец подсознательно полагает, что его когда-нибудь предадут. Он постоянно держит осаду и убежден в том, что рано или поздно в стене будет пробита брешь; он заранее вооружен пессимизмом как средством защиты. Оливеру и в голову не приходила возможность измены, поэтому он оказался не готов к ней, и первые дни чувствовал себя обезоруженным и сломленным.

Добродушно, а как другие мужчины поступают в таких случаях, подумал он, ведь такая ситуация — не редкость в жизни. Как говорит Леонт?

О, разве я один? Да в этот миг
На белом свете не один счастливцев
Дражайшую супругу обнимает
Не помышляя, что она недавно
Другому отдавалась...¹

Он забыл продолжение, но помнил, что оно подходило к случаю. Он встал, взял с полки том Шекспира, раскрыл его на «Зимней сказке», полистал страницы и нашел нужный отрывок.

И если б всех распутство жен смущало,
Так каждый третий в петлю бы полез.
Лекарства нет! Какая-то звезда
Все развращает...

Оливер захлопнул книгу. На этот раз Шекспир все упростил. Какая-то звезда все развращает — поэт счел это объяснение достаточным. Но Оливеру после пятнадцати лет брака эти слова не помогли понять Люси. Он попытался уяснить, какой он видит свою жену. Молчаливая, преданная, сдержанная, стремящаяся угодить мужу и заслужить его похвалу. Как правило, покорная, подумал он, с грустной усмешкой вспоминая свадебную церемо-

¹ Пер. В. Левика.

нию; в вину ей можно было поставить лишь излишнюю сентиментальность, беспомощность в делах, застенчивость.

Нужная ему.

Десятидневные рефлексии, безжалостно заключил он, и вот окончательный вывод. Она ему необходима.

Я не принимал ее всерьез, думал Оливер, словно вспоминая об умершем друге, которого он оценил слишком поздно. Я утратил чувство опасности.

Он представил себе жизнь вдвоем с Тони, его глаза, нежный овал лица, жесты — множество черт, по-отрочески комичных и неловких, унаследованных от матери, только с печатью мужественности и незавершенности, присущей подростку. Мне этого не вынести, понял Оливер.

Он попытался мысленно увидеть Тони и Люси, оставшихся на озере, с того дождливого вечера настроенных друг против друга. Наверно, в интересах Тони следовало забрать мальчика с собой. Если бы он не бросился бежать, как раненый бык, он так бы и поступил. Но тогда прийти к верному решению было бы еще труднее. Ничего, успокаивал себя Оливер, пусть они проведут эти тягостные дни вместе — в конечном счете мы трое выиграем, если я получу возможность все взвесить без помех.

Оливер встал с кресла, собираясь идти спать. Он выключил свет и поднялся по лестнице в их общую с Люси просторную спальню с оконным «фонарем», выходящим на тихую улочку и заслоненным ветвями дуба. Каждое утро Оливер аккуратно закрывал постель накидкой, чтобы вечером не стелить ее заново.

В отсутствие Люси спальня выглядела более прибранной, и оттого казалась Оливеру незнакомой.

Люси оставила свои туалетные принадлежности на столике перед трюмо, и в первый день Оливер, наводя порядок, разложил щетки, гребни, пилочки для ногтей, зеркало с резной ручкой в строгом геометрическом порядке на стеклянной поверхности. Сейчас они лежали как товары на прилавке магазина, хозяин которого обделен воображением. Оливер подошел к столику и взял зеркало. Массивное, с прохладной ручкой, оно пробудило в памяти картину, которую он наблюдал сотни раз, — Люси, готовясь к выходу, держит зеркало перед собой, повернув голову, чтобы проверить, как уложены на затылке волосы, и мягкими, неуверенными движениями поправляет отдельные пряди, не достигая, по мнению Оливера, ни-

какого дополнительного эффекта. Он вспомнил смесь нежности и раздражения, с которой он наблюдал за ней, любуясь красотой жены и сердясь на Люси за то, что по ее вине они вечно всюду опаздывают.

Оливер небрежно положил зеркало, нарушив правильный рисунок. Погасив лампу, он долго сидел в темноте на краю кровати.

Молчаливая, преданная, сдержанная, мысленно повторил он. Это я так считал. Шекспир, несомненно, составил бы о пей другое мнение. А что она сама о себе думает? Она годами лежала рядом с ним на этой кровати, вынашивая тайные планы, с презрением насмехаясь над его отношением к ней, пестуя в себе совсем иные качества — лживость, изворотливость.

Будь я другим человеком, устало подумал Оливер, я бы не мучился тут один. Я бы или напился, или нашел другую женщину, или совместил первое со вторым. Обрести насыщение и расслабившись, я пришел бы к решению окольным, менее болезненным путем. А по сесть ли в машину и не отправиться в Нью-Йорк, в какую-нибудь гостиницу, мелькнуло в голове у Оливера. Женщина — не проблема в большом городе, к тому же две знакомые дамы не скрывали от Оливера своей готовности откликнуться на первый его зов.

Но в глубине души он знал, что никому не позвонит. Он даже не был уверен, смог бы он иметь дело с другой женщиной. Весь его темперамент — Оливер отдавал себе отчет в том, что он более страстен, чем большинство мужчин одного с ним возраста, — устремлялся в одном направлении. Воистину достоин жалости влюбленный в собственную жену, подумал он.

Необходимая.

Проклятое лето. Не зажигая света, Оливер разделся и лег в постель.

А на следующее утро он получил письмо от Люси. Выходя из дома, Оливер столкнулся с почтальоном. Краун на минуту задержался возле двери, греясь под теплыми солнечными лучами и держа конверт в руках; мимо него, попрощавшись с детьми, среди цветников, лужаек и зеленеющих деревьев, ярким летним утром торопливо шагали к остановкам автобусов и поездам мужчины, уверенные поседеть на ждущих их фабриках и в конторах.

Оливер не сразу открыл письмо. Он узнал знакомый почерк — детский, с наклоном влево, неразборчивый. Оливер не помнил, где именно он прочитал, что почерк с на-

клопом влево свидетельствует о скрытости и двуличии. Может быть, он что-то папугал. Когда-нибудь он разыщет пособие по графологии и уточнит это.

Он разорвал конверт и прочитал лакопичное послание. В нем не было извинений. Люси сообщала, что оставляет его, потому что не может жить под одной крышей с ним и Тони. В конце письма стояла сухая короткая подпись — Люси.

Она не спрашивала Оливера о его решении, письмо не содержало никаких предложений. Оно не было похоже ни на одно прежнее ее послание, и если бы не почерк, Оливер усомнился бы в его авторстве.

Днем он позвонил Паттерсону и предложил ему пообедать вместе. К достоинствам Сэма относилось и то, что встретиться с ним наедине не составляло труда. Сэм просто уведомлял жену о том, что ей не следует ждать его к обеду, и все тут. Наверно, он владеет каким-то секретом, подумал Оливер, с кем, как не с ним, посоветоваться о семейных делах?

Обедая в гостинице, они выпили бутылку вина, и Оливер, десять дней довольствовавшийся пищей собственного приготовления, обнаружил, что ест с аппетитом. Беседа, состоящая из обрывков фраз, понятных лишь прекрасно знающим друг друга приятелям, текла легко и непринужденно, и только когда официант убрал тарелки и подал кофе, Оливер сказал: «Сэм, мне нужен твой совет. У меня неприятности, я должен принять решение, наверно, ты способен помочь...»

Затем, потягивая кофе, не глядя на Паттерсона, Оливер поведал ему всю историю — звонок Тони, приезд на озеро, разговор с сыном, отрицание Люси своей вины, ее попытка свалить все на Тони, признание Баннера.

Он рассказывал не спеша, размеренно, без эмоций и полутонов, методично предоставляя факты в распоряжение Паттерсона, как наделенный чувством ответственности свидетель происшествия или врач, описывающий симптом непонятной болезни консультирующему специалисту.

Паттерсон слушал молча, с бесстрастным лицом; он думал — я не знаю человека, который составил бы такой сухой, точный, толковый отчет о конвульсиях собственной семьи. Любовь, страсть и предательство Оливер подает как материал доклада, предназначенного для чтения в обществе любителей истории и посвященного незначительному договору двухсотлетней давности. В то же время

— Все решения принимал ты,— сказал Паттерсон.— Лишил ее работы...

— Какой работы...— презрительно произнес Оливер.— Путалась под ногами в затхлой лаборатории старого идиота по фамилии Штубс. Ты о нем слышал?

— Нет.

— И никто не слышал. Лет через двадцать они напишут статью, доказывающую, что их водоросли — зеленого цвета.

Паттерсон усмехнулся.

— Ты улыбаешься,— сказал Оливер.— Но это правда. Она не Галилей, которого оторвали от телескопа. Человечество не пострадало оттого, что она не ходила в эту лабораторию пять раз в неделю. Она ничем не отличалась тогда от множества девушек, изображающих, что они увлечены своей работой, а на самом деле просто ждущих замужества. Таких полно в городах.

— С ней все обстояло иначе,— возразил Паттерсон.— И беседовал с Люси. Она очень не хотела бросать Нью-Йорк.

— Если бы все женщины, вынужденные жить в других городах, испытывали потребность предавать мужей по этой причине...— начал Оливер.

Он возмущенно тряхнул головой и допил остаток вина из бокала.

— А как же я? — спросил он.— Думаешь, я хотел сюда перебираться? Полагаешь, меня прельщало книгопечатание? Это был худший день моей жизни, когда я приехал сюда после смерти отца и обнаружил, что предприятие прогорит, если я не возьму бразды правления в свои руки. В течение десяти лет,— сказал Оливер,— стоит мне пройти утром ворота типографии, как у меня все внутри сжимается от тоски. Но я не выметаю ее на жепе...

— Разница в том,— тихо заметил Паттерсон,— что решения принимал ты. А ей оставалось только подчиняться.

— Господи, так что же, все было обречено еще десять лет назад?

— Недовольство накапливается,— пояснил Паттерсон.— За такой срок можно почувствовать себя абсолютно ненужной.

— Ненужной!

Оливер, скатав шарик из хлеба, щелкнул по нему пальцем, целясь в бутылку.

— На ней лежало хозяйство, заботы о сыне...

— Тебе хватило бы на всю жизнь возни с ребенком и домашних дел? — спросил Паттерсон.

— Я не женщина.

Паттерсон усмехнулся.

— Что же делать мужчинам? — спросил Оливер. — Создать для женщин WPA¹? Бюро по трудоустройству дам, которым печем запать себя с трех часов дня до пяти, — с иронией в голосе произнес он.

Оливер подозрительно посмотрел на Паттерсона.

— Откуда ты так много знаешь? — спросил Краун. — Она что, жаловалась тебе?

— Нет, — сказал Паттерсон. — Это и так видно.

— А как насчет твоей жены, Кэтрин? — перешел в наступление Оливер.

Паттерсон на мгновение задумался.

— Кэтрин — безвольное, мягкое существо. Она махнула на себя рукой еще в пятнадцать лет. А может, все обстоит иначе, просто я ее совершенно не знаю, а на самом деле она сочиняет на чердаке порнографический роман и имеет дюжину любовников. Мы слишком мало с ней общаемся, чтобы выяснить это. У нас другой брак, — с грустью сказал Паттерсон, скрывая свою зависть. — Мы оба не в состоянии вывести друг друга из равновесия.

Он хитро улыбнулся и добавил:

— Или хотя бы слегка взволновать.

— Тогда почему ты до сих пор не развелся? — спросил Оливер. — Почему не уходишь от нее?

Паттерсон пожал плечами.

— Просто лень, — почти искренне ответил он.

— Господи, — вымолвил Оливер. — Ну и семья.

Они погрузились в мрачное молчание, занятые созерцанием житейских сложностей, напрасных усилий, недоумений. Паттерсон позволил своим мыслям уйти в сторону от Оливера, он вспомнил о совсем иных проблемах и людях, с которыми столкнулся за рабочий день. О тридцатитрехлетней миссис Сейер, матери пятерых детей, обессилевшей от упорной анемии; по ее словам, она так уставала, что, поднимаясь с постели каждое утро в половине седьмого готовить пищу для детей, она словно карабкалась на крест. Паттерсон не видел средства облегчить ее участь. О мистере Линдси, слесаре, с трудом дер-

¹ Американское управление по трудоустройству, существовавшее в США с 1935 по 1942 г.

жащем инструмент пораженными артритом руками. От страха, что хозяин заметит его недуг, рабочего бросало в пот, стоило ему переступить порог мастерской. И с этим приходилось мириться. О жещине на третьем месяце беременности, чей муж полгода тому назад уехал в Панаму. О повседневных неурядицах и хворях, которые человечество ежечасно вываливает на стол врача. А на расстоянии шага от этого — газетные трагедии, мужчины, отправляющиеся в Испанию, где они, возможно, будут убиты или искалечены к завтрашнему вечеру, люди, преследуемые и истребляемые в Европе.

По объективным критериям, подумал Паттерсон, мучения Оливера — преходящие и незначительные. Только никто не меряет страдание по общей шкале, на внутренних весах индивидуума тысяча смертей на другом континенте не перетянет собственной зубной боли.

Нет, поправил себя Паттерсон, это несправедливо. Следует учитывать порог чувствительности. Он варьируется в огромных пределах — кто-то почти без стонов переносит ампутацию, а кто-то теряет сознание при переломе пальца. Вероятно, болевой порог Оливера — если страдания вызваны супружеской неверностью — очень низок.

— Самовыражение, — задумчиво произнес Оливер, разглядывая свои руки, лежащие на скатерти.

— Что? — переспросил Паттерсон.

— Твоя теория, — напомнил Оливер.

— Ну да, — сказал, улыбаясь, Сэм. — Учти, это только гипотеза, я еще не проверил ее основательно.

— Продолжай, — попросил Оливер.

— Такой человек, как ты, — сказал Паттерсон, — который стремится приписать решения за всех...

— Я этого вовсе не хочу, — запротестовал Оливер. — Я был бы счастлив переложить часть ответственности на других. Но от них мало толку...

Паттерсон улыбнулся.

— Вот именно. Через несколько лет такой жизни, мне кажется, самым дорогим и желанным для жещины становится право самостоятельно принять важное решение. А ты закрыл ей доступ во все сферы — указывал, где ей жить, как воспитывать сына, — господи, даже что готовить на обед.

— У меня свои вкусы по части еды, — защищаясь, сказал Оливер. — Неужели я не могу у себя дома есть то, что хочу?

Паттерсон засмеялся, секундой позже Оливер присоединился к нему.

— Ну и мнение обо мне сложилось в этом городе.

— Да, Оливер, у тебя репутация человека, привыкшего добиваться своего.

— Если Люси испытывала недовольство,— сказал Оливер,— почему она скрывала это от меня? У нас в доме свобода слова.

— Вероятно, боялась. Или до этого лета не догадывалась о своем внутреннем протесте.

— Пока ей не подвернулся двадцатилетний юнец,— мрачно сказал Оливер,— бреющий не чаще двух раз в неделю и имеющий возможность целое лето торчать на озере, развлекаясь с замужними женщинами.

— Пусть так,— сухо сказал Паттерсон.

— Если бы она испытала великую страсть,— сказал Оливер,— влюбилась бы в него, была готова пойти на жертвы! Но он сам мне признался — она засмеялась, когда он сделал ей предложение! Ничего значительного!

— Здесь я помочь не в состоянии,— сказал Паттерсон.— Думаю, со временем ты будешь рад, что тут нет ничего серьезного.

Оливер нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

— Ужаснее всего то, что она проявила преступную беспечность — позволить мальчику все увидеть!

— О,— сказал Паттерсон,— дети становятся свидетелями худшего — родительской трусости, подлости, жестокости...

— Тебе легко говорить,— заметил Оливер.— У тебя нет сына.

— Отправь его на пару лет в школу,— предложил Паттерсон, пренебрегая замечанием друга мимо ушей,— и он забудет эту историю. У детей короткая память.

— Ты так думаешь?

— Конечно,— уверенно сказал Паттерсон.

— Мне тоже надо многое забыть,— вздохнул Оливер.

— И взрослые все забывают,— сказал Паттерсон.

— Ты ведь сам знаешь, что обманываешь меня,— промолвил Оливер.

— Да,— улыбнулся Паттерсон.

— Тогда зачем это говоришь?

— Потому что ты мой друг,— сказал Паттерсон.— Видя твоё желание вернуться к ней, я привожу доводы, пусть и негодные, в его пользу.

— Когда ты попадешь в беду,— саркастическим гоним

произнес Оливер,— обязательно обратись ко мне за советом.

— Обещаю,— отозвался Паттерсон.

— И все же — что мне делать, по-твоему? — спросил Оливер.— В практическом плане?

— Отправляйся туда завтра и прояви великодушие,— не колеблясь ответил Паттерсон.— Прости ее. Прижми к груди. Поделись своей верой в то, что отныне она будет образцовой женой...

— Оставь свои шуточки,— сказал Оливер.

— Не посылай ее никуда одну летом.

— Она и не хотела там оставаться,— вспомнил Оливер.— Она упрашивала меня забрать ее с собой. Если бы я уступил ей, она бы висела у меня на шее двадцать четыре часа в сутки.

— Тем более,— сказал Паттерсон.

— Все дьявольски сложно. А как быть с Тони?

— Скажи ему, что имел место несчастный случай,— предложил Паттерсон,— какие происходят со взрослыми людьми. Обещай ему все объяснить, когда он достигнет совершеннолетия. Пусть хорошо себя ведет в школе и не подсматривает в окна.

— Он нас возненавидит,— сказал Оливер, глядя в чашку.— В конце концов он начнет ненавидеть нас обоих.

Возразить на это было нечего, и Паттерсон не стал пытаться. Они немного помолчали; Оливер попросил счет.

— Позволь мне,— сказал он, когда Паттерсон потянулся к бумажнику.— Плата за профессиональные услуги.

По дороге домой Оливер дал телеграмму Люси с просьбой собрать вещи, приготовиться к отъезду и ждать его завтра днем.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«Иди меня завтра около трех часов дня. Пожалуйста, сложи вещи и будь готова к отъезду. Хочу успеть проделать большую часть пути засветло. Оливер» — так звучал текст телеграммы.

Люси перечитала ее полдюжины раз. Она не поддалась соблазну позвонить Оливеру. Пусть приедет, решила она. Поставим точки над «i» раз и навсегда.

После того злополучного вечера Люси осталась на озере, через силу заставляя себя следовать привычному течению каникул. Сначала Люси ждала какого-то события или письма, которое подтолкнуло бы ее в ту или иную

сторону, ускорило развязку — пусть она окажется жестокой и болезненной, но внесет определенность, подведет черту под одним жизненным этапом и обозначит начало нового.

Но ничего не происходило. Оливер не звонил и не писал; Джеф исчез; дни текли чередой — солнечные, длинные, однообразные. Она кормила Тони, занималась с ним лечебной гимнастикой, плавала с сыном, читала ему вслух, но все казалось ей нереальным и делалось не для достижения какой-то цели, а в силу инерции; Люси напоминала банкрота, ежедневно отправляющегося в свою контору и манипулирующего уже закрытыми счетами только потому, что он занимался этим много лет и теперь не знает другого способа убить образовавшееся время.

Она внимательно наблюдала за Тони, но с каждым днем, прикрывшись знакомой маской, он все заметнее отдалялся от матери. Если бы он внезапно вскочил из-за обеденного стола и оскорбил ее, или если бы Люси проснулась посреди ночи и увидела сына, застывшего над ней с ножом в руке, она сказала бы себе: «Ну вот, нечто подобное я и ожидала».

Он оставался вежлив, послушен, скрытен; Люси чувствовала, как парастает напряженность в их отношениях. Ее нервы словно вытягивались блоком, снабженным храповиком, который проворачивался кем-то на один зубец каждый вечер, когда она гасила свет в комнате Тони и желала ему спокойной ночи.

Истекли десять дней; отдыхающие покидали гостиницу, ночи становились все холодней, музыканты из ансамбля упаковали инструменты и вернулись в город. По поведению Тони нельзя было догадаться, счастлив он или, наоборот, убит горем. Он вежливо придерживал дверь, идя с Люси обедать, по первому ее требованию вылезал из воды; стоило ей сказать: «Ты замерз, разотрись покрепче», как он подчинился без пререканий.

Порой она ловила на себе его упрямый, безжалостный, обвиняющий взгляд взрослого человека. К исходу декады ей приходилось отчаянно напрягать память, чтобы представить себе, каким был Тони в начале лета. Казалось невероятным, что еще совсем недавно она считала его маленьким мальчиком — нежным, ребячливым и покладистым. Теперь, когда они сидели рядом на лужайке — мертвая, фальшивая картина, изображающая мать с сыном во время каникул, — она смущалась, испытывала не-

ловкость и усиливающееся отвращение к себе; они были двумя незнакомцами, которые потерпели кораблекрушение и плывут на плоту по океану, жалея друг другу лишний глоток пресной воды из фляги, с настороженностью следя за каждым движением спутника. Его отдаленность воспринималась ею как неприкрытая враждебность, холодная корректность — как первая месть. Какое он имеет право судить меня, думала Люси, *ему-то* я что сделала?

К этим чувствам применялось растущее возмущение Оливером, оставившим ее здесь наедине с Тони; сын и муж, похоже, использовали друг друга для того, чтобы наказать ее.

Люси написала мужу о своем намерении расстаться с ним. Она сообщала об этом без эмоций, ничего не объясняя, не раскрывая планов на будущее.

Она и правда не имела планов на будущее. Все силы Люси уходили на то, чтобы выдерживать в течение очередных четырнадцати часов испытующий взгляд сына.

Сочиняя письмо, она заставила себя принять некоторые важные для нее решения. Но сделав это, она почувствовала их непрочность; одна улыбка Тони, одно слово Оливера могли все перевернуть. «Я должна уйти. Не могу жить под одной крышей с Тони», — писала она, и эти слова не были для нее пустым звуком, но вскоре она едва не забыла о них — так осужденный на казнь, проведя несколько месяцев за решеткой, начинает воспринимать лица тюремщиков, регулярность однообразного питания, ежедневные прогулки как нечто вечное, незыблемое и перестает верить в реальность смертного приговора, который однажды внезапно оборвет его жизнь.

Затем пришла телеграмма, она нарушила тягостное, но уже привычное чередование дней, отняв у Люси ощущение остановившегося времени и лишив возможности отсрочить момент окончательного принятия решения, которое круто изменит ее судьбу.

Она велела Тони подготовиться к отъезду и помогла ему собраться. Теперь его аккуратно сложенные вещи лежали на веранде. Телескоп, бейсбольная бита, удочка стояли в углу у стенки как символы и руины детства. Свои вещи Люси не тронула. Она знала, что Тони заметил это, хотя он, как обычно, промолчал. В три часа дня Люси уселась на веранде и стала ждать, часто поглядывая на вещи сына. День был ясный, солнечный, но воздух уже дышал осенью, озеро приобрело холодный серо-голубой оттенок.

Тони вышел из комнаты в том самом костюме, в котором он приехал в Вермонт. Мальчик казался заметно выросшим из него за эти два месяца. В руках Тони держал небольшой чемоданчик, он поставил его рядом с остальными вещами.

— Это последний? — спросила Люси.

— Да, — ответил Тони.

— Ты тщательно проверил? Ничего не осталось?

— Ничего.

Люси перевела взгляд с сына на зеркало озера и размытые дымкой горы.

— Приближение осени почти зримо, — сказала она и вздрогнула. — Никогда не любила это время года, — добавила Люси, пытаясь перебросить хоть какой-то мостик между собой и сыном. — Странно не слышать пение горна, правда?

Тони не ответил. Он посмотрел на часы.

— Когда приедет папа? — спросил он.

— С минуты на минуту, — сказала Люси, потерпев еще одно поражение. — Обещал к трем часам.

— Я, пожалуй, подожду его у ворот.

Мальчик направился во двор.

— Тони, — позвала сына Люси.

Он остановился.

— Что? — сухо спросил он.

— Подойди сюда, — с кокетством в голосе произнесла Люси. — Пожалуйста.

Тони неохотно вернулся и остановился перед матерью.

— Что ты хочешь? — спросил он.

— Я хочу посмотреть, как ты выглядишь в костюме, — объяснила Люси. — Ты здорово вырос. Рукава уже коротки.

Она коснулась его плеча.

— И здесь жмет, да? Ты порядком вытянулся за лето. К школе придется сменить гардероб.

— Я пойду к воротам, — заявил Тони.

Люси решила на последнюю попытку.

— Тони, — сказала она, неуверенно улыбаясь и понимая, что теперь, когда все разъехались и природа беззвучно погружается в осень, откладывать больше некуда. — Тони, ты поцелуешь маму?

С отстраненным, но не враждебным видом он изучал лицо матери. Затем он повернулся, не выдав своих чувств, и зашагал прочь.

Люси вспыхнула.

— Тони,— резко окликнула она сына.

— Что тебе надо? — спросил он.

— Ничего,— сказала Люси.

Послышались чьи-то шаги, и Люси увидела Джефа. Он тоже оделся по-городскому, на нем был коричневый твидовый костюм с тщательно завязанным галстуком. Под мышкой он нес проигрыватель. Этот парень, подумала Люси, сдерживая истерический смех, вечно появляется и исчезает с проигрывателем в руках. Джеф перешитительно приблизился к крыльцу. Он, казалось, заметно побледнел за последние две недели, словно провел их в помещении. Он остановился, не заходя на веранду.

— Привет, Тони,— сказал он.— Здравствуй, Люси.

Тони не ответил. Люси растерялась. Она давно уже усилием воли вычеркнула Джефа из своего сознания. Теперь, глядя на юношу, она испытывала двойственное чувство — к приятным воспоминаниям добавлялось раздражение. Она скрыла его небрежностью тона.

— Привет, Джеф,— равнодушно сказала она.— Я думала, ты уехал.

— Я вернулся,— смущенно произнес Джеф,— чтобы помочь сестре собраться. Узнал, что вы еще здесь, и...

Он увидел стоящие на полу сумки.

— Вы сегодня уезжаете?

— Что тебе надо? — сказал Тони, пропустив вопрос мимо ушей.

— Вот зашел попрощаться,— ответил Джеф.

В облегающем костюме, заметно скованный, он показался Люси совсем юным и по-отрочески пеловким. Если бы все лето он одевался подобным образом, подумала она, вспомнив белые футболки и обнаженные поги, я бы к нему и не притронулась.

Джеф поставил проигрыватель на ограждение веранды и испытующе улыбнулся Тони.

— Мне пришло в голову, вдруг ты хочешь оставить его себе, Тони. В качестве подарка. Это неплохая машина. Зная, как ты любишь музыку...

Он умолк, смутившись под немигающим взглядом Тони.

Люси стало жаль Джефа, и она вмешалась в разговор.

— Как мило с твоей стороны,— сказала она светским тоном,— но, право, это чересчур. Что ты будешь делать холодными зимними вечерами в Нью-Гемпшире, когда за окном завывает ветер и кружит метель?

Она посмотрела на аппарат с подчеркнутым восхищением.

— Прекрасный проигрыватель, правда, Тони?

Тони не тронулся с места. Он стоял, широко расставив ноги, приковав к себе взгляды Люси и Джефа.

— Ты отдаешь его мне? — спросил он Джефа.

— Да, — сказал юноша.

— Почему?

— Почему? — огорченно повторил Джеф. — Ну, не знаю. Наверно, потому что мы провели вместе немало приятных минут. Хочу, чтобы ты помнил меня.

— Ты поблагодаришь Джефа, Тони? — сказала Люси.

— Значит, он мой? — не обращая внимания на мать, спросил Джефа мальчик. — Я могу делать с ним все что угодно?

— Конечно, — сказал Джеф. — Можешь взять его с собой в школу, поставить в своей комнате и заводить на вечеринках...

Джеф замолчал, внимательно наблюдая за Тони. Мальчик приблизился к аппарату, посмотрел на него, бесстрастно потрогал кончиками пальцев. Затем подошел к бейсбольной бите, стоящей у стены, взял ее, вернулся к проигрывателю, сбросил его на лужайку свободной рукой и замахнулся битой.

— Тони! — закричала Люси. Она кинулась к сыну, чтобы остановить его, но Джеф схватил ее за руку.

— Оставь его, — резким тоном сказал он.

Тони принялся расчетливо и методично крушить аппарат у них на глазах.

Через пару минут Тони остановился, тяжело дыша. Он повернулся к матери и Джефу; лицо его выражало безжалостное торжество. Он устало уронил битку.

— Вот, — произнес он.

— Твой поступок — отвратительный и бессмысленный, — сказала Люси. — Мне за тебя стыдно.

Она повернулась к Джефу.

— Я прошу прощения.

— Не проси за меня прощения, — закричал Тони. — Никогда.

— Ничего, Тони, — мягко сказал Джеф. — Если тебе от этого стало легче, я не в обиде.

Тони перевел взгляд с разбитого проигрывателя на мать, потом на Джефа.

— Нет, мне от этого легче не стало. Наверно, вы хотите поговорить, пока не появился отец. Я обещал зайти

к Бертю перед отъездом. Вернусь через пять минут, — с угрозой предупредил он и направился в сторону причала.

Люси и Джеф следили за ним, пока он не скрылся из виду. Потом Джеф подошел к обломкам и с сожалением коснулся их ногой.

— Вот удивилась бы моя тетьа, если бы узнала, что случилось с ее подарком, — сказал он, вернувшись на веранду. — Последние две недели — просто мрак, правда?

Мрак, отметила про себя Люси, наверно, это сейчас модное слово среди студентов Дартмута. Она задумалась. Ничего не буду брать в голову, решила она.

— Это почему? — сказала Люси, усмехнувшись.

— Над чем ты смеешься? — настороженно спросил Джеф.

— Я вспомнила, о чем думала, когда Тони крушил проигрыватель.

— О чем же?

— Ты так старательно обучал его владению битой, — шептала Люси. — «Корпус вперед, Тони. Смотри на мяч», — скопировала она наставления Джефа. — Он освоил эту премудрость, а?

— Смешного тут мало, — сказал Джеф.

— И серьезного тоже, — шутливым тоном заметила Люси. — Скажи своей тете, что его украли, и она подарит тебе к рождеству новый.

— Я о другом, — сказал Джеф. — Он меня ненавидит.

— Нас всех кто-то ненавидит. Что с того?

— А ты? — спросил Джеф.

— Питаю ли я к тебе ненависть? — Она снова попыталась улыбнуться. — Нет, конечно.

— Я тебя еще увижу? — спросил Джеф.

— Нет, разумеется, — ответила Люси.

— Очень жаль, — сказал Джеф и засунул руки в карманы.

Он, казалось, стал еще меньше.

— Наверно, мне не стоило заходить.

— Нет, — возразила Люси. — Это хорошо, что ты пришел. Благородно и даже немного отважно.

Голос ее звучал приветливо и насмешливо.

— Не делай такое лицо. Этот эпизод имел для тебя воспитательное значение. Летняя практика после третьего курса, обязательная для получения степени бакалавра, — выбор инструктора.

— Как ты можешь относиться к этому так легкомысленно? — Джеф казался уязвленным.

— Инструктор...— Люси задумалась.— Как будет в женском роде? Инструкториса? Плохо звучит, да?

— Я доставил массу хлопот, верно?

Люси скорчила гримасу, означавшую, что Джеф преувеличивает свою роль.

— За развлечения всегда приходится платить,— сказала она.

— Развлечения? — поразился Джеф.

— Что тебя так шокирует? — сказала она.— Это и было развлечением, не так ли? Я бы огорчилась, если бы узнала, что ты не получил удовольствия и лишь исполнил свой долг.

— Это было восхитительно,— торжественно заявил Джеф.— Потрясающе... точно землетрясение.

— О, боже,— Люси всплеснула руками,— а я-то дура, официальная часть уже позади.

На лице Джефа явственно отразилась боль.

— Ты сегодня совсем другая,— сказал он.— Почему?

— Осень близится.

Люси подошла к чемоданам и сосредоточилась, сверяя наличность с неким списком, хранящимся в голове.

— Ты возвращаешься? — спросил Джеф.— К нему?

Люси изобразила недоумение.

— К кому?

— К мужу,— пояснил Джеф.

— Наверно, да,— сказала она так, словно речь шла о чем-то незначительном.

Люси не считала нужным говорить ему о письме, которое она послала Оливеру.

— Женщины, как правило, возвращаются к своим мужьям, верно? Для этого-то главным образом девушки выходят замуж — чтобы было к кому вернуться.

— Люси,— обратился он к ней,— что с тобой произошло?

Люси подошла к ограждению и посмотрела в сторону озера.

— Должно быть, я наконец стала взрослым человеком,— сказала она.

— Ты смеешься надо мной,— с горечью заявил Джеф.— Я тебя не виню. Я вел себя, как дурак. Все ему помедленно выложил. Ушел с этим проклятым проигрывателем под мышкой точно мальчишка, которого застали с сигаретой во рту и выгнали из школы.

— На твоём месте я бы не переживала из-за таких

пустяков,— сказала Люси.— Честно говоря, я даже рада, что он все узнал.

— Рада? — недоверчиво произнес Джеф.

— Да,— сказала она.— Я бездарная обманщица. Ложь — непосильная нагрузка для моей бедной маленькой головки.

Внезапно она заговорила другим голосом — серьезным, почти угрожающим.

— Я поняла, что не способна вести двойную жизнь.

— Люси,— сказал Джеф, пытаюсь спасти хоть частицу этого лета,— если когда-нибудь мы снова встретимся, что ты обо мне подумаешь?

Люси с грустью посмотрела на юношу. Но тут же ответила ему еще более игривым тоном.

— Я подумаю,— сказала она,— какой очаровательный молодой человек! Неудивительно, что когда-то я даже, как мне казалось, была влюблена в него.

Они смотрели друг на друга. Люси — безжалостно-легкомысленно, Джеф — по мальчишески горестно, когда на их углу коттеджа появился Оливер. Они не слышали его шагов. Краун был в дорожной одежде, он выглядел усталым после долгого путешествия и двигался медленно, словно силы покинули его. Он остановился, увидев Джефа и Люси.

— Здравствуйте,— произнес он, когда они обернулись.

— Здравствуй, Оливер,— сухо сказала Люси.— Я не заметила твоей машины.

— Я просто зашел попрощаться,— смущенно сказал Джеф.

Оливер словно чего-то ждал.

— Да?

— Я хочу извиниться,— добавил Джеф.

Оливер кивнул головой.

— Хм,— рассеянно произнес он,— неужели?

Он бросил взгляд на обломки проигрывателя.

— Что здесь случилось?

— Тони...— начал Джеф.

— Несчастный случай,— вмешалась Люси.

Оливер не проявил интереса.

— Несчастный случай,— повторил он без любопытства.— Ты закончил, Джеф?

— Да, вполне.

Юноша собрался уходить.

— Всего хорошего, Джеф,— сказала Люси и протянула ему руку, которую пареньку пришлось пожать.— Не ве-

шай носа. Учись прилежно и постарайся окончить год с наивысшими оценками.

Джеф попытался что-то ответить, но не смог. Он отдернул руку и ушел.

Провожая его взглядом, Люси едва не заплакала, но не потому, что они никогда больше не увидятся, и не потому, что какое-то время он был дорог ей. Она расстроилась из-за его неловкости, причинявшей, как она знала, боль Джефу. Люси винила себя.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

После ухода Джефа Оливер повернулся к Люси.

— Где Тони? — спросил он.

— Он сейчас придет, — сказала Люси.

— А...

Оливер посмотрел на вещи, лежащие на полу.

— А где твои сумки? В комнате?

— Они не сложены, — ответила Люси.

— Я просил тебя в телеграмме, — сказал Оливер, и в его голосе зазвучало знакомое раздражение ее непонятливостью, — собраться к трем часам. Я не хочу ехать в темноте.

— Я не могу вернуться домой, — сказала Люси. — Ты получил мое письмо?

— Получил, — нетерпеливо произнес Оливер. — Ты написала, что нам надо внести в наши отношения ясность. Сделать это дома ничуть не менее удобно, чем здесь. Мне бы не хотелось тут задерживаться. Иди, Люси, собирайся.

— Все не так просто, — промолвила Люси.

Оливер вздохнул.

— Люси, — сказал он, — я долго думал и решил забыть этот случай.

— О, ты решил, — с неожиданной жесткостью произнесла Люси.

— Я верю твоему обещанию больше так не поступать, — сказал Оливер.

— Поверишь, значит.

В ее голосе зазвучал металл.

— Если я пообещаю?

— Да.

— Две недели тому назад ты не верил ни единому моему слову.

— Тогда ты говорила неправду.

— Откуда тебе известно, что я не буду лгать и дальше? — спросила Люси.

Оливер опустил на стул, склонив голову; на его лице появились усталые складки.

— Не мучай меня, Люси, — попросил он.

— Ответь мне, — потребовала она. — Почему ты полагаешь, что я не стану больше тебя обманывать?

— Потому что я вынужден тебе поверить, — почти неслышно произнес Оливер. — Сидя дома, я пытался представить, смогу ли я жить без тебя... и понял, что не смогу, — бесхитростно сказал он.

— Несмотря на мою лживость и твою ненависть к фальши, — сказала Люси, стоя над ним. — Несмотря на то, что я тебе противна?

— Я пытаюсь забыть свои слова, — сказал Оливер.

— А у меня не получается, — заявила Люси. — Ты прав. Это было на самом деле мерзко. Я испытывала отвращение к себе.

Оливер поднял голову и посмотрел на жену.

— Но теперь-то ты изменишься?

— Изменюсь? — сказала Люси. — Да. Но, наверно, не в том направлении, в каком ты надеешься.

— Люси, — задал ей вопрос Оливер, — ты меня любишь?

Люси задумчиво посмотрела на него.

— Да, — медленно ответила она, — да, люблю. Последние десять дней я думала о тебе. О том, чем я обязана тебе. Как ты мне нужен. Сколько ты для меня сделал. Каким был надежным и верным.

— Люси, я счастлив слышать это.

— Обожди, — сказала Люси, — не торопись. Ты сделал для меня еще кое-что. Ты меня воспитал. Превратил в другого человека.

— В другого человека? — удивленно повторил Оливер. — Что ты имеешь в виду?

— Ты столько рассуждал о своих принципах, — сказала Люси. — О честности. Об опасности самообмана. Ты даже писал об этом Тони.

— Да, верно, — сказал Оливер, — но при чем тут это?

— Я твоя ученица, — заявила Люси. — И притом самая опасная. Твои уроки обернутся против тебя.

— О чем ты? — спросил Оливер.

— Ложь тебя оскорбляет, верно, Оливер?

Люси говорила спокойно, рассудительно, словно излагая условия математической задачи.

— Да, оскорбляет,— настороженно, без воинственности в голосе сказал Оливер.

— Любой обман,— тоном классной наставницы продолжала Люси,— ты считаешь низостью, не так ли?

— Да,— согласился Оливер.

— Это твое кредо, правда? — спросила Люси.

— Да.

— И тут ты лжешь,— сказала Люси.

Оливер сердито замотал головой.

— Не говори так.

— Ты лжешь мне,— сказала Люси.— Но в первую очередь себе.

— Я не лгу,— уверенно сказал Оливер.

— Хочешь, докажу? — спокойно и дружелюбно спросила Люси.— Доказать тебе, что значительная часть твоей жизни основана на лжи?

— Не удастся,— сказал Оливер.— Потому, что это неправда.

— Неправда? Оставим на время нас самих в покое,— сказала Люси.— Кто твой лучший друг?

— К чему ты клонишь? — спросил Оливер.

— Сэм,— сказала Люси.— Милый доктор Паттерсон. Ты знаком с ним двадцать лет. Недели не проходит, чтобы он и его жена не заглянули к нам. Ты играешь с ним в гольф. Одалживаешь ему деньги. Доверяешь ему. Я не удивлюсь, если окажется, что ты даже рассказал ему... о наших неприятностях.

— Так получилось, что я это сделал,— признался Оливер.— Мне необходимо было с кем-то поговорить. Он не только мой друг, но и твой тоже. Сэм посоветовал мне вернуться к тебе.

Люси кивнула.

— Мой друг,— повторила она.— И твой. А что тебе известно о нашем друге докторе Паттерсоне?

— Он умный и преданный,— сказал Оливер.— К тому же превосходный врач. Он помог Тони.

Люси снова кивнула.

— Все верно. Но ведь ты знаешь о нем и кое-что другое, не правда ли? Например, о его связях с женщинами.

— Ну,— смутился Оливер,— об этом судить трудно.

— Ты снова кривишь душой, Оливер,— мягко сказала Люси.— Вспомни миссис Уэлс. Миссис Мюллер. Шарлотту Стивенс — их роман начался два года назад у нас дома, и с тех пор знакомые обсуждают его за нашим обеденным столом.

— Хорошо,— согласился загнанный в угол Оливер.— Это мне известно.

— А теперь я скажу тебе еще кое-что,— с нежностью в голосе продолжала Люси.— Ко мне он тоже подбирался. Такой уж он человек. Не может дважды увидеть женщину и не закинуть удочку. Ты должен был знать об этом.

— Я отказываюсь верить,— сказал Оливер.

— Ну конечно. А ты сотни раз заходил к нему и приглашал его к нам. А прочие мужья и жены? Привязанные друг к другу и разведенные, неудовлетворенные или просто любопытные, распущенные... ты осведомлен о всех. Ты был с ними вежлив и дружелюбен, смеялся, когда трагивалась эта тема или в газете публиковали скандальный материал. Но когда удар поразил твой дом, ты не смеялся. Вся твоя терпимость, цивилизованность оказались бесполезными.

— Прократи,— сказал Оливер.

— Я думала о тебе, Оливер,— безжалостно продолжала Люси,— эти десять дней и решила, что ты был прав. Но крайней мере, говорил ты все верно, даже если в жизни не достигивал до провозглашаемого.

— Мы будем жить так, как ты хочешь,— сказал Оливер.— Перестанем видеться с этими людьми. Заведем новый круг знакомых.

— Этого я не прошу,— сказала Люси.— Мне нравятся наши друзья. Отчасти именно они помогали мне до сих пор чувствовать себя счастливой. Я не желаю терять их.

Оливер поднялся, щеки его горели.

— Господи, чего же ты тогда добиваешься? — повысил он голос.

— Я хочу жить так,— спокойно заявила Люси,— чтобы никто, в том числе и я сама, не мог обвинить меня во лжи.

— Прекрасно,— хрипло произнес Оливер,— если это правда, я рад случившемуся.

— Не снеси,— сказала Люси.— Ты, как всегда, торопишься ухватиться за половину правды. За ее приятную часть — ту, что дает тебе сознание собственного благородства и приносит удовлетворение. Но другая часть — тайная, отталкивающая, сулящая боль — она ведь, Оливер, тоже существует. Отныне тебе не удастся игнорировать ее...

— Если ты намерена поведать,— сказал Оливер,— о каких-то других студентах, докторах, наших гостях или

соседях по купе — избавь меня от этого. Я не интересуюсь твоим прошлым. Не желаю ничего слышать.

— Я не собираюсь признаваться в прошлых грехах, — вкрадчиво сказала Люси, — потому что их просто нет.

— Тогда что же? — спросил Оливер.

— Я хочу признаться в еще не совершенном.

Сбитый с толку Оливер негодуяще посмотрел на Люси.

— Ты мне угрожаешь? — спросил он.

— Нет, — сказала Люси. — Просто хочу заручиться гарантией того, что смогу войти в наш дом свободной от обвинений. Внесем ясность — если я решу вернуться, это будет новая семья.

— Никто не создает новую семью через пятнадцать лет после свадьбы.

— Возможно, — согласно кивнула Люси. — Тогда просто другую. До сих пор ты относился ко мне как к той девочке, которую ты встретил много лет назад. Словно мне по-прежнему двадцать лет и я нуждаюсь в опеке и защите, а что касается серьезных вопросов, тут мой голос не стоит принимать во внимание. И я терпела это... Кто знает, почему? Вероятно, из-за лени. Или потому, что так мне было проще. А может, боялась прогневать тебя. Но теперь... теперь ты так рассердился, что больше мне опасаться нечего. Наш брак развалился. Может, его удастся спасти, а может, нет. Я поняла, что выживу в любом случае. Поэтому я отвергаю прежние условия.

— Что это значит? — спросил Оливер.

— Если мы приходим к согласию — все прекрасно, — сказала Люси. — Если же нет — я иду своей дорогой.

— Какой абсурд, — сказал Оливер. — Ты ведешь себя как потаскуха...

Люси предостерегающе подняла руки.

— Ты не должен произносить такие слова, Оливер.

— Найди другие. Ты совершила преступление, проступок... господи, как еще это назвать, не оскорбляя твоего слуха? И ты же диктуешь условия.

— Да, Оливер, — сказала Люси. — Потому что твои правила больше не работают. Я пыталась разобраться, почему я поступила подобным образом после стольких лет...

— И почему же? — спросил Оливер.

— Тебе мой ответ придется не по душе, — предупредила мужа Люси.

— Говори уж, — с горечью сказал Оливер. — Выплескивай весь яд, чтобы по дороге домой мы могли начать забывать о нем.

— Забыть не удастся,— сказала Люси.— Ни тебе, ни мне. Во многих отношениях ты был хорошим мужем. Я жила в тепле и сытости, ты ничего не жалел для меня, помнил день моего рождения, подарил мне прекрасного сына, которого я так любила...

— Что дальше? — резко спросил Оливер.— Что еще ты хочешь мне сказать?

— Ты так долго относился ко мне, как к ребенку,— медленно произнесла Люси,— что в тех случаях, когда тебе приходилось обращаться со мной как с женщиной — в постели — я испытывала детские эмоции — смущение, чувство незавершенности, даже отвращение.

— Ты обманываешь меня,— сказал Оливер.

— Я же предупредила, что никому не позволю обвинять меня во лжи,— напомнила Люси.

— Но мне всегда казалось...

— По большей части это был спектакль, Оливер,— сказала Люси.— Не всегда, но чаще всего.

— На протяжении стольких лет? — отказываясь верить ей, подавленно сказал Оливер.

— Да.

— Зачем ты это делала? — спросил Оливер.— Почему не делилась со мной!

— Боялась тебя обидеть.

— А теперь?

— А теперь,— сказала Люси,— я стала относиться к себе с большим вниманием, чем к тебе. Вот что ты со мной сделал в тот вечер.

— Я не желаю тебя слушать! — взорвался Оливер.— Пять тысяч лет женщины пытаются оправдывать свою порочность тем, что мужья слишком стары, или вечно заняты, или не в силах удовлетворить их. Окажи честь, сочини что-нибудь свеженькое.

— Не думай,— сказала Люси,— что я стараюсь переложить всю вину на тебя. Возможно, если бы ты был другим, если бы мы оба были другими, этого бы не произошло. Но,— честно сказала она,— дело отчасти в ином. Меня потянуло к нему. Долгое время я не признавалась в этом даже себе. Но потом, когда это случилось, я пожалела, что по своей глупости упустила столько времени.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Оливер.— Ты собираешься и впредь с ним встречаться?

— О, нет,— пренебрежительно сказала Люси.— У него свои недостатки. Он слишком молод. Будь он лет на де-

сять старше... Он сослужил полезную службу, по теперь ему пора возвращаться в школу.

— Полезную службу,— с недоброй усмешкой повторил Оливер.

— Да,— сказала Люси.— Благодаря ему я ощутила, как замечательно снова почувствовать себя женщиной. Сам по себе он ничего для меня не значит — но с его помощью в тридцать пять лет я открыла, какую радость способен подарить мне мужчина.

— Это философия шлюхи,— сказал Оливер.

— Да?

Люси пожала плечами.

— Я так не считаю, да и ты, думаю, тоже. В любом случае тебе следует знать мое теперешнее отношение к этому вопросу.

— Что ты хочешь сказать? — снова спросил Оливер.

— То, что в будущем это, вероятно, повторится.

— Ты шутишь. Это пустая болтовня. Ты мстишь мне.

— Я говорю серьезно,— сказала Люси.

— Не может быть,— с отчаянием в голосе произнес Оливер.

— Может,— сказала Люси.— Чем ты так потрясен? Ты бывал в раздевалках, барах, курительных. Разве не вокруг этого вертятся все разговоры? А если бы ты послушал, о чем беседуют за чаем женщины... Отличие лишь в том, что я узнала правду о себе только на пятнадцатом году брака — и не без твоей помощи.

— Семья не может существовать на таких условиях.

— Вероятно,— сказала Люси.— Тем хуже для семьи.

— Ты превратишься в одинокую, никому не нужную старуху.

— Пусть так,— согласилась Люси.— Но сейчас мне кажется, что игра стоит свеч.

— Я не в силах поверить,— сказал Оливер.— Ты так изменилась. Две недели назад ты была совсем другим человеком.

— Ты прав. Я действительно изменилась,— согласилась Люси.— Не в лучшую сторону. Я правда так считаю. В гораздо худшую. Но теперь я — это я, а не твое отражение. Не какая-то незначительная, робкая, вялая, легко предсказуемая пятая часть твоей жизни. Я сбросила маску. Стала хозяйкой своей судьбы.

— Хорошо,— оборвал ее Оливер.— Иди собирай вещи, поедем домой. Я разыщу Тони.

Люси вздохнула. Затем неожиданно рассмеялась.

— Оливер, дорогой,— заявила она,— ты совсем разучился слышать меня; если я скажу тебе сейчас, что твоя одежда горит, ты не шелохнешься.

— Что ты имеешь в виду?

Люси перешла на серьезный тон.

— Я написала тебе, что не вернусь домой с Тони. Ты читал мое письмо?

Оливер нетерпеливо махнул рукой.

— Читал, читал,— сказал он.— Это чушь. Ты была вне себя, когда писала, и...

— Оливер,— предостерегающе произнесла Люси.

— В любом случае,— сказал Оливер,— речь идет о нескольких днях. В конце месяца он отправится в школу и сможет там успокоиться. Ты не увидишь его до Дня благодарения.

— Я не хочу видеть его ни сейчас,— сказала Люси,— ни в День благодарения, ни на рождество, ни...

— Люси, хватит,— резко сказал Оливер.— Не валяй дурака...

Устало прикрыв глаза, Люси плавно махнула рукой.

— Почему бы вам не поехать вдвоем,— спросила она,— и не оставить меня здесь?

— Я думал, мы договорились насчет Тони,— сказал Оливер.

— Ни о чем мы не договорились. Ты сказал, что хочешь вернуть меня, и я согласилась — на определенных условиях. Одно из них — я не желаю общаться с Тони.

— Как долго? — хрипло спросил Оливер.

— Никогда.

— Мелодрама,— произнес Оливер.— Это лишено всякого смысла.

— Теперь выслушай меня внимательно,— сказала Люси, стоя прямо против Оливера и с трудом сдерживая свой голос.— Я говорю абсолютно серьезно. Он меня ненавидит. Он мой враг...

— Тринадцатилетний мальчик...

— Он — свидетель обвинения,— сказала Люси,— он ничего не забудет, я — тоже. Каждый раз, бросая на меня взгляд, он смотрит через то окно. Он судит меня, выносит приговор...

— Не впадай в панику, Люси.

Оливер схватил ее руки, пытаясь успокоить.

— Он все забудет.

— Нет, не забудет. Спроси его сам. Я не могу жить в

одном доме с судьей! Я не вынесу, если двадцать раз на дню мне будут напоминать о моей вине!

Ее голос дрожал, Люси с трудом удавалось не разрыдаться.

— Ты должна попытаться,— сказал Оливер.

— Я пыталась,— прошептала Люси.— Я сделала все, чтобы исправить положение. Даже когда я писала тебе, что не смогу вернуться домой с Тони, я еще надеялась... Не верила до конца в то, что пишу. И вот сегодня он совершил это...

Она указала на сломанный аппарат.

— Бейсбольной битой. Он уничтожал не проигрывающего, а меня. Он убивал меня! — закричала она в истерике.— Это убийство!

Оливер схватил ее и сильно тряхнул.

— Прекрати! Возьми себя в руки.

Всхлипывая, не пытаясь освободиться, она сказала:

— Он все отравит. В кого мы превратимся через пять лет? Кем станет в итоге он сам?

Оливер отпустил Люси. Мгновение они постояли друг против друга, не двигаясь. Потом Оливер покачал головой.

— Я не могу это сделать.

Люси набрала в легкие воздух. Она склонила голову и, скрестив руки на груди, обхватила пальцами и стала поглаживать плечи в тех местах, за которые держал ее Оливер.

— Тогда оставь меня,— произнесла она.— Забери его с собой, а меня оставь. Раз и навсегда.

— Это я тоже не в силах сделать,— сказал Оливер.

По-прежнему касаясь пальцами плеч, Люси сказала:

— Тебе придется выбирать, Оливер.

Он прошел на край веранды, остановился спиной к жене, оперся об ограждение и посмотрел на озеро. А я был уверен, что все просчитал. Оливер почувствовал себя побежденным, не способным строить планы и принимать решения. Мне следовало в тот вечер сразу же увезти их обоих домой, мелькнула запоздалая мысль. Теперь они успели занять оборону.

Он услышал позади себя шорох и обернулся. Люси открыла дверь коттеджа, собираясь зайти в гостиную.

— Ты куда? — спросил он.

— Тони идет.

Люси указала в сторону гостиницы и Оливер увидел приближающегося сына.

— Думаю, тебе стоит поговорить с ним.

Она скрылась в комнате, хлопнув сеткой от насекомых. Оливер проводил жену взглядом.

Заставив себя улыбнуться, он вышел навстречу сыну на лужайку.

Тони приближался пастороженно, с серьезным, сосредоточенным лицом; он замер, не дойдя несколько шагов до отца.

— Здравствуй, папа,— выжидательно сказал Тони.

Оливер шагнул к мальчику, обнял его, поцеловал в щеку.

— Здравствуй, Тони.

Не снимая руки с плеча сына, Оливер направился к веранде.

— Я все сложил,— сказал Тони, демонстрируя отцу чемоданы, лежащие на полу.— Я начну складывать их в машину?

Оливер не ответил. Он отпустил Тони, медленно подошел к плетеному креслу и устало, по-стариковски, сел в него, глядя на сына.

— Я думал, мы уедем отсюда ровно в три часа,— сказал Тони.

— Подойди ко мне, Тони,— попросил Оливер.

Недоверчиво, точно боясь наказания, мальчик приблизился к отцу и остановился перед ним.

— Ты сердисься на меня, папа? — тихо спросил он.

— Нет. Разумеется, нет. За что мне на тебя сердиться?

— За тот звонок,— объяснил Тони, уставившись на дверь.— За то, что я рассказал тебе...

Оливер вздохнул.

— Нет,— сказал он— Твоей вины тут нет.

— Я ведь должен был с тобой поделиться, правда?

— Да,— ответил после паузы Оливер.

Он посмотрел на сына и задумался. Что останется в душе мальчика от этого дня? Дети все забывают, сказал Наттерсон. И взрослые тоже. Оба эти утверждения ошибочны. Тони запомнит все ясно, отчетливо, эти дни станут фундаментом его дальнейшей жизни. Самым простым и легким выходом было бы под каким-то предлогом увезти сына домой и затем отправить в школу, не отвечать на его вопросы о Люси, отмалчиваться, когда он станет просить, чтобы на праздники и каникулы его забирали домой. Постепенно, со временем мальчик поймет, что его изгнали из семейного круга. В этом заключался самый простой и легкий выход, но в конце концов, став взрослым, Тони презирал бы за него отца.

Оливер усадил сына на колени, прижав его к своему плечу, как делал много лет назад, когда Тони был маленьким.

— Тони,— сказал Оливер, почувствовав, что теперь, когда он ощущал тяжесть сына, касался его худеньких ног, повернутой в сторону головы, говорить оказалось легче,— выслушай меня внимательно. Мне очень жаль, что все так случилось. Я предпочел бы, уж если это произошло, чтобы ты остался в неведении. Но ты обо всем узнал. И тебе пришлось рассказать мне.

Тони молчал. Он напряженно сидел в объятиях отца.

— Тони,— сказал Оливер,— позволь тебя кое о чем спросить. Ты ненавидишь маму?

Оливер заметил, как оцепенел сын.

— Почему ты так решил? — спросил Тони.— Что она тебе сказала?

— Ответь мне, Тони.

Внезапно выскользнув из рук Оливера, Тони встал перед ним; кисти мальчика сжимались и разжимались.

— Да,— с яростью произнес он.— Я ее ненавижу.

— Тони,— удрученно сказал Оливер.

— Я не желаю с ней разговаривать,— закричал Тони пронзительным детским фальцетом.— Она может болтать все что угодно. При необходимости я буду отвечать ей «да» или «нет», но разговаривать с ней не собираюсь.

— Ты бы хотел расстаться с ней навсегда?

— Да!

Тони стоял, расправив плечи и воинственно задрал вверх подбородок, он словно бросал вызов другому мальчишке — только посмей переступить черту, проведенную на песке.

— Мама тебя любит,— сказал Оливер.

— Мне безразлично, что она говорит.

— Но она боится тебя...

— Не верь ей. Не верь ни единому ее слову.

Сейчас он уже не казался маленьким.

— И из-за этого страха,— продолжал Оливер, добросовестно, хотя и без всякой надежды на успех завершая обсуждение любого спорного вопроса,— она не соглашается ехать с нами в город и жить с тобой.

На мгновение Оливеру показалось, что Тони сейчас расплачется. Сын отвернулся от него и возбужденно провел руками вдоль бедер. Затем Тони поднял голову и посмотрел Оливеру в глаза.

— Извините,— сказал Оливер, понимая, что обидел этого ни в чем не повинного, добросовестного человека, но не считая возможным объяснить ему поведение сына.— Я уверен, тут вина самого Тони.

— Ну,— Холлис снисходительно развел руками,— вина — слишком сильное слово. Речь идет, скорее, об особенностях характера. Несомненно, с годами Тони изменится. Хотя, если побег лозы согнуть...

Он пожал плечами и улыбнулся, одновременно предупреждая и успокаивая.

— В одном деле он достиг успеха,— с радостью поделился приятной информацией Холлис.— Тони мастерски рисует карикатуры для стенгазеты. У нас уже давно не было такого одаренного художника. В его работах чувствуется зрелость. И, должен признаться, яд тоже...

Снова мягкая виноватая улыбка, сглаживающая тягостное впечатление от суровой правды.

— До меня доходят слухи о том, что кое-кого задевает беспощадность его произведений. Вы, конечно, видели их сами, он наверняка посылал вам свои работы...

— Нет,— сказал Оливер.— Я их не видел. Мне ничего не известно.

— Да?

Холлис удивленно посмотрел на Оливера.

— Неужели?

Он опустил голову и принялся перебирать бумаги, лежащие на столе. Затем тактично сменил тему.

— Мальчик силен в биологии и химии, это тем более отрадно, что он собирается стать медиком. Другими предметами он интересуется мало, хотя много читает самостоятельно. К сожалению,— снова на лице Холлиса появилась привычная снисходительная директорская гримаса,— его вкусы далеки от школьной программы. И если через два года он захочет поступить в приличный колледж...

Незавершенность фразы таила в себе предупреждение, угрозу, точно первое дуновение свежего ветерка в душный пасмурный день.

— Я поговорю с ним,— пообещал Оливер и встал.— Большое вам спасибо.

Холлис тоже поднялся, его фигура выделялась на фоне окна, за которым виднелись серые готические здания школы, залитые неяркими лучами осеннего солнца. Директор — энергичный интеллигентный молодой человек, высокообразованный носитель вековых традиций, не чуждый

веяний прогресса — протянул руку. Мужчины обменялись рукопожатиями, и Холлис спросил:

— Вы, вероятно, заберете Тони на каникулы в Хартфорд?

— Мы не живем в Хартфорде, — сказал Оливер.

— Да? — удивился Холлис. — А я думал...

— Мы переехали год тому назад в Нью-Джерси. В Ориндж. Мне удалось продать типографию в Хартфорде и приобрести новую, более современную, в Нью-Джерси, — сказал Оливер, не раскрывая истинных причин.

— Нью-Джерси нравится вам больше Нью-Йорка? — вежливо спросил Холлис.

— Гораздо, — сказал Оливер.

Он не стал объяснять, что любой город на земле, где их никто не знал, где у Краунов не было друзей, с любопытством спрашивающих о Тони, где они с Люси не умолкали подавленно, стоило кому-то заговорить о детях, казался им предпочтительнее Хартфорда. Не стал он рассказывать и о том, что последние шесть месяцев их пребывания в Хартфорде Люси не встречалась ни с кем из старых знакомых, за исключением Паттерсона. Сэм знал, что произошло, и обманывать его не было смысла. Груз всевозможных догадок, которые строили остальные, стал в конце концов невыносимым. «Хватит, — сказала Люси, — мне кажется, что я провожу вечер с криптографами, которые изо всех сил пытаются разгадать шифр. И этот шифр — я. С меня достаточно. Если хочешь с ними общаться, ходи в гости один».

— Ориндж, — сказал Холлис, — это недалеко. Вы сегодня заберете Тони?

— Нет, — ответил Оливер. — День благодарения и уикенд мы с женой проведем в Южной Каролине. Последняя возможность поиграть в гольф до прихода зимы. Я заехал только позавтракать с Тони.

— А...

Холлис непонимающе моргнул.

— Тогда мы пригласим Тони на праздничный обед в наш дом. Я предупрежу жену.

— Спасибо, — поблагодарил Оливер. — Там будут и другие мальчики?

— Несколько человек, — ответил Холлис. — Один ученик, чьи родители в Индии, и пара подростков из распавшихся семей.

Он неодобрительно покачал головой, осуждая людей за их нравы, и тут же улыбнулся, прощая их.

— Многих наших воспитанников, живущих слишком далеко или остающихся в школе по иным причинам, приглашают к себе их друзья.

Он выдержал паузу, давая Оливеру осознать, что его сын не относится к числу тех, у кого есть друзья.

— Не волнуйтесь,— добавил Холлис.— Мы Тони голодным не оставим.

Он проводил Оливера до наружной двери. Яркий галстук Холлиса развевался на студенном осеннем ветру, пока Краун не сел в свой автомобиль и не поехал в сторону гостиницы, где Тони назначил отцу свидание.

Оливер направился в бар отеля и стал ждать сына. Заказав виски, чтобы избавиться от привкуса директорского хереса во рту, он обдумывал слова Холлиса, его деликатные предостережения и оценки; Оливер отдавал должное такту педагога, ничем не выдавшего своего недоумения по поводу того, что в течение двух лет, проведенных мальчиком в школе, его мать ни разу там не появилась. Что ж, в этом и заключается долг учителя — показать тебе, каким видит твоего сына посторонние, и подготовить тебя к тому, что его ждет, когда он вырастет. Глядя в бокал с виски, Оливер понял, что директор считает Тони одиноким и нелюбимым, не имеющим склонности к регулярному труду, излишне насмешливым и ироничным по отношению к окружающим. Оливер потягивал спиртное, злясь на Холлиса, уверенного в собственной непогрешимости и пророческом даре. Такие люди, успокаивал себя Оливер, часто совершают ошибки. Поэтому-то, главным образом, они и становятся учителями. Когда он сам находился в возрасте Тони, его преподаватели предрекали ему блестящую карьеру. Он был высок, красив, раскован, без труда получал высшие отметки; заводила во всех играх, капитан команды, президент школьного клуба, он рано начал пользоваться успехом у девочек. Посмотрели бы они на меня сейчас, безжалостно подумал Оливер, ссутулившись над стойкой.

Мысли Крауна вернулись к Холлису. Чем питалась его уверенность в себе? Незначительностью, определенностью, достижимостью намеченной цели и ранней ее реализацией? Окружением, подобранным из числа безликих послушных неудачников, составляющих штат любой маленькой загородной школы? Властью над сотнями мальчишек, уходивших из его жизни, прежде чем они обретут силы дать директору серьезный отпор? Ему не суждено даже узнать, что они будут думать о нем, когда покинут

школу и станут взрослыми. Постоянным следованием привычному расписанию, едва меняющемуся от года к году, — столько-то часов на латынь, столько-то на занятия физкультурой, столько-то на заучивание прописных истин? Чти мать и отца своего, умеи узнавать причастный оборот, не пользуйся на экзаменах шпаргалками, готовься к поступлению в Гарвард. А также, наряду с этими банальными наставлениями и проповедями, присутствием молодой, хорошенькой, соблазнительной женушки с недурным приданым, постоянно видящей его в роли командира, ежедневно работающей с ним бок о бок, отчего их союз с каждым годом становится все более прочным, удобным и приятным. Может быть, в следующий раз, входя в этот радующий глаз кабинет и пожимая руку Холлиса, он пробормочет загадочно: «Помни Леонта...»

Все в порядке, Учитель? — подумал Оливер, удивляясь пошлости своих мыслей. Отправь-ка прекрасную половину на лето в горы.

Он собирался заказать еще один бокал виски, но заметил через открытую дверь бара входящего в гостиничный вестибюль Тони.

Тони не видел отца, и несколько секунд Оливер наблюдал за сыном, близоруко осматривающимся по сторонам. Он был в твидовом пиджаке с чересчур короткими рукавами; под мышкой Тони держал папку для рисунков. Оливеру показалось, что сын подрос за шесть недель, прошедших со времени последней встречи, он выглядел недокормленным, худым и замерзшим на холодном ноябрьском ветру. В отличие от большинства учеников, гулявших по территории школы, Тони носил длинные волосы; держался он нервно и настороженно. Он осунулся, голова его казалась несоразмерно большой, нос — слишком вытянутым. Оливеру сын напоминал какую-то странную птицу — пугливую и агрессивную одновременно, одинокую, встревоженную, раздумывающую, улететь ей или напасть на жертву.

Глядя на Тони, Оливер видел двойственную картину. Удлиненный нос, светлые волосы, крупные серые глаза Тони унаследовал от матери; широкий, слегка выпуклый лоб, большой, решительный рот достались ему от отца. Но они не составляли единого целого. Заметный вызов, подозрительность во взгляде не позволяли частям слиться воедино.

Наконец, мальчик заметил отца; он подошел к Оливеру, пожал ему руку, и вблизи разобщенность черт исчез-

ла, это снова был хорошо знакомый, серьезный, вежливый Тони.

Они уселись за столик, обсудили, что заказать. Оливер, как обычно, поинтересовался школьными делами, спросил, не нужно ли что-нибудь прислать; сын отвечал на его вопросы, и постепенно паузы в разговоре становились все более долгими и тягостными. Для нас обоих было бы лучше, если бы я не приезжал, решил Оливер. Но такая возможность, неизвестно почему, исключалась из рассмотрения.

Оливер отметил, как аккуратно, не роняя крошек, без лишних движений ест сын. Тони почти не поднимал головы, и лишь раз или два за ленч, когда Оливер ненадолго отводил глаза в сторону, а затем снова смотрел на сына, он ловил на себе задумчивый, изучающий взгляд, в котором не было ни злобы, ни любви. Тони опускал глаза и молча продолжал есть. Только за десертом Оливер внезапно понял, что его смуцало во внешности Тони с того момента, как они обменялись рукопожатиями. На верхней губе подростка появился густой белесый пушок, а на подбородке торчали отдельные пучки выющихся волос. Эта растительность придавала подростку неопрятный, запущенный вид щенка, искупавшегося в луже.

Оливер молча глядел на неровную нежную бородку Тони. Ну да, конечно, подумал он. Ему почти шестнадцать лет.

— Мистер Холлис сообщил мне, — сказал Оливер, — что собирается пригласить тебя на завтрашний праздничный обед к себе домой.

Тони кивнул без энтузиазма.

— Будет время, — сказал он, — приду.

— Он добрый человек, этот мистер Холлис, — с воодушевлением произнес Оливер, обрадовавшись найденной теме для разговора и не решаясь расспросить сына о делах, которые могут быть у Тони в День благодарения. — Он обратил на тебя внимание. По его мнению, ты одаренный карикатурист...

— Большую часть рисунков я сделал на его уроках, — сказал Тони, тщательно подчищая ложечкой мороженое. — Чтобы не заснуть.

— Какой предмет он ведет? — спросил Оливер, уходя от более детального обсуждения мистера Холлиса.

— Историю Европы. Помешан на Наполеоне. Его рост всего пять футов и четыре дюйма, поэтому Наполеон — его кумир.

Был ли я таким же безжалостным и наблюдательным в шестнадцать лет? — подумал Оливер.

— Я хотел бы взглянуть на твои работы, — сказал Краун, — если они у тебя с собой.

— Ерунда, — отрезал Тони, доедая мороженое. — Появись у нас в школе хоть один действительно талантливый художник, на мою мазию никто бы и смотреть не стал.

Чего у Тони не отнять, удрученно подумал Оливер, так это умения скомкать беседу. Он обвел глазами комнату, стараясь не глядеть на бородку сына, которая почему-то начала раздражать его. За соседними столиками тоже располагались родители с детьми. Наискосок от Оливера и Тони сидела красивая блондинка не старше тридцати пяти лет с золотыми браслетами на запястьях. Их звон разносился по всему залу. Она пришла с рослым, крепким юношей, несомненно, ее сыном; его открытое, счастливое лицо с прямым, как у матери, носом, свидетельствовало о здоровье. У сына были коротко остриженные волосы, правильной формы голова, могучая шея, плечи футболиста. Оливер отметил, как вежливо он держится с матерью, часто улыбается, внимательно слушает, подает ей масло и наливает воду, ласково касается ее кисти, лежащей на скатерти; их голоса сливались в спокойном дружеском разговоре. Реклама американской молодежи, подумал Оливер.

Краун отдавал себе отчет, какое впечатление производят на окружающих они оба — Тони с его но по моде длинными волосами, в очках, с тоненькой шеей, небритыми щеками и подбородком, он сам — скованный, смущенный, пытающийся, как ясно всему ресторану, разговаривать своего застенчивого и хмурого сына. Он посмотрел на блондинку, она заметила его и дружелюбно улыбнулась в знак родительской солидарности. Ее ровные зубы сверкали белизной, и, улыбаясь, она выглядела значительно моложе тридцати пяти лет. Оливер приветливо кивнул ей головой. Парень, глядя на мать, привстал и сдержанно, уважительно кивнул Оливеру. Краун ответил ему.

— Кто это? — с любопытством спросил Оливер.

Тони посмотрел в их сторону.

— Сандерс, — сказал он, — с матерью. Он трус, хоть и капитан хоккейной команды.

— Почему ты так говоришь?

У Оливера возникло желание возразить сыну, хотя он не знал точно, вызвано оно симпатией к юноше или к его матери.

— Я его знаю,— сказал Тони.— Он трус. Это всем известно. Правда, он у нас самый богатый.

— Да?

Оливер еще раз посмотрел на сидящую за столом пару, задержав взгляд на золотых браслетах.

— Чем занимается его отец?

— Гоняется за девицами из кордебалета,— сказал Тони.

— Тони!

— Это все знают.

Тони справился с мороженым.

— Его отец не такой уж богач. Сандерс сам делает деньги.

— Неужели?

Оливер вновь с интересом посмотрел на крупного красивого парня.

— Он ссужает деньгами под проценты,— пояснил Тони.— А еще у него есть последняя глава «Улисса», Сандерс дает ее на вечер за доллар. Он президент шестого класса.

Оливер замолчал. Он вспомнил, как читал шестилетнему сыну «Алису в стране чудес» и «Вот так сказки»¹. По главе за вечер. Принявший после ужина ванну, пахнувший мылом Тони сидел в халате на подлокотнике кресла; ноги его лежали на коленях отца; он рассматривал иллюстрации.

— О чем эта глава? — спросил Оливер, уверенный, что тут кроется какое-то недоразумение или что Тони хочет его поразить.

— Ну, про миссис Блум в постели, про тенора и солдата на Гибралтаре. Да, да. И все остальное.

— И ты читал?

— Конечно,— ответил Тони.— Удовольствие стоит доллара.

— Ну и школа,— сказал Оливер, впервые за время ленча не чувствуя напряженности, затруднявшей разговор с сыном.— Наверно, мне стоит сообщить об этом мистеру Холлису.

— Зачем? — пожал плечами Тони.— Эту главу все уже прочитали.

Оливер обескураженно посмотрел на сына, сидящего в двух футах от него — лохматого, с прыщиками и юно-

¹ Произведения Л. Кэррола, Дж. Джойса и Р. Киплинга.

шеским пушком на лице, с холодными оценивающими глазами, отдаленного, загадочного, недостижимого.

— Ну, — излишне громко сказал Оливер, — нам надо до отъезда сбрить эту твою дурацкую бороду.

Когда они поднялись, миссис Сандерс лучезарно улыбнулась, тренькнув золотыми браслетами. Сандерс — круглолицый, с бычьей шеей — улыбнулся с важностью молодого сенатора, привстал и учтиво-серьезно кивнул головой.

Они зашли в аптеку, где Оливер купил массивную позолоченную безопасную бритву, самую дорогую из лежавших на прилавке, и крем. Тони безучастно смотрел на него, не задавая вопросов; он стоял с нескладной папкой под мышкой и поглядывал на обложки журналов, разложенных возле фонтанчика с содовой. Затем они направились в комнату Тони по засохшей траве, холодная влага с которой впитывалась в тонкие подошвы городских туфель Оливера. Шедшие им навстречу отцы приподнимали шляпы в знак приветствия, Оливер отвечал им тем же жестом, но он заметил, что сын здоровается с товарищами сухо, небрежно. Господи, подумал Оливер, идя вслед за Тони по узкой лестнице общежития, что я здесь вижу?

Тони жил в отдельной, плохо освещенной комнате с зеленоватыми стенами, одним окном, узкой кроватью, маленьким столом и старым шкафом. Порядок в спальне поддерживался идеальный. На столе лежала открытая деревянная коробка с пачкой бумаги, между двумя гранитными книгодержателями стояли книги. На тщательно заправленной постели не было ни единой складки, всю одежду Тони держал только в шкафу. Мне стоит прислать сюда Люси, невольно подумал Оливер, чтобы она приучилась к порядку.

Над кроватью висела громадная карта мира с воткнутыми в нее цветными булавками. На веревке, закрепленной на потолке, висел пожелтевший человеческий скелет. На столе лежал телескоп.

Оливер впервые оказался в комнате Тони, и скелет произвел на него впечатление. Краун сказал себе, что скелет, вероятно, свидетельствует о похвальной целеустремленности сына, готовящегося к изучению медицины.

— Я думал, здесь все живут по двое, — сказал он, разворачивая бритву и вставляя в нее лезвие.

— По идее, да.

Тони стоял в центре комнаты и задумчиво разглядывал карту.

— У меня был сосед, но он не вытерпел моего кашля.

— Твоего кашля? — удивился Оливер. — Я не знал, что у тебя больное горло.

— Горло у меня здоровое, — усмехнулся Тони. — Сосед надоел, захотелось остаться одному. Я стал просыпаться каждую ночь и кашлять по часу. Он продержался чуть больше месяца.

Бедный Холлис, в отчаянии подумал Оливер, трудно же ему достаются деньги, которые я плачу за сына.

— Сними рубашку, если не хочешь ее замочить, — сказал он, открывая тубик с кремом для бритья.

Не отводя глаз от карты, Тони начал медленно расстегивать пуговицы. Оливер тоже присмотрелся к ней внимательнее. Булавки были воткнуты в Париж, Сингапур, а также Иерусалим, Ассизи, Константинополь, Калькутту, Авиньон, Бейрут.

— Что они означают? — поинтересовался Оливер.

— После медицинского колледжа я собираюсь прожить в каждом из этих городов по три месяца, — равнодушно сообщил Тони. — Хочу лет десять поработать судовым врачом.

Тони снял рубашку, подошел к шкафу, задел скелет, и он закачался, издавая ударяющимися друг о друга костями неприятный сухой перестук. Тони аккуратно повесил рубашку на крючок и закрыл дверцу.

Судовой врач, подумал Оливер. Ну и амбиции. Он перевел взгляд с сына на карту. Париж, Калькутта, Бейрут. Расстояния немалые.

— А где ты раздобыл скелет? — спросил Оливер.

— Купил в ломбарде на Восьмой авеню, — сказал Тони. — В Нью-Йорке.

— Неужели вас отпускают одних в Нью-Йорк? — удивился Оливер, начиная сознавать, что он не в силах угнаться за сыном, идет ли речь о планах или реальных поездках.

— Нет, — сказал Тони, рассеянно трогая скелет. — Я говорю им, что уезжаю на уикэнд домой.

— А, — беспомощно вымолвил Оливер, — понятно.

На мгновение перед его глазами возникли жена и сын — чужие ему, не знакомые между собой, они стояли на противоположных сторонах улицы, дожидаясь зеленого света, чтобы через минуту пройти рядом по переходу, не коснувшись друг друга. Он с неприязнью посмотрел на раздетого до пояса Тони.

— Сколько он стоит? — спросил Оливер.

— Восемьдесят долларов.

— Сколько?

Оливеру не удалось скрыть своего удивления.

— Откуда у тебя такие деньги?

— Выиграл в бридж,— спокойно ответил Тони.— Мы регулярно играем. Я выхожу победителем три раза из четырех.

— Мистер Холлис об этом знает?

Тони презрительно рассмеялся.

— Он ничего не знает.

Тони поднял руку и коснулся черепа скелета.

— Затылочная кость,— сказал он.— Я выучил названия всех костей.

В других обстоятельствах любой отец, подумал Оливер, похвалил бы сына за предприимчивость. Но вид обнаженного юношеского торса, находящегося рядом с пожелтевшим скелетом из ломбарда, внезапно показался Оливеру непереносимым.

— Подойди сюда,— сказал он, направившись к раковине, установленной в углу комнаты,— давай закапчивать. Мне надо к шести часам поспеть в Нью-Йорк.

Тони с нежностью шлепнул напоследок скелет, отчего тот снова зацелкал костями. Затем подросток послушно приблизился к крану и остановился возле отца.

— Сначала умой лицо,— сказал Оливер.

Тони снял очки, пустил воду и старательно умыл лицо. Он вытер руки и повернулся к Оливеру; пушок на его щеках и подбородке потемнел от воды.

Оливер размазал крем для бритья по нежной юношеской коже. Тони стоял неподвижно. Как старая сытая лошадь, которую подковывают, подумал Оливер.

Оливер начал потихоньку, неуверенно водить бритвой. Он никогда никого не брил, это было гораздо труднее, чем бриться самому. Он вспомнил день, когда его отец впервые побрил его. Оливеру тогда исполнилось четырнадцать лет, они жили в просторном доме на берегу океана в Уотч-Хилл, отец приехал туда на выходные и несколько часов недовольно поглядывал на сына — точно так, как смотрел Оливер на Тони во время ленча. В конце концов отец Оливера рассмеялся, взъерошил волосы сына и потащил его в старинную ванную, отделанную красным деревом; он закричал на весь дом, предлагая домочадцам быть зрителями.

Старший брат Оливера находился в отъезде, по его мать и две сестры, двенадцати и десяти лет, немного

обеспокоенные непривычной громогласностью отца, появились в дверях ванной, где стоял раздетый до пояса смущенно улыбающийся Оливер, пока глава семьи правил опасную бритву с ручкой из слоновой кости.

Снимая узкие полоски пены с лица сына, Оливер удивительно явственно вспомнил приятный, ритмичный звук, который издавала бритва в руках отца тем летом 1912-го года, когда он правил лезвие о полоску кожи, висящую возле мраморной ванны. Он едва не ощутил терпкий аромат мыльной пены, прикосновение помазка, тонкую таинственную смесь запахов отцовского лавровишневого лосьона и маминой лавандовой воды, стоявших в ванной комнате. Он вспомнил, как стягивала кожу на плечах морская соль после утреннего купания, увидел мать в голубом платье из органди, серьезных босоногих сестер, застывших у двери.

— Подходите, подходите, — говорил отец. — Будете свидетелями появления в доме еще одного мужчины.

Мать и сестры стояли у порога, пока отец точил бритву, но когда он несколько раз провел по ней пальцем, мать похлопала дочерей по плечам и сказала:

— Нам здесь, девочки, делать нечего. Это дело мужское.

Она улыбнулась странной улыбкой, какой раньше Оливер не замечал на ее лице, и решительно увела за собой дочерей, прежде чем отец поднес лезвие к его щеке. Отец молча обождал, пока за ними не закрылась дверь. Затем он усмехнулся и, придерживая сына за подбородок, стал брить его быстрыми точными движениями. Оливер помнил полные любви и грусти прикосновения отцовских пальцев, сильных и нежных одновременно.

Теперь, когда его собственная рука лежала на подбородке сына, он сознавал, что его движениям недостает уверенности, которая чувствовалась в движениях отца во время аналогичной церемонии; Оливера огорчало то, что совершаемому ритуалу не доставало теплоты и радости. Впервые за много лет он вспомнил ушедшие лета, полувабытых приятелей, Крауна-старшего — давно умершего, сильного, с крепкими пальцами; ему пришло в голову, что когда Тони достигнет зрелости и мысленно вернется к этому полукомичному, полуторжественному событию, случившемуся в неуютной прибранной спальне со скелетом и картой, на которой сын обозначил пункты бегства, он будет вправе предъявить отцу счет.

Оливер был уверен, что эти мысли никак не отражались на его лице, пока он снимал белые полоски крема со щек и подбородка сына. Наконец, срезав пушок с верхней губы, отступил на шаг назад.

— Вот и все,— сказал он.— Теперь сполосни физиономию.

Тони согнулся над раковиной, набирая воду в пригориши и энергично плеская ее на лицо. Оливер смотрел на согнутую обнаженную спину сына, худощавую, но все же с развитой мускулатурой, которую скрывал широкий в плечах пиджак. Оливер вдруг заметил, что кожа у сына такая же, как у Люси,— нежная, гладкая, бело-розовая.

Тони выпрямился, вытер лицо и поглядел на себя в зеркало, висящее над краном. Он провел рукой по непривычно гладким щекам. Оливер, стоя за мальчиком, увидел в зеркале его крупные темные умные глаза. Без очков они необыкновенно напоминали глаза матери. Изучая чисто выбритое лицо сына, Оливер подумал, что с годами Тони превратится в исключительно красивого молодого человека.

Словно угадав мысли отца, Тони улыбнулся Оливеру.

— Теперь мы их всех,— смущенно и самодовольно сказал Тони,— сразим наповал.

Они оба рассмеялись. И Оливер понял, что не сможет оставить Тони на праздник у Холлисов наедине с оплаченным радушием директорского гостеприимства, печальными предсказаниями, скорбными пророчествами относительно будущего юного Крауна, которыми учитель, несомненно, поделился со своей хорошенькой женой, в обществе заброшенных ровесников, чьи родители уехали в Индию или разошлись.

— Собирай чемодан, Тони,— внезапно сказал Оливер.— Поедем домой.

Секунду Тони стоял не двигаясь, изучая отражение отцовского лица. Затем, не улыбувшись, он кивнул головой, надел рубашку и деловито сложил вещи.

Уже возле Нью-Йорка Тони спросил:

— Как мама?

— У нее все в порядке,— сказал Оливер.

За эти два года они впервые говорили о Люси.

Люси прибыла в бар отеля «Пепсилвания» за пять минут до шести часов. Придерживаясь молчаливого соглашения, которое Люси заключила сама с собой, она теперь не опаздывала и не заставляла Оливера ждать, когда они

куда-то выезжали или встречались. Бар был полон мужчин, спешивших пропустить по рюмке перед отходом поезда, следующего в Нью-Джерси или на Лонг-Айленд; объявление на стене предупреждало о том, что дамы, пришедшие без кавалеров, у стойки не обслуживаются. Она выбрала столик в углу и заказала виски.

В ожидании мужа Люси без стеснения поглядывала на толпящихся возле стойки посетителей, она не отводила глаз, когда кто-то смотрел на нее. Бледные, утомленные люди пили с жадностью, надеясь в спиртном обрести силы, необходимые, чтобы добраться до дому и скоротать вечер. Только что принявшая душ, в свежем белье, празднично настроенная Люси испытывала жалость и презрение к буднично одетым посетителям в потерявших свежесть сорочках. Она предвкушала удовольствие от обеда с Оливером в их любимом итальянском ресторане, расположенном неподалеку. А потом — ночь в поезде. Она обожала купейный уют, перестук колес. Оливер был приятным спутником, заботливым и гораздо более разговорчивым и веселым во время их путешествий, чем дома.

Она увидела Оливера, идущего к ней через заполненный зал. Она улыбнулась и помахала ему рукой. Он не ответил на ее улыбку. Остановившись, он обождал, пока кто-то шедший за ним следом не догонит его. Оливер и Тони застыли в тридцати футах от Люси между двумя соседними столиками.

Люси на мгновение зажмурилась, потом тряхнула головой. Не может быть, подумала она. Появившаяся пара приблизилась к ее столику, и Люси инстинктивно встала. Лучшего места для нашего свидания, чем этот бар, не найти, подумала она.

Они застыли перед Люси, молча глядя друг на друга.

— Здравствуй, мама,— произнес Тони, и Люси едва узнала изменившийся голос сына.

— Здравствуй, Тони,— ответила она.

Люси переводила взгляд с сына на мужа и обратно. Тони держался настороженно, но без смущения. Оливер посмотрел на Люси пристально, предостерегающе, с застенчивой угрозой.

Она тихо вздохнула, вышла из-за столика, обняла Тони и поцеловала его. Он замер, держа руки по швам и подставив щеку.

Неужели этот высокий юноша — мой сын? — подумала Люси, перехватывая взгляды людей, оказавшихся свидетелями семейной сцены.

— Мы не едем на юг,— сказал Оливер.— Проведем выходные дома.

Она осознала, что это не было просто утверждением. Фраза Оливера содержала в себе просьбу, вопрос, предупреждение, констатацию перемены.

Люси колебалась недолго.

— Конечно,— согласилась она.

— Обождите меня здесь,— сказал Оливер.— Я сдам билеты и мигом вернусь.

— Нет,— возразила Люси, напуганная перспективой остаться наедине с Тони.— Тут ужасно шумно и накурено. Мы пойдем все вместе.

Оливер кивнул головой.

— Как хочешь.

На вокзале она стояла возле Оливера у окошечка кассы, пока он объяснялся с человеком, продающим билеты. Она болтала без умолку, отдавая себе отчет в том, что голос ее звучит громко и слишком оживленно.

— Ну, это все меняет, правда? У меня грандиозные планы. Прежде всего надо запастись едой на праздники. Знаете, как мы поступим... давайте заглянем в прекрасный итальянский магазин на Восьмой авеню, а то завтра лавки будут закрыты, возьмем индейку, клюквенный соус, сладкий картофель и каштаны...

— Помилуйте,— обратился Оливер к человеку, сидящему за окошечком,— до отхода поезда еще более четырех часов. Покупка билета — это не пожизненный контракт.

Кассир, что-то промямлив, заявил, что ему необходимо посоветоваться с начальством; он подошел к сидящему за столом администратору, который рассеянно поглядывал на Оливера через стекло.

Тони молча слушал мать, глядя на прохожих.

— А еще мы зайдем в кондитерскую,— возбужденно продолжала Люси,— купим тыквенный пирог, хлеб для бутербродов на завтрашний вечер. А сегодня, знаешь, Оливер, что нам стоит предпринять...

Она замолчала, ожидая реплики Оливера, но он был поглощен переговорами и ничего ей не ответил.

— Давайте пообедаем у Луиджи. Ты как относишься к итальянской кухне, Тони?

Тони посмотрел на мать. Двух лет хватило, чтобы забыть вкусы, привычки, взаимную неприязнь.

— Нормально,— медленнее, чем обычно, произнес Тони, словно подавая пример матери, которая тараторила слишком быстро и громко.

— Прекрасно! — с излишним энтузиазмом заявила Люси. — Это наш с папой любимый ресторан, — сказала она, даря его Тони и рисуя картину семейной гармонии, дружбы, общности вкусов.

— А потом, Оливер, знаешь, куда мы поведем Тони?

— Сколько можно ждать, — сказал Оливер служащему, вернувшемуся на свое место и отсчитывающему деньги за билет.

— Мы все вместе отправимся смотреть спектакль, — заявила Люси. — Любишь театр, Тони?

— Да, — ответил Тони.

— Ты часто там бываешь?

— Иногда.

— Возможно, нам удастся попасть на музыкальную комедию, — сказала Люси. — Как полагаешь, Оливер?

Оливер отвернулся от окошечка, что-то недовольно буркнув напоследок.

— Что, что? — переспросил он жену.

— Я говорю, — торопливо произнесла Люси, пытаясь непрерывным потоком слов снять напряженность, — что мы можем пойти с Тони на музыкальную комедию. Раз уж в этот предпраздничный вечер мы оказались вместе...

— Ты как, Тони? — спросил Оливер. — Хочешь в театр?

— Да, спасибо, — сказал Тони. — Но если вам все равно, лучше не на музыкальную комедию. Я слышал об одной пьесе... «Раскаты грома». Хотелось бы ее посмотреть, если будут билеты.

— «Раскаты грома», — повторила Люси, нахмурив брови. — Я слышала, она ужасно печальная.

— Нет смысла тратить время на музыкальную комедию, — твердо сказал Тони. — Если бы я жил в Нью-Йорке и часто бывал на спектаклях, тогда другое дело.

— Оливер, — с сомнением в голосе сказала Люси.

Она опасалась воздействия, которое могла оказать эта тяжелая вещь на всех троих, боялась момента, когда они, лишённые веры друг в друга, взволнованные мрачной постановкой, выйдут из театра. Легкая, непритязательная музыкальная комедия, наоборот, разрядила бы обстановку.

— Сегодня день Тони, — сказал Оливер, направляясь с Люси и сыном к выходу с вокзала. — Прежде всего зайдём в гостиницу и справимся насчет билетов.

Люси умолкла, шагая между мужем и Тони. Он снова принимает за всех решения, с раздражением подумала она.

Она таскала их за собой от прилавка к прилавку, с экстравагантной, почти истерической щедростью нагружая покупками Оливера и Тони, болтая без умолку, забыв о предложенном на завтра меню; ее взгляд метался от висящих рядами индеек к пирамидам из апельсинов, яблок, мандаринов, грейпфрутов, от гор из южно-американских дынь и ананасов к контейнерам с картофелем и каштанами. Спихватившись, что уже поздно, они бросали продукты в багажник автомобиля и поехали в ресторан, где Люси много пила, не соображая, что делает. Ужин пришлось скомкать, чтобы успеть в театр. Покупая продукты, постоянно что-то болтая, нервно поглощая еду и спиртное, Люси надеялась выиграть время. Пораженная внезапным появлением Тони, она не сразу поняла, поставит ли оно под угрозу ее благополучие, или, напротив, будет способствовать ему; слишком возбужденная, чтобы воспринимать сигналы, исходящие от Оливера и Тони, она бессознательно стремилась уйти от необходимости что-то решать в первые часы, стараясь не дать шанса сделать это своим спутникам.

В театре она не следила за пьесой, лишь временами прислушивалась к словам, произносимым актерами. В антракте Люси отказалась подняться, сославшись на усталость, и проспидела неподвижно четверть часа, пока Оливер с Тони ходили на улицу выпить кока-колу. Весь долгий обратный путь она дремала на заднем сиденье, не пытаясь разобраться, о чем беседуют в темноте Оливер и Тони. Поднимаясь по ступенькам дома, она споткнулась и заявила, что не в силах больше оставаться на ногах. Она торопливо и равнодушно поцеловала Тони, словно и не было этих двух лет разлуки, и предоставила мужу укладывать сына в комнате для гостей.

Люси знала, что это похоже на поражение, что Оливер, во всяком случае, а вероятно, и Тони, так же понимают смысл происходящего, но она слишком устала, чтобы волноваться по такому поводу. Забравшись в постель и погасив свет, она испытала смутное ощущение торжества. Я продержалась, подумала она, до ночи. Завтра я соберусь с силами и снова стану хозяйкой положения.

Засыпая, она слышала за дверью тихий, дружеский, доверительный разговор мужа с сыном; потом Оливер и Тони прошли через холл в дальнюю комнату. Как громко они топают, подумала Люси. И Оливер, и Тони.

Интересно, придет ли сегодня Оливер к пей в спальню.

И если придет, ради кого он это сделает? Ради себя? Ради нее? Ради Тони?

Она уже спала, когда в темную комнату вошел Оливер. Он тихо разделся и лег под одеяло, не разбудив жену.

Обычно Люси вставала рано, но в это утро она проснулась в одиннадцатом часу с тяжелой головой. Она неторопливо умылась и причесала волосы, с большей, чем обычно, тщательностью, оделась. Что бы он обо мне ни думал, со злостью решила Люси, по крайней мере, он не сможет отказать мне в привлекательности.

В залитом утренним солнечным светом доме было тихо. Уверенная в том, что Оливер и Тони находятся внизу, в гостиной или столовой, она спустилась по лестнице и обнаружила, что они ушли, оставив в сушилке возле раковины пару вымытых приборов. На столе лежала записка; узнав почерк Оливера, Люси не сразу взяла ее в руки, испугавшись, что там содержится известие об их отъезде. Но прочитав записку, Люси узнала, что они не захотели будить ее и позавтракали сами, а потом, воспользовавшись прекрасной погодой, пошли смотреть футбольный матч, который начинался в одиннадцать часов. Твердым убористым почерком муж писал, что они придут есть праздничную индейку в половине второго. Текст заканчивался словами: «Твой любящий Оливер».

Обрадовавшись новой отсрочке, она занялась приготовлением пищи. Выпотрошила индейку, поджарила и очистила каштаны; Люси двигалась по кухне быстро, автоматически, радуясь тому, что служанка отпущена на выходные и можно все сделать самостоятельно. Раскрасневшаяся от работы и пышущей духовки, она лишь изредка вспоминала о Тони. Все выглядело так естественно — по всей стране сыновья, вернувшиеся на праздники домой, смотрели сейчас с отцами футбол, пока мать готовила традиционную индейку. И то, что Тони не проявлял вчера вечером бурной любви к матери, не удивляло ее. Враждебным поведение сына тоже нельзя было назвать. Его отношение казалось нейтральным. Точнее, даже не лишенным некоторой теплоты, поправила себя Люси, потроша птицу и напевая себе под нос. Два года — большой срок, особенно для подростка. Многого забывается за это время или, во всяком случае, теряет яркость и значимость, рассуждала она. Люси подумала о том, что не может с четкостью вспомнить события двухлетней давности, они,

похоже, потеряли способность причинить ей боль. Теперь Люси казалось странным, что тогда они все придали им такое значение.

Расстелив белоснежную скатерть и поставив бокалы, она пожалела, что они никого не пригласили. Хорошо было бы принять у себя какую-нибудь семью, где есть сверстники Тони.

Она представила себе, как выглядел бы стол, на одном конце которого сидели бы родители, а на другом — пять-шесть опрятных, одетых в свои лучшие костюмы мальчиков, а также девочек, пребывающих в том очаровательном возрасте, когда они еще не стали взрослыми женщинами, но уже простились с детством.

На рождество, решила Люси, я устрою большой прием. Глядя на праздничный стол и думая о рождестве, Люси почувствовала себя такой счастливой, какой она, кажется, не была много лет.

Она посмотрела на часы и отправилась в наполненную аппетитными запахами кухню, чтобы еще раз все проверить и попробовать. Затем Люси поднялась наверх и долго выбирала наряд; она хотела понравиться Тони. Она остановилась на нежно-голубом платье, расширяющемся книзу, со стоячим воротничком и длинными рукавами. Сегодня, подумала она, Тони, вероятно, будет приятно видеть меня одетой по-матерински скромно.

Оливер и Тони появились, когда на часах было без четверти два, их возбужденные зрелищем лица порозовели на ноябрьском ветру. Люси ждала их в гостиной, гордая тем, что хорошо подготовилась к приходу мужа и сына; получив дополнительные пятнадцать минут, она смогла встретить их беззаботно сидящей в чисто убранной, радующей глаз комнате.

Она услышала, как они вошли в прихожую, из которой донесся приятный мужской говор, и когда Оливер с Тони показались в гостиной, она улыбнулась им, отмечая, что хотя сын, несомненно, похож на отца, все же своим широким лбом, крупными серыми глазами, мягкими светлыми волосами он поразительно напоминает мать.

— Аромат изумительный, — сказал Оливер.

Оливер явно получал удовольствие от зрелища, он улыбался, полный энергии; вчерашняя нервозность и мрачная настороженность исчезли. Он лишь мельком посмотрел на жену, но Люси почувствовала, что он ею доволен. Если это только спектакль, говорил его взгляд, то он хорошо поставлен.

— Мы встретили на стадионе Фреда Коллинза с дочерью, — сказал Оливер. — Я пригласил его к нам. Они придут с минуты на минуту. У нас есть лед?

Он проверил посеребренное ведерко, стоящее на буфете, который они использовали как бар.

— Да, — ответила Люси, радуясь тому, что сегодня она ничего не забыла. Она улыбнулась им обоим; отец и сын, почти одного роста, принесли с собой в гостиную свежесть ноябрьского утра. Тони, похоже, вполне освоился в новой обстановке, казалось, что он живет здесь давно и знает каждый уголок.

— Игра понравилась? — спросила Люси.

— Матч был превосходный, — сказал Тони. — За команду колледжа играл один защитник, он далеко пойдет, если ему шю не свернут.

— Ты любишь смотреть футбол? — спросила Люси.

— Ага, — ответил Тони. — Если только от тебя не требуют «болеть» по команде черлидера.

Оливер бросил испытующий взгляд на сына, и Люси решила, что ей не стоит расспрашивать Тони о его вкусах. Ответы сына не нравились ей, они настораживали Люси. Она поднялась, прошла к бару и стала вынимать бокалы, стоя спиной к Оливеру и Тони. Услышав звонок, она испытала облегчение; Оливер направился в прихожую, чтобы встретить Фреда Коллинза с дочерью.

У двери зазвучал раскатистый бас — Фред Коллинз не щадил глотки. Уроженец Орегона, он, видно, полагал, что громкий голос — свидетельство прямоты и искренности коренных западников. Крупный человек со стальным рукопожатием, он носил широкополые фетровые шляпы в техасском стиле, любил выпить, обожал покер и вечно уговаривал Оливера поехать на охоту. Пару раз в году он заявлял, что открыл боксера, который заставит всех позабыть Джо Луиса, а однажды потащил Оливера за собой в Кливленд, где какой-то пуэрториканец нокаутировал его фаворита в третьем раунде. Люси считала Коллинза добрым и благородным, хотя не имела случая удостовериться в этих его достоинствах; она была признательна ему за то, что он частенько освобождал ее от Оливера, увозя его на охоту или соревнования по боксу, проходившие в других городах.

Свою хорошенькую, хотя и заметно постаревшую жену он называл «моя милашка» и в обращении с ней проявлял неуклюжую галантность медведя из зоопарка. Его дочери Бетти исполнилось пятнадцать лет. Минпа-

тюрная, с персиковой кожей, уверенная в себе, наделенная холодным кокетством, она, как отмечала про себя Люси, с каждым днем казалась все более порочной. Даже стойкий Оливер признавал, что ему становится не по себе, когда в комнату входит Бетти Коллинз.

— Уверяю тебя, Олли,— говорил Коллинз, и его голос доносился до гостиной,— этот парень — сущая находка. Видел, как он обвел целую ораву? У него божий дар.

С осени Коллинз, в дополнение к боксерам, которые заставят всех позабыть о Джо Луисе, увлекся поисками футболистов, обещающих затмить Реда Грейнджа.

— Я собираюсь написать в Орегон моему старому тренеру, расскажу ему об этом мальчике, а может, уговорю его пригласить парня туда. Он там всех покорит.

Коллинз окончил колледж более двадцати лет тому назад и последние десять лет туда не навещивался, но оставался неизменно преданным своей альма матер. Фред также хранил верность Американскому Легиону¹, членом которого он состоял, несколькими тайными обществами и комитету республиканской партии штата Нью-Джерси, в последнее время сдавшей позиции под натиском клана Рузвельта.

— Согласен со мной, Олли? — громко произнес за стеной Коллинз. — В Орегоне из него сделают звезду, верно?

— Ты совершенно прав,— тихо сказал Оливер, идя по коридору.

Коллинз был единственным человеком, называвшим Крауна Олли. Люси, слыша это имя, каждый раз морщилась, но Оливер, похоже, не замечал фамильярности Фреда.

Оливер и Фред вошли в комнату, пропустив Бетти вперед. Девочка, улыбувшись Люси, поздоровалась с ней своим голосом, безотказно действовавшим на мужчин.

Коллинз театрально застыл возле двери.

— Боже праведный,— взревел он, раскинув руки, словно борец, который собирается схватить противника. — Что я вижу! Тут есть чем восхититься! Олли, будь и верующим, немедленно отправился бы в церковь благодарить господу за то, что он создал твою жену такой красавицей.

Он направился к Люси, игриво покачивая головой.

— Ну просто невозможно устоять, мадам,— прогремел Фред, обнимая Люси. — Вы хорошеете с каждым днем.

¹ Организация, созданная в 1919 году в США и объединяющая ветеранов войны.

Сынок,— обратился он к Тони, который стоял у порога и внимательно наблюдал за сценой,— с твоего позволения по случаю праздника я поцелую твою маму — самую прелестную женщину по эту сторону от Миссисипи.

Не дожидаясь разрешения Тони, Коллинз еще крепче, чем прежде, по-борцовски обхватил Люси и чмокнул ее в обе щеки. Едва не раздавленная его объятиями, Люси смущенно засмеялась, не пытаясь оказать сопротивление; впустив Коллинза в дом, приходилось мириться с его мужицкой галантностью. Она взглянула поверх плеча Коллинза на сына. Тони не смотрел на мать, он следил за отцом.

Люси не видела Оливера; Коллинз еще раз прижал ее к своей могучей груди и с самыми искренними чувствами закричал: «Венера! Венера!» Затем, широко улыбаясь и хитровато склонив голову набок, он произнес громким шепотом:

— Крошечка, мой автомобиль у двери. Одно твое слово, и мы умчимся вместе. Берегись, Оливер. В присутствии Люси моя кровь закипает.

Он расхохотался и отпустил ее.

— Ну, хватит, Фред,— сказала Люси, чувствуя, как бесполезно звучат ее слова после его рева и поцелуев.

Она еще раз бросила взгляд на Тони, но его холодные глаза были прикованы к отцу.

Оливер, похоже, не придавал значения происходящему. Последний год он часто виделся с Коллинзом и привык к его манере держать себя — так люди, живущие возле водопада, перестают слышать грохот падающей воды.

Коллинз плюхнулся на диван, притянув к себе дочь.

— О, как здесь мягко,— сказал он.— Не то что на скамейке стадиона, где и зад недолго отсидеть.

Фред одобрительно посмотрел на Тони.

— Симпатичный у тебя парень, Люси. Только уж больно тощий, но такой уж возраст. В его годы, не поверишь, я весил только сто тридцать пять фунтов, с мокрыми штанами.

Он рассмеялся, будто сказал что-то весьма остроумное.

— Правда, милая, мы просто счастливы, что нам удалось, наконец, познакомиться с молодым Крауном?

Он с нежностью заглянул в глаза дочери.

Бетти, взмахнув ресницами, оценивающе посмотрела на Тони.

— Да, папа,— сказала она.

— Да, папа,— вибрирующим фальцетом повторил Кол-

линз.— О, эти два простых слова таят в себе бедную. Да, папа.

Он повернулся и поцеловал дочь в щеку, словно разглядел в ней что-то новое.

— Бойся ее, сынок,— сказал он.— Она на тебя глаза положила, меня не проведешь. Считаю, тебе крупно повезло. Все старшекласники ее школы, не раздумывая, пожертвовали бы многим ради этого «Да, папа».

— Ну, папа, перестань,— сказала Бетти, укоряюще хлопывая отца по руке.

— Когда мы пробирались сегодня утром на наши места,— сияя, произнес Коллинз,— стоп возжеления пронесся над трибуной, точно ураган над пшеничным полем.

Он горделиво рассмеялся.

Оливер, стоя у камина рядом с Тони, тоже рассмеялся. Тони удивленно и сурово посмотрел на отца.

— Послушай, Бетти,— сказал Коллинз,— ты идешь сегодня вечером на танцы?

— Да,— ответила девочка.

— Почему бы тебе не прихватить с собой Тони? — сказал Коллинз.— Если он хоть вполовину такой же настоящий мужчина, как его отец, бьюсь об заклад, ты не пожалеешь.

Люси нервно посмотрела на Тони. Он с любопытством уставился на Коллинза, словно пытаясь определить место этого диковинного животного среди других зверей.

— Я бы рада,— сказала Бетти и, пуская в ход артиллерию средней дальности, улыбнулась Тони.— Честное слово. Но я обещала Крису...

— Крис, Крис! — раздраженно махнул рукой Коллинз.— Зачем он тебе? Мы не можем допустить, чтобы Тони весь праздник торчал со стариками. Возьми их обоих.

— Конечно, я охотно сделаю это,— сказала Бетти, и Люси поняла, что сейчас девочка вычисляет эффект, который она произведет, появившись сразу с двумя кавалерами.— Если Тони хочет...

— Конечно, хочет,— сказал Коллинз.— Заходи к нам в девять часов, сынок, и...

— Извините, сэр,— перебил его Тони.— Сегодня вечером я занят.

Он произнес это спокойно, вежливо, равнодушно, но его слова прозвучали решительным отпором болтливому Коллинзу, извергающему неистовый поток звуков, и его кокетливой самодовольной дочери. В твердом голосе Тони не было ничего мальчишеского, он сухо, по-взрослому

беспощадно поставил их обоих на место. И Бетти это оценила. Уязвленная, она задумчиво, с интересом посмотрела на Тони, на мгновение сбросив маску. Затем она быстро опустила глаза.

И где он успел этому научиться, поразились Люси. Откуда у него такая уверенность в себе? И увидев гостя глазами Тони, она с горечью осознала, что год назад Оливер не пригласил бы в свой дом ни Коллинза, ни его дочь.

От Коллинза тоже не укрылся настрой Тони. Он прищурился и посмотрел на мальчика, чувствуя его враждебность. В комнате воцарилось напряженное молчание. Только Тони, как заметила Люси, не испытал смущения. Коллинз ободряюще похлопал дочь по руке.

— Что ж,— сказал он,— ты упускаешь свой шанс, сынок.

Коллинз повернулся к Оливеру.

— Ты собирался угостить нас чем-то, Олли.

— Да, извини,— сказал Оливер.— Что будем пить?

— Мартини,— ответил Коллинз.— Самая подходящая вещь для Дня благодарения.

Оливер бросил лед в шейкер и открыл бутылку джина. Они с преувеличенным интересом следили за его движениями, пытаясь игнорировать пропасть, которую создал между ними Тони.

— Нет, нет, нет! — воскликнул Коллинз, вскочив с дивана.— Ты, дружище, перестарался с вермутом.

Он подошел к бару и взял шейкер из рук Оливера.

— Ты погубишь праздник, Олли! Позволь уж мне, старому специалисту по мартини.

— Пожалуйста.

Оливер отдал ему бутылку с джином.

— Мы обычно пьем виски, и я...

— Секрет тут в запястье, дружище,— сказал Коллинз, сосредоточенно доливая джин.— Мне раскрыл его один старый индеец...

— Позвольте мне,— вмешался Тони.

Он встал между мужчинами и отобрал шейкер у гостя.

Коллинз застыл с открытым ртом, руки его остались в том же положении, словно он по-прежнему держит металлический стакан.

— В этом доме, мистер Коллинз,— сказал Тони,— есть свои специалисты по мартини.

Тони невозмутимо смешал джин с вермутом и начал трясти шейкер, осуждающе поглядев на отца.

— Конечно, конечно,— согласился Коллинз.

Он пожал плечами, желая еще что-то добавить, но не находя слов. Отстраненный от приготовления коктейля, он вернулся к дивану и сел на него.

Тони, взбалтывая напиток, не замечая Коллинза, пристально и презрительно смотрел на отца. Оливер на мгновение смущенно встретился взглядом с сыном и тотчас отверг глаза в сторону.

— Да,— произнес он громче, чем требовалось,— вот что значит отдать сына в хорошую школу. Его научат там готовить мартини.

Он натянуто засмеялся, и Люси почувствовала, что больше не в силах оставаться в гостиной. Она вскочила с кресла.

— Извините меня,— сказала она,— пойду проверю, не подгорел ли обед.

Она удалилась на кухню, плотно прикрыв за собой дверь, чтобы не слышать их разговора. Люси работала рассеянно, бестолково, мечтая о том, чтобы поскорее закончился этот день, уикэнд, год... Господи, подумала она, опять несчастный случай! И нужно же было им встретить Коллинзов. Если бы шел дождь, они остались бы дома. Зачем Оливер пригласил их? Почему я позволила Коллинзу поцеловать меня? Почему Оливер разрешает ему называть себя Олли?

Она выложила индейку и сладкий картофель на блюдо, налила в соусницу клюквенную подливку. Затем Люси присела у окна и уставилась на небо, постепенно затягивающееся облаками. Она беспомощно сложила руки на коленях и стала ждать; вскоре голоса в комнате смолкли, и через несколько минут со двора донесся шум отъезжающего автомобиля Коллинза.

Люси отнесла индейку в столовую, улыбаясь, будто ничего не случилось, и повторяя: «Обед, обед», но она знала, что праздник испорчен.

Тони за столом почти не разговаривал, зато Оливер был излишне болтлив, он выпил почти целую бутылку вина, долго и путано рассуждал с набитым ртом о политике, налогах и вероятности начала войны.

По завершении обеда Оливер заявил, что он обещал заглянуть к Фреду на рюмку бренди. Он спросил Люси и Тони, не хотят ли они составить ему компанию, и, похоже, испытал облегчение, когда Тони ответил: «Нет», а Люси сказала, что она устала и собирается вздремнуть.

Оливер, напевая мелодию марша, который школьный оркестр исполнял в перерыве между таймами, вышел из

дома. Люси, сидя рядом с Тони за неубранным столом, подумала, что сейчас самый удобный момент объясниться с сыном, произнести нужные, единственно верные слова и спасти семью. Но неподвижное и далекое лицо Тони удерживало ее; она поднялась со стула, сказала: «Оставь все, я потом уберу», и удалилась в спальню, не оглянувшись.

Она прилегла на кровать и заснула; ее преследовали сновидения — какие-то двери распахивались и закрывались, кто-то ходил по темному коридору, снова хлопала входная дверь.

После пробуждения Люси не почувствовала себя отдохнувшей, она прошла в гостиную и без удивления заметила на журнальном столике конверт. Она взяла его и, раскрыв, обнаружила записку от Тони. Мальчик сообщал, что он решил вернуться в школу.

«Мне больно видеть, что ты сделала с моим отцом, — писал он, — в кого ты превратила его. Не хочу находиться в этом доме рядом с тобой и вашими друзьями, к которым ты его толкаешь».

В конце послания стояла тщательно зачеркнутая фраза, содержание которой Люси сначала не потрудилась разгадать. Она устало присела, подавленная неудачей; за окном на землю спускались мрачные ноябрьские сумерки.

Она зажгла лампу и взгляделась в последнее предложение. Люси поднесла листок к свету, немного поломала голову, и спустя минуту-другую все поняла.

«Я тебя ненавижу», написал Тони. Почему он решил зачеркнуть эту фразу? — удивленно подумала Люси.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Следующий раз она увидела его сквозь завесу табачного дыма в парижском баре, где за спиной у Люси, аккомпанируя себе на пианино, негр с заметным гарлемским акцентом пел «Le piano des pauvres», и студент держал ее за руку, лежащую на столе среди пивных кружек.

Сколько лет разделяло хмурые ноябрьские сумерки и ночь в этом заведении, хозяин которого сказал ей: «Разрешите дать вам совет, мадам, — прежде позвоните. Мистер Краун женат. На очаровательной женщине». Шестнадцать. Выигранная и забытая война; гибель Оливера; возраст, с которым она смирилась или почти смирилась; раны залечены или почти залечены; потери приняты,

растворены в памяти и, кажется, больше не способны вызывать боль.

Люси мало спала в эту ночь в своем гостиничном номере с высокими потолками, широкой, мягкой кроватью, массивным темным шкафом; его дверь, которую ей не удалось закрыть, зловеще поскрипывала в темноте, раскачиваемая порывами ветра, проникающего через окно.

Она лежала в постели, прислушиваясь к непонятным жалобам дверных петель, находясь между сном и бодрствованием, принимая всевозможные решения, не зная, как ей поступить — то ли уехать отсюда следующим утром, забыв о том, что она видела Тони, то ли отправиться по данному ей адресу, то ли, как было запланировано, посетить Лувр, Версаль, пройтись по берегу реки, то ли немедленно броситься к телефону и сказать... но что? «Это твоя мать. Ты все еще меня ненавидишь?» Или: «Несколько часов тому назад я заглянула в бар. Угадай, кого я там увидела...»

Она задремала, вспомнила лицо сына, похожее на почти стершееся в памяти лицо мужа, нежную кожу Тони, его серые глаза, унаследованные от матери.

Люси проснулась рано, около восьми часов. На улице ревели грузовики и мотоциклы. Она лежала неподвижно, чувствуя, что все изменилось в ее жизни. Люси была теперь не туристкой, а жертвой, неизвестно как очутившейся в этой незнакомой комнате.

Она вспомнила, что именно произошло с ней. Люси заставила себя подняться с постели и посмотреть на часы. Если бы она поспала дольше, она смогла бы сказать себе, что Тони все равно уже ушел на работу...

Она приняла холодный душ, чтобы взбодриться, быстро оделась, нервно поглядывая на циферблат, как женщина, спешащая на поезд. Посмотрела на себя в зеркало. Люси разглядывала свое отражение с любопытством, пытаясь угадать, какое впечатление она произведет на сына. Она отметила, что даже при дневном освещении, невыспавшаяся, она выглядела неплохо. Глаза сохранили ясность, кожа осталась гладкой; Люси почти не требовалась косметика. В русых волосах появились выгоревшие на солнце белые пряди.

Она надела шляпу и направилась к выходу, потом, остановившись, сняла ее и бросила на кровать. Люси появлялась в шляпе лишь на официальных мероприятиях, и сейчас она не хотела, чтобы ее визит выглядел подобным образом. Она торопливо причесалась; поддавшись

внезапному порыву, подошла к открытому чемодану, засунула руку в карман и извлекла оттуда смятый, выцветший конверт. Она бережно спрятала его в сумочку и покинула номер.

Внизу она поймала такси, и ей удалось сравнительно легко объяснить шоферу, куда надо отвезти ее. Люси поехала по прохладной тенистой улице, радуясь своему маленькому успеху. Вдруг это добрый знак, подумала она, и сегодня я способна находить общий язык с людьми.

За окном автомобиля замелькали новые незнакомые улицы, и Люси, покачиваясь на жестком заднем сиденье, вдруг поняла — она, собственно, и не знает, что именно хочет сказать сыну. Ей показалось невероятно сложным сформулировать цель своего появления, определить, что она ждет от встречи. Люси знала только, что она необходима ей. Люси как будто открыла во сне дверь в какой-то коридор, ее мучила мысль, что она зачем-то обязана дойти до его конца, прежде чем проснется.

Такси остановилось перед большим домом в тихом квартале; она вышла и расплатилась с водителем, стараясь справиться с дрожащими руками. Она оглядела фасад. Здание из серого камня, пострадавшее от непогоды, само по себе не отличалось красотой, но совокупность подобных строений придавала облику города элегантную строгость.

В Америке, подумала она, люди, живущие в таких домах, стремятся при первой возможности перебраться в более респектабельный район.

Она вошла в подъезд и обратилась к полной светлосилой консьержке:

— Здесь живет месье Краун?

— *Troisième, à gauche*¹, — ответила блондинка, пристально, недоверчиво оглядывая незнакомку.

Люси с трудом поняла ее и, шагнув в кабину лифта, нажала кнопку третьего этажа. На лестничной площадке было темно, и она не сразу нашла кнопку слева от шахты. Она услышала звонок, зазвеневший в квартире; где-то назойливо и раздражающе завывал пылесос.

Дверь не открывали, и Люси позвонила еще раз, втайне надеясь, что дома никого нет и сейчас она сможет спуститься вниз, так и не встретившись с сыном. Она уже собиралась уйти, когда внутри раздались шаги, и дверь открыли.

¹ Третий, слева (*фр.*).

В залитой солнечными лучами прихожей стояла певысокая молодая женщина в розовом халатике. Ее тоненькая фигурка выделялась на фоне падающего сзади света, а лицо оставалось в тени.

— Миссис Краун? — произнесла Люси.

— Да.

Женщина распахнула дверь шире.

— Мистер Краун дома? — спросила Люси.

— Нет.

Женщина повернула голову, словно пытаясь лучше разглядеть гостью.

— Он скоро вернется? — поинтересовалась Люси.

— Не знаю, — сухо и неприветливо сказала жена Тони. — Я не знаю, когда он вернется. Ему что-нибудь передать?

— Моя фамилия Краун, — смущенно выговорила Люси. — Я его мать.

Они замолчали, глядя друг на друга. Наконец женщина улыбнулась.

— Проходите, — сказала она и взяла Люси за руку. — Пора нам познакомиться.

Она провела Люси в гостиную. В комнате был беспорядок, на столике перед диваном стоял поднос с недопитой чашкой кофе и тлеющей сигаретой, рядом валялась раскрытая на редакционной статье лондонская «Tribune».

— Добро пожаловать в Париж, — произнесла хозяйка, с улыбкой обращаясь к Люси.

Подозревая трюк в словах и улыбке невестки, Люси насторожилась, почувствовала себя неудобно.

— Прежде всего, — сказала женщина, глядя на Люси, — наверно, мне стоит представиться. Или вы знаете, как меня зовут?

— Нет, — ответила Люси, — к сожалению...

— Дора, — произнесла жена Тони. — А ваше имя мне известно. Садитесь, пожалуйста. Приготовить вам кофе?

— Раз уж я не застала Тони, — сказала Люси. — Мне бы не хотелось своим появлением нарушать ваши утренние планы.

— У меня нет никаких дел, — сказала Дора. — Схожу за чашкой.

Она вышла; розовый халатик вспыхивал в лучах солнца, проникающих сквозь окно. Люси села на стул и осмотрелась. Эта комната знала лучшие времена. Давно не крашенные двери запачкались, коврик истрепался. Мебель, требовавшая ремонта, казалась взятой напро-

кат, а жилище — временным, неблагоустроенным. Только две большие картины, висящие на стене, абстрактные и первные, выглядели как собственность жильцов, носили печать индивидуального вкуса.

Они, похоже, бедны, подумала Люси, или почти бедны. Куда ушли все деньги?

Дора вернулась с чашкой и блюдцем. Пока она наливала кофе, Люси изучала невестку. У молодой женщины были глубокие черные глаза, тонкие черты лица и пухлые губы, волнующая чувственность которых подчеркивалась бледностью кожи; густые темные волосы сообщали ее внешности привлекательную строгость. Склонившись над низким столиком, с дымящейся сигаретой во рту, она наполняла чашку, и ее вид выражал покорность, безразличие, неудовлетворенность.

Вероятно, такова в этом году здешняя мода для молодых жен, подумала Люси, принимая из рук Доры чашку с блюдцем. Похоже, сейчас они хотят казаться разочарованными.

— Ну, вот, — сказала Дора, усаживаясь напротив Люси. — Жаль, что из-за своего отсутствия Тони не может исполнить обязанности хозяина.

— Он уже ушел на службу? — спросила Люси.

— Нет, — равнодушно ответила Дора. — Еще не появился.

— Он работает по ночам? — смущенно спросила Люси.

— Нет, — сказала Дора.

— Я... я видела его в два часа ночи, в баре...

Люси растерянно замолчала.

— Да? — без удивления произнесла Дора. — Как прошла ваша встреча?

— Мы с ним не разговаривали. Когда он ушел, владелец бара дал мне его адрес.

— Он был один? — поинтересовалась Дора, допивая кофе.

— Да.

— Удивительно.

Голос девушки звучал безразлично.

— Извините, — сказала Люси. — Не хочу вам мешать. Наверно, мне лучше уйти. Будьте добры, передайте ему, когда он вернется, что я в Париже, я оставляю телефон моей гостиницы, и если он...

— Не уходите, — попросила Дора. — Вы мне вовсе не мешаете. Он может прийти в любую минуту. Или неделю.

Она сухо засмеялась.

— Все не так плохо, как вам могло показаться,— сказала она.— И не так плохо, как думают люди, У него есть мастерская неподалеку, в периоды напряженной работы, а также когда Тони устает от семейной жизни, он остается там. Хотя, если вы застали его в два часа ночи за стойкой, думаю, сейчас он не изнуряет себя трудом.

— Мастерская? — сказала Люси.— Что он там делает?

— Вы не знаете? — удивилась Дора.

— Нет. Последний раз я получила от него весточку во время войны, когда ему сообщили о гибели отца,— сказала Люси.— Он телеграфировал мне, что не собирается приезжать на заупокойную службу.

— Это на него похоже.

Девушка оживилась.

— Он терпеть не может всякие церемонии. Продлись наше бракосочетание еще пять минут, он умчался бы прочь без оглядки.

Она замолчала, иронически улыбнувшись, зажгла новую сигарету, потом уставилась глазами в потолок над головой Люси, словно вспоминая день, когда выходила замуж.

— Вы, наверно, и не знали, что у него семья, да?

— Нет.

— Господь покарал его за грехи,— шутливо сказала она.— Сегодня, во всяком случае, он женат. А завтра — бог ведает.

Дора усмехнулась.

Она вовсе не такая бездушная, какой хочет казаться, подумала Люси, изучая бледное печальное лицо невестки. Может, это такой стиль. Или маска, к которой она привыкла за годы, прожитые с Тони.

— Вы спросили, чем он занимается в мастерской,— сказала Дора.— Он — художник-карикатурист. Рисует для журналов. Это для вас новость?

— Да,— ответила Люси.

Как случилось, что ее сын избрал такую профессию? Перед глазами у Люси возникли фигурки клоунов, комедиантов в забавных шляпах, простодушных, жизнерадостных человечков. Ничто в облике Тони, каким она увидела его в баре, не выдавало склонности к подобным образам. И в детстве он всегда был серьезным.

— Да, он вечно рисовал на обложках школьных учебников, но особых талантов за ним не значилось.

— Видно, с тех пор он повысил свое мастерство,— сказала девушка.— Во всяком случае, в этом деле...

— Но я никогда не встречала его фамилии...

— Он публикует свои работы под псевдонимом. Наверно, стесняется. Владей он другим ремеслом, он бросил бы это занятие.

— А что он хотел бы делать?

— Ничего. Мне не известно, к чему его влечет.

— Он прилично получает?

— Достаточно, — сказала Дора. — С голоду мы не умираем. В Америке он мог бы зарабатывать приличные деньги. Только ему все равно. У него скромные запросы. Необычные, но скромные.

Она вяло улыбнулась.

— Он никогда не проявлял желания укутать жену в меха.

— Почему он не хочет вернуться в Америку? — спросила Люси, надеясь, что ответ не причинит ей боли.

Дора холодно посмотрела на нее.

— Он говорит, что с юности привык жить в изгнании, и не хочет ничего менять в себе. А еще Топп считает, что Франция — страна отчаявшихся, поэтому ему нравится здесь больше, чем где-либо.

Какие горестные беседы велись в стенах этой запущенной комнаты, подумала Люси.

— Откуда в нем это?

Девушка посмотрела на Люси.

— Это лучше вы мне объясните.

Люси заколебалась.

— Как-нибудь в другой раз, — сказала она. — Похоже, он тяжелый человек.

Дора горестно засмеялась.

— Мадам, вы умеете найти точное слово.

Она мне не друг, решила Люси.

— Зря я вам все это наговорила, — сказала Дора. — Изобразила какое-то чудовище. А он вовсе не чудовище. Мы женаты пять лет, временами мне приходится несладко, я всегда жду, что однажды он придет домой и заявит мне, что все кончено — я даже уверена, так это и произойдет, — и все же я ни о чем не жалею. Я не в проигрыше, — сказала она, словно предлагая Люси оспорить ее утверждение. — Что бы ни случилось, я не внакладе.

Она с видимым усилием взяла себя в руки.

— Да вы сами убедитесь, — беспечно сказала Дора, — когда с ним поговорите. За двадцать минут он очарует вас так, что вы назовете его самым любящим и преданным сыном, какой только жил на земле. Если Топп по-

желает, он убедит вас в том, что постоянно звонил нам все эти годы, только не заставлял вас дома...

— Сомневаюсь,— сказала Люси.

Она нервничала, и чтобы унять беспокойные руки, Люси сплела пальцы и стиснула их. Не повезло, подумала Люси. Она внутренне настроилась на встречу с Тони — и застала дома вместо него враждебную, несчастную, циничную, измученную девушку, которая по-своему понимала ее сына, цитировала его слова об изгнании и чувстве отчаяния; своей преданностью мужу, пренебрегавшему ею, она словно бросала вызов Люси.

— Ну,— произнесла Дора, внезапно превратившись в вежливую и любезную хозяйку,— хватит обо мне. Теперь я хотела бы услышать что-нибудь о вас. Вы так молоды выглядите...

— Мне уже немало лет,— заметила Люси.

— Я слышала от Тони, что вы были на редкость красивы,— сказала девушка.

Голос ее звучал искренне, безыскусно, глаза, направленные на Люси, улыбались, светясь неподдельным восхищением. Дора словно решила объективно оценить Люси, отринув прошлое, не думая о том, что скрывалось за эффектно уложенными светлыми волосами, крупными глубокими глазами, по-девичьи свежим ртом.

— Но мне и в голову не приходило, что, встретив вас, я сама смогу убедиться в этом.

— С тех пор я сильно изменилась,— сказала Люси.

— Вы бы мою мать видели,— подумав, усмехнулась Дора.— Она из тех, кто сидят на скамейке во дворе дома. Полутяжелая весовая категория. Махнула на себя сто лет назад.

Женщины дружно, раскованно засмеялись.

— Вы должны остаться у нас,— сказала Дора,— и раскрыть мне секрет. Я не научилась мириться с неизбежностью старения. В шестнадцать лет дала себе клятву покончить самоубийством в день сорокалетия. Вероятно, вы в силах спасти меня.

Секрет, подумала Люси, улыбаясь невестке и сохраняя трезвость мысли, заключается в вечном страдании и одиночестве; надо постоянно помнить о том, что никто не может стать для тебя страховочной сеткой, которая спасет, если ты сорвешься. Секрет — в нескончаемой борьбе.

— Какая жалость, что сейчас еще утро,— сказала Дора.— Нам следовало бы выпить за встречу.

Она вопросительно посмотрела на Люси.

— Вы не считаете тяжким грехом пить в такое время?

Люси взглянула на часы. Девять тридцать пять.

— Ну...— неуверенно произнесла она.

Люси знала нескольких женщин, в любое время суток умеющих найти предлог, чтобы выпить. А вдруг в этом причина того, что Тони много времени проводит вне дома...

Девушка засмеялась.

— Не смотрите на меня так,— сказала она, прочитав мысли Люси.— Я еще ни разу в жизни не употребляла спиртное до полудня.

Люси снова улыбнулась, радуясь сообразительности собеседницы.

— Я думаю, это превосходная идея,— сказала она.

Дора поднялась и прошла к маленькому столику, на мраморной поверхности которого стояли бокалы и бутылки. Она налила виски и добавила немного содовой. Ее движения были точны и грациозны, Дора казалась серьезным худеньким ребенком; склонив голову набок, она отмерила нужное количество жидкости. Люси охватило возмущение сыном, который причинял боль девушке, красота которой, казалось бы, позволяла ей рассчитывать на то, что она будет окружена атмосферой доброты, снисходительности и любви.

Дора протянула бокал Люси.

— Во Франции, в дни праздников, часто пьют утром. Обитатели маленьких городков приглашают друг друга в гости на *Verre d'Amitié* или *Coupe d'Nonneur*. Поднимем наш бокал дружбы, или кубок чести,— перевела она с французского.— Как мы это назовем?

— Пусть это будет и то и другое,— предложила Люси.

— Идет.

Дора кивнула головой, и они выпили. Девушка задержала жидкость во рту, смакуя ее.

— Теперь я понимаю, почему некоторые люди начинают пить, не дожидаясь середины дня. Утром это кажется гораздо более значительным, правда?

— Да,— согласилась Люси.

Ощущение враждебности исчезло, Люси стало легче общаться с девушкой, она уже хвалила про себя сына, сделавшего такой выбор.

— Ну,— произнесла Дора, потягивая виски,— я уже рассказала вам о себе и Тони. А вы? Что вы здесь делаете? Путешествуете?

— Не только,— ответила Люси.— Я работаю в одной нью-йоркской организации, которая связана с ООН. Мы занимаемся детскими проблемами. Взываем к совести политиков, не препятствующих использованию детского труда, убеждаем их выделять больше средств школам, следим за вакцинацией и питанием. Боремся за права незаконнорожденных.

Люси говорила небрежным тоном, но в ее голосе звучала гордость за свое дело и самое серьезное отношение к нему.

— Многие американцы финансируют нас, а мы контролируем распределение этих денег. Я уже пять недель мотаюсь по Европе, заседаю с важным видом, треплю детские головки в Греции, Югославии и на Сицилии, веду записи. Вчера вечером я была на конференции, потом мне захотелось поесть, а ресторан в моей гостинице уже закрыли. Так я попала в тот бар и увидела Тони.

— Вы, похоже, важная персона,— сказала Дора; рассказ Люси произвел впечатление на молодую женщину.— Вы, паверно, и в пресс-конференциях участвуете?

— Случается.

Люси улыбнулась.

— Я — специалист по контролю над рождаемостью.

— А я никогда не работала,— рассеянно сказала Дора, играя бокалом.— Даже колледж не закончила. Приехала сюда на каникулы, познакомилась с Тони и прощай учеба... Наверно, это здорово — чувствовать себя нужной.

— Да,— серьезно и искренне сказала Люси.

— Возможно, когда Тони меня бросит,— равнодушно произнесла Дора,— я тоже попробую стать нужной.

Дверь столовой медленно открылась, и Люси увидела высунувшуюся из-за нее детскую головку.

— Мама,— произнес мальчик,— у Ивонны сегодня выходной, если ты разрешишь, она возьмет меня в гости к своей родственнице, у которой есть клетка с тремя птицами.

— Поди сюда, Бобби,— сказала Дора,— и поздоровайся с тетей.

— Мне надо ответить Ивонне,— сказал мальчик.— Прямо сейчас.

В комнату вошел стройный большелобый коротко остриженный крепыш с задумчивыми серыми глазами; от застенчивости он не глядел на Люси. Шорты и вязаная кофточка оставляли открытыми его прямые, поразительные

тельно сильные на вид руки и ноги с многочисленными ссадинами, замазанными зеленкой.

Потрясенная Люси смотрела на внука, забыв улыбнуться, пытаясь вспомнить, как выглядел Тони в таком же возрасте. Почему она сразу не сказала мне, что у них есть сын, обиженно подумала Люси, вновь охваченная недоверием к невестке. Ей казалось, что Дора преднамеренно, с какой-то тайной целью, скрыла от нее важную информацию.

— Это твоя бабушка,— сказала Дора, нежно глядя сына по головке.— Поздоровайся, Бобби.

Мальчик без слов, глядя в сторону, подошел к Люси и протянул ей руку. Она пожала ее. Затем, не в силах совладать с собой, рискуя напугать или рассердить мальчика, она обняла его и поцеловала. Бобби вежливо стоял и ждал, когда его отпустят.

Люси замерла, прижав внука к себе и испугавшись, что если она отпустит его, он заметит слезы на ее глазах. Сейчас, когда Люси обхватила руками детские плечи, коснувшись пальцами нежной упругой кожи, она внезапно почувствовала горечь потерь, ушедшие годы показались ей прожитыми впустую; то, о чем раньше она сожалела абстрактно, умоглядительно, теперь обрело плоть, реальность, причинило боль.

Склонив голову, она поцеловала мальчика, вдохнула чистый забытый запах детства и заметила, что Дора внимательно следит за ней.

Люси набрала в легкие воздух и сдержала слезы. Потом отпустила внука, заставив себя улыбнуться ему.

— Роберт,— сказала она,— какое красивое имя! Сколько тебе лет?

Мальчик подошел к матери и остановился возле нее, не раскрывая рта.

— Скажи бабушке, сколько тебе лет, Бобби,— произнесла Дора.

— Моя бабушка толстая,— заявил Бобби.

— Это другая твоя бабушка,— сказала Дора.

— Четыре,— сказал мальчик.— У меня день рождения зимой.

Послышался звук отпираемого замка, в прихожей раздался шаг. В комнату вошел Тони. Он остановился, увидев Люси; не узнав мать, он удивленно посмотрел на жепу. На нем был уже знакомый Люси костюм, выглядывший так, словно Тони спал, не снимая его. Он казался уставшим, лицо его заросло щетиной; попав из темно-

го коридора под яркие солнечные лучи, он недовольно заморгал. В руке Тони держал дымчатые очки.

— Папа,— сказал мальчик,— мама отпускает меня с Ивонной к ее родственнице, у которой есть клетка с тремя птичками.

— Здравствуй, Тони,— произнесла Люси, вставая.

Тони несколько раз тряхнул головой.

— Ладно, хорошо,— тихо сказал он сыну, не улыбаясь.

— Мы тут с твоей мамой успели побеседовать,— сказала Дора.

Тони перевел взгляд с жены на бокалы, стоящие перед Люси и Дорой.

— Попятно,— сказал он и сухо, неприветливо улыбнулся.

Тони протянул руку Люси, и она пожалала ее. Затем он повернулся к мальчику. Некоторое время Тони стоял молча, с нежностью и интересом изучая сына, он словно пытался проникнуть в тайну, заключенную в нежном, радостном личике Бобби.

Она забыла сказать мне о том, как сильно Тони любит сына, подумала Люси.

— Роберт,— серьезно произнес Тони,— ты согласен стать моим посыльным?

— Не знаю,— настороженно ответил мальчик, догадываясь, что его просто хотят удалить из комнаты.

— Как насчет того, чтобы сходить к Ивонне и попросить ее принести для меня ветчину, яйца и большую чашку кофе?

— А потом можно вернуться сюда? — спросил Бобби.

Тони посмотрел на жену, затем на Люси.

— Конечно,— ответил он.— Я даже прошу тебя сделать это.

— Я так и скажу Ивонне. Что ты просишь меня вернуться.

— Совершенно верно.

Мальчик побежал на кухню. Тони проводил его внимательным взглядом, затем повернулся к женщинам.

— Ну,— сказал он,— с чего начнем?

— Знаете,— произнесла Дора,— я думаю, мне лучше уйти. Я оденусь и вместе с Бобби...

— Нет,— громко сказала Люси.

Ее испугала перспектива остаться наедине с Тони в этой запущенной комнате. Люси требовалось время и нейтральная территория.

— Я думаю, если ты, Тони, хочешь со мной погово-

рить, лучше это сделать позже.

— Как тебе угодно,— произнес Тони.

— Не хочу нарушать твои планы...

— На сегодня у меня запланировано развлекать мою мать,— шутливым тоном сказал Тони, галантно кланяясь Люси.— Однако...

Он огляделся по сторонам.

— Я не упрекаю тебя за желание поскорее отсюда выбраться. Вот что. Здесь на углу есть бистро. Если тебя не затруднит обождать полчаса...

— Хорошо,— перебила его Люси.— Я согласна.

Она повернулась к Доре.

— До свидания, моя дорогая.

У нее возникло желание поцеловать девушку на прощание, но она не решилась сделать это в присутствии сына.

— Спасибо за угощение...

— Я провожу вас до двери,— сказала Дора.

Люси смущенно, растерянно, как с ней бывало только в юности, взяла сумку и перчатки; оставив усталого удивленного Тони в гостиной, она вышла за Дорой в прихожую.

Дора открыла дверь. Люси задержалась на пороге.

— Вы что-то хотите мне сказать? — шепнула она.

Девушка на мгновение задумалась.

— Будьте осторожны,— сказала она.— Поберегите себя. Может, будет лучше, если вы его не дождетесь.

Повинуясь безотчетному импульсу, Люси поцеловала девушку в щеку. Дора стояла, не двигаясь, и ждала. Она уже не казалась Люси дружелюбной.

Отойдя на шаг от невестки, Люси начала нервно натягивать перчатки.

— Спуститься можно только пешком,— сказала Дора.— Тут французский лифт. Вниз он не возит.

Люси кивнула и направилась к лестнице. Дверь квартиры закрылась. Люси гулко застучала каблучками по каменным ступенькам. Где-то в доме по-прежнему работал пылесос; его надрывный пульсирующий вой неотступно преследовал Люси, пока она не оказалась на улице.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Люси бесцельно бродила четверть часа, разглядывая невидящими глазами витрины магазинов; потом она пошла к бистро на углу улицы, где жил Тони. Она сразу

инила его. На небольшой веранде под навесом стояло несколько столиков. Присев, Люси заказала кофе, чтобы чем-то занять себя.

Сцена в квартире взволновала ее. Временами, от снуха к случаю, она думала о возможной встрече с Тоии, ее воображение всегда рисовало драматическую картину — она лежит на смертном одре, а рядом находится срочно вызванный сын — молодой, чуткий, прощающий ее в преддверии разлуки. Последнее проявление любви, длительный поцелуй (хотя лицо, которое она целует, упорно принадлежало тринадцатилетнему мальчику, сильно нагоревшему в то далекое лето) — и она чудесным образом выздоравливает; они становятся друзьями. А порой, хотя с годами все реже и реже, Люси преследовал сон — Тоии стоит над ее кроватью, наблюдая за матерью, и громко шепчет: «Умри! Умри!» Но реальность оказалась тягостней кошмара. Свидание произошло так случайно, неловко, оно не сулило ничего хорошего. Сначала она даже не была уверена в том, что молодой человек, подошедший к стойке, — ее сын. Она испытывала смущение, зайдя в ночной бар и позволив двум студентам заигрывать с ней, хотя все выглядело вполне невинно. Жалкая обстановка в квартире и разочарованность невестки, не скрывающей своих страданий и страха перед завтрашним днем, оставили тяжелое впечатление. Неожиданная боль от встречи с малышом, лицо которого соединяло в себе черты разных поколений Краунов, усилило чувство вины, сознание неисполненного долга. Люси увидела Тоии рано поседевшим, уже уставшим от жизни, держащим жену на расстоянии, равнодушным к самому себе; от его вежливости веяло холодом. Наверно, успокаивала себя Люси, на нее повлиял образ Тоии, нарисованный еще до его прихода Дорой, искаженный и малосимпатичный; Дора, затаив обиду на мужа, особенно после ночи, проведенной им вне дома, могла все представить в ложном свете. Люси понимала, что Дора способна многое преувеличить, и все же Тоии вызывал у нее беспокойство.

А еще сюда примешивались мысли о внуке, становящемся жертвой родительских невзгод и взаимного отчуждения, еще не способном понять природу неутомимых сил, в тиски которых он попал, — сил, формирующих его характер, несущих боль, страдание. Господи, подумала Люси, каким человеком стапет он? Как далеко простирается наказание?

Внезапно лицо Тони, стоящего с кривой улыбкой циничного удивления между женой и матерью в неприбранной гостиной, вызвало у Люси острую неприязнь, испугало ее. Сын словно насмехался над нею, стараясь унизить ее; он ставил под угрозу все созданное Люси за послевоенные годы — сознание необходимости своей работы, чувство обретенной зрелости, внутреннее равновесие, согласие с собой, гордость, обусловленную тем, что она сумела выстоять, не позволив невзгодам сломить ее, и вступила в шестой десяток цельной, сильной и нужной людям. Усмешка Тони перечеркивала все, Люси снова стала такой, какой она была в конце того злополучного лета, — неуверенной, стыдящейся самой себя, не способной любить. Я должна стереть с его лица эту улыбку, подумала Люси.

Она чувствовала себя разбитой, беспомощной, боялась предстоящего свидания. Чего она добьется за несколько минут? Она хотела объяснить целую жизнь, перекинуть мост через пропасть, и полчаса, проведенные за столиком в бистро, ничего не решали. Ей требовалось время, много времени, и другая обстановка — с кухни убогой тесной забегаловки постоянно доносился звон посуды, за соседним столиком небритый субъект, похожий на человека, разыскиваемого полицией, заполнял бланк тотализатора.

Нервно раскрыв сумочку, она вынула зеркальце и поглядела в него. Собственное лицо показалось ей фальшивой тревожной маской. Спрятав зеркальце, она собралась закрыть ридикюль, но тут на глаза Люси попало письмо, переложенное ею в гостинице из чемодана. Она взяла конверт в руки, и у нее родился план.

Люси извлекла из конверта четыре топких, почти прозрачных на сгибах листка. Она не перечитывала их уже много лет, но в последний момент, покидая Америку, все же захватила с собой письмо, не понимая до конца, что заставило ее сделать это. Раз уж я буду в Европе, мелькнула в ее голове неясная мысль...

Она развернула письмо и принялась читать.

«Дорогая миссис Крауп! Попав в госпиталь, я решил воспользоваться удобным случаем и рассказать Вам о Вашей утрате».

На бумаге стоял штамп Красного Креста, автор писал неразборчивым почерком, текст изобилует ошибками, затруднявшими его восприятие. «Думаю, министерство обороны уже известило Вас о кончине майора. Я воевал ря-

дом с ним. Знаю, что близким погибшего становится легче, когда они узнают подробности от очевидца. Это произошло около Озера, надеюсь, цензор не вычеркнет название места, никогда не знаешь, что останется, а что вычеркнут, я надолго запомню эту деревню, потому что мне тоже там перепало, только я, к счастью, в отличие от майора, не вышел ростом, и пулеметная очередь, выпущенная параллельно горизонту, ранила меня в шею и плечо (две пули 30-го калибра), тогда как майору пробило легкие. Не знаю, послужит ли Вам это утешением, но он даже не успел понять, что с ним случилось. Рядом с нами стоял француз, он оказался весьма проворным и успел броситься в канаву, его даже не задело. Я читаю в госпитале американские газеты, там все представлено так, будто после прорыва мы маршировали как на параде, но в действительности до парада было далеко. Я служил в разведроте корпуса. На нескольких полугусеничных транспортерах и джипах мы носились по окрестностям, выискивая недобитых немцев, часть их не сложила оружия, другие же ждали подходящего момента для сдачи. Понять, на кого ты нарвался, часто было невозможно до тех пор, пока они не открывали огонь. Тогда нам оставалось только спастись бегством и вызывать по радию подкрепление, в чем и состояла наша задача. Я не жалею, другого выхода не существовало. Как Вам, вероятно, известно, майор был прикреплен к отряду Джи-2, более легкую и безопасную работу в армии сыскать трудно, но мистер Краун отличался от других офицеров, хотя многим из них тоже порядком доставалось. Он вечно рвался в самое пекло, не доверяя чужим глазам. Его джипы знали все, майор участвовал во многих операциях наравне с солдатами; я счастлив, что могу заверить Вас — он, несмотря на возраст, никогда не терял мужества и бесстрашия, был отличным товарищем по оружию. Единственное, в чем его стоило упрекнуть, так это в готовности лезть под пули без всякой нужды. В день его смерти мы стояли на ферме в пяти милях от Озера, нам разрешили передохнуть. Вскоре к нам пришел француз, живший по соседству, он сказал, что знает, где прячутся восемнадцать — двадцать немцев, готовых сдаться в плен. Майор посадил на джипы четырех солдат, француз и меня, и мы тронулись. Если Вы окажетесь во Франции и посетите Озер, то, подъезжая к деревне с севера, за двести ярдов до ее границы вы увидите перекресток. В этом месте майор остановил джипы и приказал нам дальше

идти пешком. Привязав белое полотенце к планке, вырванной из штaketника, он сказал нам с французом: «Вы пойдете со мной», а остальным велел на всякий случай развернуть машины, рассредоточиться и при необходимости прикрыть наше отступление. Деревня будто вымерла. Жители, закрыв окна ставнями, покинули улицы, которые казались тихими и мирными, как в Айове. Мы втроем зашагали по дороге, майор шел в центре, наш проводник обращался к мистери Крауну по-французски, а тот отвечал ему, однажды он нам рассказывал о том, как в юности, задолго до войны, приехал во Францию и немного подучился языку, и вдруг без всякого предупреждения застучал пулемет. Как я уже говорил, меня ранило в шею и плечо, но я тут же откатился в канаву, француз тоже кинулся к противоположной обочине. Не проклинайте француза, для него случившееся было такой же неожиданностью, как и для нас; он осыпал немцев проклятиями. Майор остался лежать на дороге. Я выглянул из канавы и понял, что ему уже ничем не помочь. Фашисты быстро прекратили стрельбу, и больше о них там не слышали. Того, кто станет уверять Вас, что немцы придерживаются правил Женевской конвенции, посылайте ко мне, я покажу ему пару рубцов. Теперь мы уже никогда не узнаем, что там произошло, может, они и правда собирались сдаться, но в последний момент появился какой-то фанатик-офицер и устроил им накачку. Наши парни выпустили по несколько зарядов поверх наших голов, чтобы отбить у немцев желание приблизиться и захватить нас, потом один из солдат сгонял на джипе за лейтенантом, он обернулся в рекордное время. Лейтенант вынес нас на себя, не боясь, что немцы снова откроют пальбу. Он сказал про Вашего мужа: «Майор даже не успел понять, что с ним случилось». Меня наспех перевязали, отвезли в госпиталь, и я благодарю судьбу за такой исход. Если вы захотите написать лейтенанту, его зовут Чарльз С. Дрейпер, он был очень близок с Вашим мужем, ну как отец и сын, правда, до меня дошел слух, что он погиб в Люксембурге, царвавшись на засаду, но это только слух.

Преданный Вам сержант Джек Мак-Кардл.

P. S. Меня собираются демобилизовать по инвалидности с назначением пенсии.

Сержант Джек Мак-Кардл.

Бережно сложив письмо, Люси убрала его в сумочку. Она заметила Тони, приближающегося по теневой стороне улицы. Красотой он не обделен, подумала Люси, глядя на сына. Он шел напряженной походкой, словно готовясь к каждому шагу. В нем не было раскованности, природной грации атлета; он будто давно решил, желая сохранить индивидуальность, не подчиняться стремительному городскому темпу. Он был в темных очках, хотя солнце в этот день отнюдь не слепило глаза. Они служили еще одним преднамеренно создаваемым барьером, которым он отгораживался от мира, символом ревниво охраняемого неизбывного одиночества.

Он остановился у столика. Люси увидела, что Тони успел побриться, надел свежую рубашку и отглаженный строгий хорошо сшитый костюм, прекрасно на нем сидящий. Она вспомнила, с каким вкусом одевался когда-то Оливер. Выражение лица у Тони было вежливым, но уголки рта загадочно кривились.

Люси улыбнулась сыну сдержанно, как малознакомому человеку.

— Легко нашла? — спросил Тони, садясь рядом с матерью. — Бистро?

— Сразу же, — сказала Люси, отмечая, что голос у Тони нежнее и глубже, чем у Оливера.

Тони кивнул, затем, подозвал официанта, заказал два кофе, не спрашивая мать, будет ли она пить его.

— Дора говорит, ты видела меня вчера в баре, — сказал он. — Могла бы и подойти.

— Мне надо было кое-что обдумать, — сказала Люси, не признаваясь Тони, что едва узнала его.

— Мы бы распили бутылку шампанского в честь встречи, — добавил он. — Середина ночи — самое подходящее время для такого свидания.

Он произносил слова мягко, со слабым американским акцентом, который трудно привязать к какому-то конкретному штату, и Люси не понимала, смеется он над ней или говорит всерьез.

— Что ж, теперь придется довольствоваться кофе. Дора поведала мне, чем ты занимаешься во Франции. Звучит весьма впечатляюще.

— Ничего тут нет впечатляющего, — возразила Люси, подозревая иронию.

— Отстаиваешь интересы детей всего мира, — сказал Тони. — Похоже, они и правда нуждаются в защите. Как тебе понравился Бобби?

— Очаровательный малыш.

— Да, верно,— согласился Тони.— Он еще успеет измениться, пока не поздно.

Тони улыбнулся.

— Когда ты ушла, он стал допытываться, где ты была раньше.

— И что ты ему сказал?

— Объяснил, что ты была занята,— небрежным тоном ответил Люси сын.— Это, похоже, его удовлетворило. Ты, конечно, знакома с новой теорией воспитания детей. Говорите им правду, но только в том объеме, в каком они сами хотят ее знать. Рекомендуются оберегать четырехлетних от избытка правды.

Официант подал кофе. Люси наблюдала за сыном, размешивающим сахар в чашечке. У него были длинные пальцы с ровно подстриженными ногтями; Люси вспомнила, что в восьмилетнем возрасте Тони обкусывал их до крови. Психиатры утверждают, что эта привычка свидетельствует о чувстве незащищенности, страхе перед одиночеством, боязни оказаться отверженным. Откуда, черт возьми, могло у него появиться чувство незащищенности в восемь лет? — подумала Люси. Наверно, с сегодняшней дня я сама начну грызть ногти.

Она поднесла чашку к губам и попробовала кофе.

— Удивительно вкусный,— сказала она тоном хорошо воспитанного гостя, которого знакомый пригласил в свой любимый ресторан.— Особенно после всего, что я слыхала о французском кофе.

— Приехав в чужую страну,— сказал Тони,— обнаруживаешь, что прежде все говорили тебе о пей неправду.

Он снял очки и осторожно потер глаза привычным жестом, снимающим боль. Без очков его глаза, обрамленные темными ресницами, казались задумчивыми, мягкими, лицо потеряло строгое, напряженное выражение.

— Тебе по-прежнему приходится носить темные очки? — спросила Люси.

— Большую часть времени.

— Болезнь не прошла?

— Нет.

— Ты пытался что-нибудь сделать?

— Когда-то давно,— сказал Тони, надевая очки; Люси почувствовалось, что он снова отгородился от нее глухим непроницаемым барьером.

— Надоели жулики от медицины,— добавил Тони.

Он выговаривал слова медленно, в его глубоком голосе звучали усталость и скептицизм; Люси невольно вспомнила, каким стремительным потоком лилась его речь в детстве. Мы видели оленя, донесся из далекого прошлого мальчишеский фальцет, он подошел к озеру, чтобы напиться.

— Тони, — непроизвольно вырвалось у Люси, — в чем дело? Что с тобой?

Тони, казалось, удивился. Задумчиво покрутил чашку на блюде.

— О, — произнес он, — вижу, Дора времени не теряла.

— Дело не только в ней. Это же сразу заметно...

— У меня все в порядке, — сухо сказал Тони.

Он раздраженно тряхнул головой, потом улыбнулся и заговорил вежливым светским тоном.

— Кстати, какое впечатление произвела на тебя Дора?

— Она очень хорошенькая.

— Правда ведь? — радостно сказал Тони.

— И очень несчастная.

— Похоже, так, — подавленно согласился он.

— Живущая в страхе.

— Кому не страшно в наш век? — раздраженно спросил Тони, и Люси показалось, что он вот-вот выскочит из-за стола и убежит прочь.

— Она боится, что ты бросишь ее, — упрямо продолжала Люси, надеясь разговорить сына, задевая, волнуя, рая его.

— Это, наверно, было бы для нее наилучшим исходом, — с улыбкой молвил Тони. — Ничего страшного тут нет. Случается сплошь и рядом.

— Тони, — сказала Люси, меняя тему, — почему ты живешь в Европе?

Тони с любопытством посмотрел на мать.

— Ты настоящая американка, — заметил он. — Американцы считают, что жить в Европе безнравственно.

— Дело не в этом, — возразила Люси, вспоминая бедную, безликую, неуютную квартиру, обставленную без расчета на длительное проживание; люди, обитавшие в ней, словно не хотели пускать корни.

— Просто здесь вы не чувствуете себя дома...

Тони кивнул головой.

— Совершенно верно, — согласился он. — Это большое преимущество. Исчезает чувство ответственности.

— Ты давно не был дома?

Тони задумался. Он склонил голову набок и прикрыл глаза. Его очки сверкнули солнечным зайчиком.

— Восемнадцать лет.

Люси почувствовала, что заливается краской.

— Ты не так меня понял,— сказала она.— Когда ты был в Штатах?

— Не то пять, не то шесть лет назад,— небрежно ответил он, поднимая голову и отодвигая от себя чашку, словно фигуру на шахматной доске.

— Возвращаться не собираешься?

Тони пожал плечами.

— Может быть. Кто знает?

— Это вопрос денег?

Тони усмехнулся.

— А,— сказал он,— похоже, ты поняла, что мы не самые богатые американцы в Европе.

— Куда ушли деньги, которые ты получил по завещанию, после продажи типографии? — спросила Люси.

Тони пожал плечами.

— Обычная история,— сказал он.— Дурная компания, бурная жизнь, неразумное вложение средств. Как нажито, так и прожито. Я за них особенно не держался. Они вызывали у меня чувство неловкости.

Он пристально посмотрел на мать.

— А как насчет тебя? — спросил он.— Тебе они не мешали жить?

Он спрашивал словно из любопытства, без осуждения.

Люси решила пропустить вопрос мимо ушей.

— Если тебе понадобятся деньги...— начала она.

Тони махнул рукой, не дослушав фразу.

— Будь осторожна,— сказал он,— это может тебе дорого обойтись.

— Я говорю серьезно.

— Буду иметь в виду,— сказал он.

— Дора говорит, твоя работа тебя не радует.

— Она правда так сказала? — удивился Тони.

— Ну, не совсем так,— призналась Люси.— Но она общилась мне, что ты публикуешься под вымышленным именем.

— Не такой уж у меня талант, чтобы придавать ему значение,— задумчиво, обращаясь скорее к самому себе, чем к матери, произнес Тони.— В конце концов это всего лишь ремесло. Бессмысленное, скучное ремесло.

— Почему бы тебе не заняться чем-то другим? — спросила Люси.

— Ты говоришь, как моя жена.

Тони улыбнулся.

— Должно быть, подобный оптимизм присущ всем жепцинам — если тебе не нравится твое дело, надо просто закрыть лавочку, а завтра освоить новую профессию.

— Почему ты оставил медицину? — спросила Люси. — Ты же поначалу делал успехи, пока не ушел...

— Я ковырялся в трупах пару лет, — сказал Тони. — У меня была легкая рука на мертвецов, профессора меня хвалили...

— Я слышала, — сказала Люси. — Один знакомый из университета говорил мне о тебе. Почему ты бросил учебу?

— Когда я получил наследство, мне показалось глупым вкалывать по четырнадцать часов в день, имея такую внушительную сумму на банковском счету: меня потянуло в дорогу. Кроме того, — добавил он, — я понял, что не горю желанием исцелять людей.

— Тони... — сказала Люси.

Ее голос звучал сдавленно, приглушенно.

— Что?

— Ты действительно такой, Тони? Или это маска?

Тони откинулся назад, глядя на двух девчонок, переходящих улицу напротив бистро.

— Не знаю, — сказал он. — Жду, когда кто-нибудь объяснит мне.

— Тони, — обратилась Люси к сыну, — ты хочешь, чтобы я ушла и оставила тебя в покое?

Тони ответил не сразу. Медленно сняв очки, он бережно положил их на стол. Потом серьезно посмотрел на мать, не пряча своего лица; его глубокие глаза были полны раздумий и печали.

— Нет, — произнес он наконец и с нежностью коснулся ее руки. — Я этого не перенесу.

— Ты можешь кое-что для меня сделать?

— Что именно?

В его голосе снова появилась настороженность.

— Съездим сегодня в Нормандию? Я хочу увидеть место, где убили твоего отца, кладбище, на котором он похоронен. У меня есть письмо от свидетеля его гибели, я знаю, где находится эта деревня, Озиер...

— Озиер, — повторил Тони и надел очки, снова двигая барьер; казалось, он уже пожалел о проявленной мягкости. — Я там был, ноobelиска не заметил.

Он натянуто засмеялся.

— Встретить смерть в таком месте!

— Ты не знал?

Тони покачал головой.

— Нет. Ты телеграфировала только о его кончине.

— Тебе не известно, как это произошло?

— Нет.

— Ему сообщили, что какие-то немцы хотят сдать в плен, — сказала Люси, — он отправился к ним с белым флагом, а через пять минут его застрелили.

— Он был стар для таких дел, — сказал Тони.

— Он хотел умереть, — возразила Люси.

— Почитай газеты, — сказал Тони, — мир полон людей, ищущих смерти.

— Ты замечал в нем это, когда виделся с ним во время войны?

— Мы с ним не часто встречались, — сказал Тони; он глядел в сторону, мимо Люси, и явно не желал говорить на эту тему. — Я почувствовал только одно — он стыдился того, что я еще не надел форму.

— Тони! — сказала Люси. — Это неправда.

— Да? Возможно. Тогда, вероятно, ему было стыдно, что я еще жив.

— Не говори так!

— Почему? — резко сказал Тони. — Я давно принял решение не обманывать ни себя, ни других насчет наших отношений с отцом.

— Он любил тебя.

— С белым флагом, — произнес Тони, словно не слыша Люси. — Наверно, отцы умирают и при худших обстоятельствах. Скажи мне...

— Да.

— Ты правда случайно увидела меня в баре прошлой ночью или же специально приехала в Париж, зная, что будешь искать сына?

Он испытующе посмотрел на мать, лицо его выражало недоверие.

— Я даже не знала, что ты в Европе, — сказала она. — Когда ты вышел, я спросила хозяина бара, известен ли ему твой адрес. Пожалуй, я надеялась, что он ответит отрицательно, и я не смогу тебя разыскать.

Тони кивнул.

— Да, — согласился он, — тут я могу тебя понять.

— Я знала, что когда-нибудь мы встретимся.

— Да, — сказал Тони. — Если у тебя есть сын, в конце концов с ним обязательно встречаешься.

— Я бы устроила все иначе,— сказала Люси, вспоминая свои фантазии — болезнь, поцелуй,— если бы от меня это зависело.

— Что ж,— заметил Тони,— придется довольствоваться реальностью. И теперь ты хочешь посетить могилу... Естественное желание. Хотя я не вижу в этом необходимости. Скажи мне, ты замечала, как он опустился?

— Нет,— ответила Люси.

— О мертвых — только хорошее.

Тони зло улыбнулся.

— Ну да. Стал болтливым, сыпал анекдотами, принесенными из офицерского клуба, изъяснялся патриотическими газетными передовицами, балагурил о девицах из кордебалета. Спрашивал, хватает ли мне денег на развлечения, подмигивая при этом. Я обычно отвечал, что сотни долларов не будет лишней.

— Он всегда был щедрым,— сказала Люси.

— Возможно, в этом и заключался его дефект.

Тони посмотрел на небо. Ясное, голубое, оно лишь на юге белело прозрачной дымкой.

— Подходящий день для загородной прогулки. У меня назначено свидание, но я постараюсь объяснить — погибший отец, внезапно появившаяся мать. Скажу, что отправляюсь на поле битвы с белым флагом.

— Прекрати,— глухо сказала Люси, вставая.— Если ты так настроен, лучше мне поехать одной.

— Скажи мне,— произнес Тони, не двигаясь, глядя на небо,— зачем это тебе нужно?

Люси оперлась рукой о стол. Силы, казалось, покидали ее. Она посмотрела на непроницаемое лицо сына. Сквозь дымчатые стекла виднелись туго обтянутую кожей скулы.

— Мы погубили твоего отца,— подавлено сказала она.— Ты и я. Мы не имеем права забывать его.

И тут она заметила, что Тони плачет. Сжимая перчатки, она следила за слезой, выкатившейся из-под очков. Тони внезапно подался вперед, закрыв лицо руками.

Он плачет, подумала она. Значит, есть надежда.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Они молча ехали по залитой солнцем дороге в маленькой черной двухместной машине, принадлежащей Тони. Верх был опущен, и резкие порывы ветра помешали бы им

разговаривать, если бы у них возникло такое желание. Тони вел автомобиль рискованно, с большой скоростью, возле старых каменных ферм цыплята едва успевали унести ноги из-под колес, а жители поселков провожали их укоризненными взглядами, осуждая американцев за быструю езду. На зеленых лугах паслись коровы, временами дорогу обступали стройные тополя, отзывавшиеся на шум мчащейся машины протяжным нежным шелестом, который напоминал первую приглушенную барабанную дробь.

К чему эта гонка, хотелось сказать Люси; пытаясь спастись от ветра, она обвязала волосы шейным платком. Люси казалась себе слишком старой для столь стремительной езды и такого автомобиля. Зачем спешить? Он пролежал там одиннадцать лет, один час ничего не изменит.

Они проезжали мимо семей, устроивших пикник на обочине; люди сидели в складных креслах возле шатких столиков, накрытых скатертями и заставленных бутылками с вином, крошечными вазочками с цветами, длинными ломтями хлеба. Временами попадались деревушки, отмеченные печатью войны — потрепанные непогодой руины, казалось, стояли тут веками. Люси попыталась представить, как выглядели дома, прежде чем в них попали снаряды, что тут творилось во время обстрела — вздымающаяся земля, дым, раненые, кричащие из-под обломков. Но ее воображение не справлялось. Развалины казались вечными, мирными. Люди, поглощавшие вино и снесь, выглядели так, словно они не пропустили ни одного лета. Где я была в ту минуту, когда эта колокольня рухнула на площадь? Готовила ленч в кухне за три тысячи миль отсюда? Шла по линолеуму к электрическому тостеру, открывала дверцу холодильника, чтобы взять пару помидоров и банку с майонезом?

Она бросила взгляд на сына. Его лицо ничего не выражало, он смотрел на дорогу, не обращая внимания на пикники и следы войны. Живя в Европе, подумала Люси, наверно, привыкаешь к руинам.

Ее охватила усталость. Порывы ветра били в лоб, веки налились свинцом. У нее сосало под ложечкой, тесный пояс врезался в кожу живота, а устроиться удобнее в тесном салоне не удавалось. Иногда к горлу подкатывала тошнота. Тони, похоже, наслаждался ездой.

Я должна произнести какие-то слова, чтобы превратить этого чужого человека в моего сына, но у меня нет сил думать.

Она прикрыла глаза и задремала; машина неслась мимо зеленеющих лугов и потрепанных непогодой развалин.

Ну вот, сказал себе Тони, это произошло. Она, наконец, появилась. Если у тебя есть мать, оставь надежду никогда ее не видеть.

Он посмотрел на Люси. Спит, потешив себя деликатосами — смертью мужа, встречей с сыном, слезами, чувством вины. Еще привлекательная, даже в этом платке, при ярком свете, несмотря на свои пятьдесят три — или четыре? — года, с тенью порочной чувственности на лице, которой он не замечал в детстве, но легко узнал теперь, обогатившись опытом общения с женщинами. По-прежнему крепкая, с бюстом, не утратившим формы, гладкой кожей, удлиненными серыми восточными глазами. Сколько времени она пробудет здесь? Неделю, две? Достаточно долго для того, чтобы причинить ему боль и познакомиться поближе с французами, для которых женщина ее возраста, к тому же хорошенькая — заманчивая добыча; успеет разбедить раны, потребовать сочувствия, заявить о родственных чувствах, посетить кладбище, вызвать слезы, нарушить покой, пофлиртовать на новом языке, проверить постели иностранцев...

Мы сидели у могилы отца и слушали историю, которую рассказывал нам ветер, поющий над крестом. Мы остановили спортивный автомобиль на том месте, где пуля сразила его, и вспомнили, что он был дураком. В разгар туристского сезона мама и ее мальчик осматривают достопримечательности континента. Слева — гора Сент-Мишель. Справа — трагедия. На линии, соединяющей нас со старинной нормандской церковью, к несчастью разрушенной во время палата, вы видите канаву, в которую откатился ваш отец после того, как его подстрелили. Он твердо верил в Женевскую конвенцию. Непростительная глупость.

Посмотрите на маминого мальчика, сидящего за рулем. Автомобиль красив, хотя и не дорог. Профессиональные фотографы любят снимать возле него семьи, выехавшие на природу. В случае нужды годится и для похорон, особенно для тех, что состоялись много лет назад. Мамин мальчик тоже смотрится хоть куда, но этот вид обходится ему недешево.

Люси открыла глаза.

— Уже подъезжаем? — спросила она.

— Еще пара часов, — сказал Тони. — Спи.

На лице сонной матери появилась пробная улыбка, затем Люси прикрыла глаза. Тони мельком взглянул на нее

и тотчас устался на дорогу. Она была узкой, выпуклой, машина подпрыгивала на свежих заплатках. Пахло плавящимся на солнце гудроном.

Как легко, думал Тони, поглядывая на зависшее над дорогой марево, чуть прибавить скорость и легким поворотом руля направить автомобиль в сторону какого-нибудь дерева.

Он усмехнулся, вспомнив о матери, доверчиво дремавшей возле него. Не садись в машину незнакомого человека. Он всматривался в дрожащую знойную дымку, отступающую вдаль.

Прах ждет нас, подумал он. Еще два часа, и мы на месте смерти отца. Здесь погиб твой отец. Но так ли это? А может, он был убит гораздо раньше, на другом континенте, только произошло это столь тихо, что никто, включая саму жертву, не заметил случившегося? Не так-то просто, как кажется, думал Тони, определить время и место смерти.

Тони смотрел на дорогу и вспоминал последнюю встречу с отцом.

Дело было в Нью-Йорке, Тони тогда стукнуло двадцать; вечер начинался в баре возле Мэдисон-авеню, отец стоял с бокалом в руке, армейская форма с нашивкой, полученной в первую мировую, придавала ему бравый вид.

К семи часам зал наполнился посетителями, среди которых было много военных и роскошно одетых дам в меховых шубах — последние, похоже, смотрели на войну как на развлечение. На улице моросил дождь, люди, входя, потирали замерзшие руки, они радовались теплу, предстоящей выпивке, грядущим сражениям. Пианист, сидя в углу, исполнял песню из «Оклахомы».

Час назад Оливер позвонил Тони в общежитие, голос его звучал жизнеутраченно и немного таинственно: «Тони, бросай дела и приходи пообедать с отцом. Другого случая может уже не представиться».

Тони не знал, что отец в Нью-Йорке. Он слышал, что Оливер находится где-то на юге. Поскольку в ВВС Оливеру предложили штабную работу в Вашингтоне, он пошел служить в разведорганы и два года мотался по учебным лагерям, иногда без предупреждения появляясь в Нью-Йорке; пообедав раз-другой с сыном, он отправлялся на новую базу. Тони считал, что отец так и не покинет страну и отпразднует победу в офицерском клубе штата Каролина или в поезде, медленно идущем на Средний Запад.

При встрече они обменялись рукопожатиями. Последнее время Оливер вкладывал в жест излишнюю силу, он словно стремился доказать, что форма придавала ему свежую энергию, омолодила его. В армии он стал поджарым, ремень плотно обтягивал плоский живот. Темные, коротко стриженные волосы тронула седина. Подтянутый, с обветренным лицом и строгой прической, он издали напоминал офицера в высоком чине, сошедшего с обложки иллюстрированного журнала. На самом деле он был лишь майором (после мобилизации его повысили только однажды); стоя вблизи Оливера, трудно было не заметить серых мешков, висевших под его болезненно-желтыми, постоянно напряженными глазами человека, который пуждается в очках, но из тщеславия или страха перед начальством не носит их. На расстоянии цвет его кожи казался здоровым, но от внимательного взгляда не ускользало, что осунувшееся лицо Оливера приобрело бледный оттенок.

Он широко улыбнулся, протягивая Тони руку.

— Ну, здравствуй,— сказал он.— Рад тебя видеть. Что будешь пить?

Тони не любил спиртное и сейчас охотно бы от него отказался, но он подумал: «Раз уж я не надел форму, хоть это для отца сделаю». Он посмотрел на бокал Оливера.

— А ты что пьешь? — спросил Тони.

— Виски. Старое доброе кентуккийское виски,— ответил Оливер.— Эликсир молодости.

— Виски,— сказал Тони бармену.

— Самое лучшее,— добавил Оливер.

Он радостно помахал бармену рукой, и Тони подумал: «Интересно, сколько он уже успел выпить?»

— Хорошо, сэр,— отозвался бармен.

— Неплохо выглядишь, сын,— сказал Оливер.— Очень неплохо.

— У меня все нормально,— произнес Тони.

Обращение «сын» вызвало у него легкую гримасу. До армии Оливер всегда называл Тони по имени. Любопытно, чем вызвана такая перемена, подумал Тони.

— Хотя тебе стоило бы немного поправиться,— заметил отец,— и посвежеть. Похоже, мало спортом занимаешься.

— Я хорошо себя чувствую,— как бы оправдываясь, сказал Тони.

— Ты не поверишь,— сказал Оливер,— сколько молодых парней не проходят медкомиссию. На вид — здоровяки.

А внутри — всевозможные хвори. Городская жизнь. Отсутствие физических нагрузок.

— Меня бы не взяли в армию, будь я сложен, как Джо Луис,— сказал Тони.

Он предпочел бы сменить тему беседы.

— Да, да,— тотчас согласился Оливер.— Я не имел в виду тебя. Я говорю в общем. Речь не идет об особых случаях. Последствия травм, таких вот несчастий...

Оливер смутился. Тони облегченно вздохнул, когда бармен поставил перед ним бокал, и они прекратили этот разговор. Тони поднял виски.

— За победу,— торжественно произнес Оливер.

Тони не хотелось пить с отцом, но он чокнулся, ощущая фальшь в атмосфере тускло освещенного бара, заполненного штатскими и хорошенькими женщинами в дорожных мехах.

— Я знаю место, где готовят превосходный бифштекс,— сказал Оливер.— Это на Третьей авеню. Мясо с черного рынка.

Он усмохнулся.

— Какое мне дело! Для армии ничего не жалко. Там, куда нас пошлют, бифштекс — большая редкость.

— Ты отправляешься в Европу? — спросил Тони.

Оливер с лукавым видом огляделся по сторонам.

— Не скажу тебе ни да, ни нет.

Он похлопал сына по плечу и засмеялся.

— Могу лишь намекнуть. Посмотри внимательно на своего отца. Теперь ты очень скоро его увидишь.

Как же он изменился, устало подумал Тони. Пусть я был молод, но не мог же я так ошибаться.

— Война, наверно, скоро кончится,— заметил Тони.

— Не обманывай себя, сын,— сказал Оливер.

Он понизил голос до шепота и приблизился к сыну. От Оливера слегка разлило выпитым накануне виски.

— Это надолго, сын. Видел бы ты то, что видел я. Слышал бы...

Оливер важно покачал головой, думая о грядущих бедствиях и длительности боевых действий.

— Бармен,— сказал он,— повторите.

— Одип бокал, пожалуйста,— поправил его Тони.— Мне достаточно.

— Когда я учился в колледже,— сказал Оливер,— мы пили до тех пор, пока не валились под стойку.

— У меня завтра много дел.

— Конечно, конечно.

Оливер нервно обтер рукой рот, внезапно поняв, что от него несет перегаром.

— Шучу. Я рад, что ты вырос серьезным человеком. Честное слово. У меня появляется ощущение, что несмотря на все ошибки, я оказался не таким уж плохим отцом. Многие парни в наше время...

Он махнул рукой, видя, что Тони, опустив голову, играет с бокалом.

— Я хочу сказать, многие твои сверстники думают только о том, как бы выпить, потрахаться и развлечься, а на будущее им наплевать.

Каждый раз, встречаясь со мной, он произносит это слово. Еще раз услышу — немедленно встану и уйду, решил Тони. Мне нет дела до того, куда он едет.

— Я их не осуждаю, пойми меня правильно, — произнес Оливер, делая рукой благодушный жест. — Вовсе нет. Это принесит определенную пользу. Всему свое время. Перебеситься необходимо.

Он засмеялся и допил виски; бармен поставил новый бокал.

— Я сам был первым повесой моего поколения. Можешь себе представить — молодой лейтенант во Франции после окончания войны.

Он покачал головой и усмехнулся. Внезапно Оливер стал серьезным, словно из глубин его сознания, не подвластным парам спиртного, пробился свет далекого огонька.

— Но одно я твердо про себя скажу. Большинство мужчин, погуляв в молодости, не избавляются от этой привычки в течение всей жизни, и на смертном одре пороят уцелить сиделку. Только не я. Возрасту дань я отдал. И не стыжусь признаться в этом. А потом завязал.

Он щелкнул пальцами.

— Вот так. Раз и навсегда.

Оливер уставился на бокал, который он держал обеими руками, в глазах его появилась задумчивость.

Пианист негромко запел новую песню. Новые лица ласкают мой взор, новые лица...

— Твоя мать, — сказал Оливер, вращая бокал огрубевшими пальцами. — Она тебе пишет?

— Нет, — ответил Тони.

— Она занята сейчас важным делом...

— Да? — вежливо сказал Тони, мечтая о том, чтобы отец замолчал.

— Она работает в лаборатории госпиталя Форт-Дикс,— сообщил Оливер.— Занимается исследованием крови, тропической лихорадкой. Когда мы вступили в войну, она сказала, что обязана найти достойное применение своим познаниям в биологии, и я согласился с ней. Она многое забыла, ей пришлось вкалывать как проклятой, чтобы все вспомнить, но она не щадила себя. Теперь она руководит группой из шести человек. Ты вправе гордиться ею.

— Несомненно,— произнес Тони.

— Знаешь,— сказал Оливер,— мы можем позвонить ей, и через два-три часа она будет здесь...

— Нет,— отрезал Тони.

— В такой вечер,— сказал Оливер, не глядя на сына.— Я знаю, она очень обрадовалась бы.

— Почему мы не идем есть бифштекс? — спросил Тони.

Оливер посмотрел на него и поднес бокал к губам.

— Я еще не допил,— сказал он.— Куда спешить?

Оливер снова взглянул на сына.

— Тебе, похоже, твердости не занимать, а? — тихо произнес он.— На вид — мальчик, который носит рубашки с воротником четырнадцатого размера и бреется не чаще раза в неделю, а внутри — кремень.

Он усмехнулся.

— Что ж, в семье должен быть хоть один сильный человек. Между прочим, я не говорил тебе о том, что во время моего последнего приезда в Нью-Йорк я встретил Джефа?

— Нет,— сказал Тони.

— Он служит лейтенантом на флоте,— сообщил Оливер.— Только что вернулся не то с Гуадалканала, не то из Филиппин — настоящий морской волк. Я увидел его в баре и подумал — черт возьми, ну и встреча. Мы с ним выпили. Он спрашивал про твои глаза.

— Неужели?

Господи, вот это вечер, подумал Тони. Хуже не представить.

— Да. Он здорово похорошел. Остепенился. Мы решили не ворошить прошлое. В конце концов столько воды утекло, теперь мы все товарищи по оружию.

— Кроме меня,— сказал Тони.— Послушай, папа, пора позаботиться о бифштексе.

— Да, да.

Оливер раскрыл бумажник и положил на стойку пять долларов.

— Проще,— произнес он, бережно разглаживая курью.— Далекое прошлое.

Он засмеялся.

— Кто помнит то время? Десять стран успели кастигулировать.

Он опустил руку на плечо Тони, удерживая его.

— Надо дожидаться сдачи, верно?

Но не успели они покинуть бар, как в зал вошли два вторых лейтенанта, оба с девушками; Оливер служил с ними в Вирджинии, по его словам, это были чертовски славные ребята, лучше и не встретить, с ними обязательно надо выпить, потому что они—чертовски славные ребята, лучше и не встретить, а теперь все уезжали в разные таинственные пункты назначения; они вспомнили Сванпи, которого перевели в бронетанковые войска — по слухам, он пропал без вести на Сицилии, и они выпили за Сванпи, пропавшего без вести на Сицилии, к тому времени одна из девушек уже строила Тони глазки и касалась его рукой при разговоре, она сказала: «Поглядите-ка, хорошенький штатский», и Оливер, как всегда, бросился объяснять, что у Тони большие глаза и шум в сердце, а Тони, которого разгоряченные товарищи по оружию заставили выпить, уже навеселе заявил: «Я собираюсь прикрепить на груди следующую вывеску: «Не презирайте этого штатского. Он как истинный патриот записал своего отца добровольцем на все предстоящие кампании». Все засмеялись, но смех Оливера звучал натянуто, он сказал: «Я обещал сыну накормить его бифштексом», оставил еще пять долларов, и они с Тони направились к выходу.

В ресторане свободных мест не оказалось, им пришлось ждать у стойки, Оливер снова выпил, его глаза помутнели, он молчал и лишь иногда, поглядывая на сидящих за столиками, бормотал: «Проклятые спекулянты».

Прежде чем они сели, в зал вошли сержант ВВС в очках и хорошенькая девушка, с которой Тони несколько раз встречался. Ее звали Элизабет Бартлетт, ей еще не исполнилось и восемнадцати лет, родители Элизабет жили в Сент-Луисе, а она нашла не слишком обременительную работу в Нью-Йорке, оставлявшую массу свободного времени, и извлекала из войны максимум удовольствий. Тони расставался с ней после свиданий только под утро, вкопец измученный; Элизабет считала ночные бдения неотъемлемой особенностью военного времени. Уже немолодой сержант имел печальный вид человека, преуспевающего в мирной жизни и испытывающего страдания при виде нашивок на рукаве своего кителя.

Тони пришлось представить Элизабет Оливеру, она сказала грудным голосом: «Здравствуйте, майор Краун», и пожала его руку. Затем она познакомила их с сержантом, который произнес: «Привет», подчеркнув этим, что сейчас он не на службе. Оливер заставил их принять его угощение, он по-отечески заявил Элизабет: «Ты очень симпатичная девушка», а ее спутнику сказал, что на сержантах вся армия держится.

Сержант не пришел в восторг от этих слов.

— По-моему, майор, это чистый идиотизм — держать эту армию,— сказал он.

Оливер демократично рассмеялся, а Элизабет пояснила:

— Он раньше занимался химией и страшно недоволен, что его направили в ВВС.

— Терпеть не могу самолеты,— подтвердил сержант. Он обвел взглядом зал.

— Мы никогда не сядем здесь за стол,— сказал сержант.— Пойдем в другое место.

— Я целый день мечтала о бифштексе,— промолвила Элизабет.

— Хорошо.

Сержант мрачно кивнул.

— Раз уж ты целый день мечтал о бифштексе...

Подошедший официант сказал Оливеру, что для них есть столик в углу; Оливер предложил сержанту и Элизабет присоединиться к ним, отчего вид у сержанта стал еще более несчастный. Но столик оказался слишком мал для четверых. Оливер и Тони, взяв свои бокалы, оставили пару у стойки, и Тони услышал, как Элизабет произнесла: «Сидней, ты — мое наказание».

Тони, садясь за стол, пожалел о том, что они не смогли составить компанию ему с отцом. Он не испытывал большого интереса ни к сержанту, ни даже к Элизабет, хотя иногда использовал ее, но меньше всего его радовала перспектива провести вечер наедине с Оливером. Уже немало лет Тони приходилось от случая к случаю обедать с отцом — в кафе при загородных гостиницах неподалеку от школ, где он учился, в придорожных ресторанах во время совместных каникулярных экскурсий в национальные парки, здесь в городе, когда Оливеру давали отпуск. Иногда эти обеды проходили более удачно, иногда менее, но не было ни одного, который Тони вспоминал бы с удовольствием. А теперь Оливер еще пристрастился к спиртному. Он «добавлял» в течение всей еды.

— Виски — любимый напиток Черчилля, — сказал он, когда Тони предложил перейти на вино. — Что хорошо для Черчилля, хорошо и для меня.

Исполненный гордости за сходство с великим человеком, Оливер самодовольно посмотрел на Тони.

В этот вечер Оливер пил как-то странно. Он не был пьяницей, и если раньше ему случалось перебрать рюмку-другую, это казалось случайностью. Но сейчас Оливер прикладывался к бокалу с такой целеустремленностью, словно ему предстояло совершить нечто такое, что выполнимо лишь после принятия определенной дозы. Тони, перешедший на фруктовую воду, с опаской наблюдал за отцом, надеясь, что ему удастся смотаться раньше, чем Оливер вырубится окончательно. Второзаконие, вспомнил он, запрещает отцам представлять перед сыновьями обнаженными, но писали его до изобретения виски.

Оливер ел шумно, торопливо, хватая слишком большие куски.

— Лучший бифштекс в Нью-Йорке, — сказал он. — Они готовят его на оливковом масле. Итальянцы. Не верь тому, что говорят об итальянцах. Чертовски славные ребята.

Он уронил салат на форму и тут же смахнул его на пол; на кителе осталось пятно. Тони вспомнил, что в детстве его раздражало стремление Оливера приучить сына к аккуратности за столом.

Оливер некоторое время ел молча, бифштекс ему нравился, он удовлетворенно кивал головой; он словно куда-то спешил, выпивая сразу полбокала виски, мешая в рту спиртное и пищу. Он тщательно пережевывал мясо, негромко щелкая челюстями. Внезапно он отложил вилку в сторону.

— Не смотри на меня, — резко произнес он. — Я никому не позволю так смотреть на меня.

— Я не гляжу на тебя, — Тони смутился.

— Не обманывай, — сказал Оливер. — Если хочешь выразить свое неодобрение, отложи на другой раз. Понял?

— Да, папа, — промолвил Тони.

— Грубое, неопрятное животное, — мрачно произнес Оливер, — рвущее с костей кровавое мясо.

Он сердито посмотрел на Тони, потом протянул руку и мягко коснулся плеча сына.

— Извини, — сказал он. — У меня сегодня поганое настроение. Не обращай внимания. Последний вечер...

Он не закончил фразу.

— Написал бы ты когда-нибудь подробный отчет. «Мое представление об отце».

Он улыбнулся.

— «Отец пьяный, трезвый и непонятный». Что-то в этом роде. Без прикрас. Принесло бы пользу нам обоим. Может, во время нашей следующей встречи ты смотрел бы на меня без этой недосказанности во взгляде. Господи, какой же у тебя несчастный вид. Будь у тебя здоровые глаза, в армию тебя все равно бы не взяли. Ты заразил бы своей меланхолией весь полк. В чем дело? В чем дело? А, можешь не говорить.

Он рассеянно огляделся по сторонам.

— Лучше бы мы пошли на музыкальную комедию. Я запомнил бы страну танцующей и поющей. Только все билеты уже проданы. Ты что-нибудь хочешь сказать?

— Нет,— ответил Тони, надеясь, что за соседним столиком их не слышат.

— Тобо нечего сказать В тринадцать лет ты произнес речь, потрясшую слушателей блеском и глубиной, после чего умолк навеки. Смотри, тебе улыбается та девушка...

— Кто? — удивленно произнес Тони.

Оливер махнул рукой в сторону выхода.

— Девушка сержанта,— уточнил он.— Она направляется в туалет и сигналит тебе, как матрос, забравшийся на мачту.

Элизабет стояла возле дверей; улыбаясь, она пальчиком манила к себе Тони. Зал имел Г-образную форму, и сержант, сидя за стеной, не видел девушку. Он ссутулился на стуле и угрюмо жевал ломоть хлеба.

— Извини,— сказал Тони, радуясь возможности встать из-за стола.— Я на минутку.

— Не торопись из-за меня,— сказал Оливер сыну.— Мы не отпьем, пока ветер не переменится.

Тони подошел к Элизабет, она засмеялась и вытащила его в маленький вестибюль.

— Хочешь развлечься? — спросила она.

— А как же сержант? — поинтересовался Тони.

— У него увольнительная только до одиннадцати,— небрежно объяснила Элизабет.— От папочки отделаться сможешь?

— Ради тебя пойду на все,— решительно заявил Тони. Элизабет снова усмехнулась.

— Отцы совсем совесть потеряли,— сказала она.

— Верно,— согласился Тони.

— А твой-то с виду ничего, симпатяга,— сказала она.— Особенно в кителе.

— Это уж точно,— подтвердил Тони.

— Встречаемся на Виллидж?

— Идет.

— В четверть двенадцатого, в «21». Отпразднуем,— сказала она.

— Что именно?

— То, что мы оба — штатские,— пояснила Элизабет. Она с улыбкой вытолкнула его из вестибюля.

— Ступай к своему папочке.

Тони вернулся к столику, настроение у него поднялось. Хоть часть вечера спасена.

— Когда ты с ней встречаешься? — спросил Оливер, когда Тони сел.

— Завтра,— сказал Тони.

— Не вводи армию в заблуждение,— сказал Оливер.

Он грустно улыбнулся и взглянул на дверь, за которой скрылась Элизабет.

— Сколько ей лет? Двадцать?

— Восемнадцать.

— Они начинают все раньше и раньше, правда? — заметил Оливер.— Бедняга сержант.

Оливер посмотрел в сторону сержанта, сидящего у стены, и безжалостно засмеялся.

— Накормил девицу пятидолларовым бифштексом и тут же отдал ее симпатичному парню, с которым она стояла возле туалета.

Оливер, откинувшись на спинку стула, пристально изучал сына. Дотянуть бы до одиннадцати с четвертью, думал Тони.

— Легко у тебя получается, а? — спросил Оливер.— Готов поспорить, они сами вешаются тебе на шею.

— Пожалуйста, папа.

— Не будь неблагодарным,— вяло сказал Оливер.— Возможно, красота — самая большая ценность в этом мире. У тебя еще все впереди. Ты должен пользоваться своей внешностью. Меня тоже природа не обделила, но до тебя мне далеко. Женщинам удавалось не терять голову в моем присутствии. Когда станешь старше, напиши мне. Я всегда хотел знать, как это здорово — иметь абсолютный успех.

— Ты пьян,— сказал Тони.

— Конечно.

Оливер кивнул головой, охотно соглашаясь с сыном.

— Но ты мог бы быть более вежлив с отцом, уходящим на войну. Во времена моей молодости, еще до «сухого закона», отцам никогда не говорили, что они пьяны. Теперь другой век. Да,— продолжал Оливер,— в наследство от матери тебе досталась...

— Пожалуйста, прекрати, папа,— попросил Тони.— Выпей кофе.

— Она была красавицей,— громко заявил Оливер, пользуясь прошедшим временем, словно речь шла о ком-то, кого он знал пятьдесят лет назад.— Она появлялась в комнате, и все поворачивали головы в ее сторону. Она входила скромно, словно боялась чего-то, стараясь остаться незамеченной, но результат достигался прямо противоположный. Она всегда привлекала внимание. В ней таился страх... Странно слышать это о твоей матери, да?

Он посмотрел на Тони.

— Да? — с вызовом повторил он.

— Не знаю.

— Страх. Долгий, многолетний страх.

Теперь Оливер произносил слова почти нараспев. Люди за соседними столиками притихли, слушая его.

— Да, многолетний. Я посмеивался над Люси. Твердил ей, что она красавица, желая помочь ей обрести уверенность в себе... Во мне самом этого чувства было хоть отбавляй, я мог им поделиться без ущерба для себя. Уверенность в себе... У тебя ее хватает, и я рад этому. А знаешь, чем она питается?

Оливер воинственно подался вперед.

— Ты всех ненавидишь,— сказал он.— Это здорово, это большая удача — уметь всех ненавидеть в двадцать лет. Ты далеко пойдешь. Если только Нью-Йорк не разбомбят.

Он обвел свирепым взглядом ближайшие столики, и притихшие посетители снова заговорили друг с другом.

— Вот смех бы вышел,— сказал Оливер.— Вот тот толстяк произносит: «Мне, пожалуйста, слегка недожаренный», и на голову ему обваливается потолок. Господи, хотел бы я увидеть это своими глазами.

Он резко отодвинул тарелку.

— Ты хочешь сыр?

— Нет.

— А я хочу,— сказал Оливер.— Хочу все попробовать.

Он жестом подозвал официанта, но вместо сыра снова попросил виски.

— Папа... — запротестовал Тони.— Не усердствуй.

Оливер нетерпеливо, но добродушно махнул рукой.

— Перестань,— сказал он.— Я упростил свои вкусы. Какая чепуха — коктейли до обеда, вина двух сортов, потом бренди... Мы живем в состоянии боевой готовности. Простота и порядок — веление времени. Даже армия это поняла. Простые дивизии. Командование отказалось от бригад, как я — от вин и ликеров. Важный шаг в направлении победы. Не смотри на меня осуждающе. Я хочу до отъезда сказать тебе пару вещей. Первое — не смотри на меня с осуждением. Это так... банально.

На лице Оливера отразилось удовлетворение от точно подобранного слова.

— Ты для этого слишком умен. Будь более оригинальным. Люби своего отца. Что может быть оригинальнее в наше время, в твои годы? О тебе заговорят ученые. Новое в психологии. Самое значительное после теории Фрейда. Комплекс Корделли.

Он засмеялся, довольный своим остроумием.

Тони сидел, уставившись на скатерть, он гадал, когда кончится этот неожиданный бредовый монолог, с тоской вспоминая прежние суховатые встречи с отцом, неизменно вежливым и смущенно-сдержанным, с трудом подыскивающим тему для разговора.

— Взять, к примеру, моего отца,— не унимался Оливер.— Он убил себя. В год твоего рождения. Он зашел в океан возле Уотч-Хилл и утонул. Это место пользовалось тогда популярностью среди самоубийц, хотя слух о самоубийстве не говорили, считалось, что его схватила судорога. Возможно, он поймал мой взгляд и сказал себе: «Довольно — час пробил». Тело так и не нашли. Наверно, и поныне носится где-то в Атлантике. Страховку получили солидную. День был ветреный, в океане штормило. Отец придавал значение внешней стороне любого дела. Эта семейная черта, похоже, передалась и его внуку. У тебя есть гипотеза, почему твой дед утопил себя возле Уотч-Хилл, в 1924 году?

Тони вздохнул.

— Папа, мне завтра рано вставать, да и у тебя, наверно, день нелегкий... Не пора ли нам домой?

— Домой,— произнес Оливер.— Мой дом — номер 934 в гостинице «Шелтон» на Легсингтон-авеню, но с тобой я готов пойти даже туда.

— Я отвезу тебя на такси,— сказал Тони,— и оставлю там.

— О, нет.

Оливер с хитрым видом потер пальцем нос.

— Не пройдет. На это я не согласен. Мне еще надо много поговорить с тобой, мой мальчик. Может, я исчезну на тридцать лет, мы должны составить план действий. Последние наставления Одиссея Телемаху. Заботься о матери и не спускай глаз с гостей.

Он усмехнулся.

— Теперь я простой солдат, но во мне еще живы воспоминания о прежней, более приятной жизни.

Тони бросил взгляд на часы. Они показывали пятнадцать минут одиннадцатого. Он посмотрел на Элизабет. Девушка и сержант уже пили кофе.

— Не волнуйся,— сказал Оливер.— Она тебя обождет. Идем.

Он поднялся. Стул его закачался и едва не упал, но Оливер этого не заметил. Он оплатил счет. Элизабет проводила их улыбкой; лицо Тони выражало обещание не опоздать на свидание.

Когда они вышли из лифта на девятом этаже, Тони открыл дверь номера, потому что Оливер не мог попасть ключом в замочную скважину, и зажег в комнате свет. Номер был тесный, неприбранный, под ногами валялся раскрытый чемодан, на кровати лежал плащ защитного цвета, на столе — кипа отглаженных гимнастеров из прачечной и пачка газет.

— Вот мы и дома,— сказал Оливер.— Устраивайся поудобнее.

Не снимая фуражки и шинели, он прошел к шкафу, выдвинул ящик и извлек из него бутылку виски.

— Удивительный отель,— сказал он, подняв бутылку на уровень глаз, чтобы проверить, не уменьшилось ли ее содержимое.— Горничные здесь непьющие.

Он удалился в ванную, чтобы налить воду в бокал. Тони шагнул к окну и раздвинул занавески. Он увидел двор, окруженный стенами; все окна были плотно зашторены. Над крышами чернело небо.

Оливер вернулся с бокалом; он плеснул в него виски. Потом плюхнулся в кресло и застыл в нем, держа бокал обеими руками; Оливер напомнил сейчас стареющего солдата, вернувшегося с проигранного сражения, вся его поза выражала усталость и отчаяние.

— Господи,— произнес он,— о, господи.

За дверью, на лестничной клетке, глухо и зловеще гремел в шахте лифт.

— Сыи,— пробормотал Оливер.— Почему мужчина заводит сына? Обычно люди не задают себе таких вопросов.

Если у тебя все в порядке и каждый вечер ты садишься с ним обедать, а изредка, когда он плохо себя ведет, даешь ему оплеуху, ты принимаешь его существование как нечто само собой разумеющееся. Дети есть у всех. Но если твой мир рушится, гибнет, разрывается на части, — он с горестным наслаждением подбирает слова, — тогда другое дело. Другое дело. Ты спрашиваешь себя, — продолжал Оливер, отхлебнув виски, — почему я пошел на это? Зачем мне это понадобилось? Хочешь меня послушать? Тебе интересно, что я себе ответил?

Тони отошел от окна, приблизился к креслу и встал перед отцом.

— Помочь тебе раздеться и лечь в постель? — спросил он Оливера.

— Я не желаю ложиться в постель, — сказал Оливер. — Хочу поговорить с тобой о сыновьях. Кто знает — в один прекрасный день у тебя тоже может появиться сын, и ты сам заинтересуешься этим вопросом. Человек заводит сына, чтобы освежить свой оптимизм. Ты достигаешь определенного возраста, скажем, двадцати пяти или тридцати лет, это зависит от твоего интеллекта, и говоришь себе: «Все бессмысленно». Все кажется повторением уже пережитого, только краски с каждым годом тускнеют. Если ты религиозен, ты думаешь: «Наша цель — смерть. Аллилуйя, я слышу, как настраивают золоченые арфы, моя душа готовится к вечности». Но если ты не веришь в бога, что тебе остается? Чековая книжка, счета, подлежащие оплате, угасание страсти, обсуждение обеденного меню и списка гостей — и так день за днем, месяц за месяцем. Представь себе пассажиров вечернего шестичасового поезда, возвращающихся к себе домой, — общего заряда их скуки, сконцентрированной в одном месте, хватает на то, чтобы смести с лица земли город средних размеров. Скука. Начало и конец пессимизма. И тут появляется ребенок. Маленькому мальчику певедом пессимизм. Ты наблюдаешь за ним, слушаешь его; он постоянно находится в движении. Двигаясь, он растет, чувствует, развивается. Какой-то голос нашептывает ему, что есть смысл в том, чтобы расти, учиться разговаривать, есть ложкой, пользоваться туалетом, читать, бороться, любить... На гребне волны он песется вперед — во всяком случае, ребенку кажется, что вперед, и ему не приходит в голову оглянуться назад и спросить: «Что толкает меня? Куда я мчусь?» Ты глядишь на сына и думаешь — в природе человека заложена вера в ценность жизни. Когда твой отец уходит в пучину океана, эта вера

подвергается серьезному испытанию. Когда тебе было три года, я смотрел, как ты надеваешь носки и ботинки, стараясь изо всех сил, и не мог удержаться от смеха. Сидя в твоей комнате с твоими ровесниками, я хохотал, как сельский житель, впервые попавший в црк, я был на одной волне с тобой, я заряжался твоим оптимизмом. Я испытывал к тебе благодарность, дорожил тобою. А теперь...

Оливер отпил виски и посмотрел на Тони из-за края бокала.

— Теперь я не дорожу тобой. Все то же самое. Я вижу разочарованного человека, похожего на меня в молодости; он напомнил мне о красивой женщине, на которой мне выпало жениться, и о том, как мы все погубили...

— Отец, — с болью в голосе произнес Тони, — не надо об этом.

— Надо, — пробормотал в бокал Оливер. — Конечно, надо. Последняя воля, завещание. С дороги на войну. Война — тоже выход. Потерял сына — иди на войну. Еще одна волна. Нет времени оглянуться назад и спросить — кто меня толкает? Куда я иду? Иллюзия цели, свершения. Возьми город. Не спрашивай, что это за город. Не спрашивай, кто его жители. Не спрашивай, что они будут делать после твоего ухода. Не спрашивай, нужно ли его брать. Надейся, что война продлится достаточно долго, запас городов не иссякнет, и тебе не придется возвращаться...

— На трезвую голову ты не говорил бы подобные вещи, — сказал Тони.

— Да? Возможно.

Оливер усмехнулся.

— Значит, я не зря напился. Ты этого не помнишь, но когда-то я был о себе высокого мнения. Считал, что господь не обделил меня интеллектом, находчивостью и остроумием. О чем бы меня ни спросили, на все имел готовый ответ, который незамедлительно высказывал из моих уст. Я был непоколебим, как Соединенные Штаты, не ведал сомнений; верил в важность моей работы, в прочность нашего брака, в преданность близких, в то, что правильно воспитываю сына. Я смотрел на мир широко раскрытыми глазами лунатика. Я — порождение крепкой семьи и своего отца-самоубийцы. За спиной у меня стояли достаток, хороший колледж, первоклассный портной, и даже молния, казалось, не могла причинить мне вреда, попади она прямо в мою голову. И вдруг за какую-то четверть часа, проведенную на маленьком курорте у озера, все рухнуло. Конечно, я припал ошибочное решение. Но, возможно, единст-

пенно верным решением было бы подвесить тебя за ноги или утопить в озере, но мое социальное положение не позволяло мне сделать это. В Вермонте не поняли бы новоявленного Абраама. А вышло так, что я воцпил нож в самого себя; ты, конечно, не согласишься со мной, ну и бог с тобой,— воинственно добавил Оливер.— Сильно ли ты пострадал? Ты покинул родительский дом темного ранше, чем другие юноши, несколько праздников провел в одиночестве, только и всего.

— Разумеется,— с горечью сказал Тони, думая о последних семи годах своей жизни.— Только и всего.

— Что же касается меня,— продолжал Оливер, не слушая сына,— я стал медленно превращаться в покойника. Позже, оглядываясь назад с сознанием собственной вины, я говорил себе, что свою роль тут сыграла чувственность. Может, так оно и было. Только она быстро истощилась. Конечно, некоторое время мы продолжали притворяться, брак требует определенной вежливости в этой сфере, но между нами стояло слишком многое, и в конце концов все прекратилось само собой.

— Я не желаю об этом слышать.

— Почему? Тебе уже двадцать лет,— сказал Оливер.— По слухам, ты становишься первым жеребцом колледжа. Девственниц среди нас нет — можно называть вещи своими именами. Узнай своего отца и свою мать. Если не можешь чтить их, хотя бы узнай. Это, конечно, не так уж много, но все же кое-что. Война снова сделала меня мужчиной. В Колумбусе, штат Северная Каролина, я завел роман с официанткой. В решающий момент взял верх над уорент-офицером и двумя капитанами из административно-строевого управления. В тот уикэнд стояла жара, девушки ходили без чулок. Ты мой исповедник, а моя любимая исповедальня находится на девятом этаже «Шелтона».

— Я ухожу,— Тони направился к двери.— Береги себя, сообщц, куда тебе можно писать...

— Выпьем за отпущение грехов,— сказал Оливер.— Три глотка виски. Куда делась бутылка? — раздраженно проворчал он.— Куда она, черт возьми, запропастилась?

Он пошарил рукой по полу возле кресла, нащупал бутылку и налил себе треть бокала. Потом опустил бутылку, прикрыл один глаз, как стрелок, и запустил пробкой в корзину для бумаг.

— Два очка,— с удовлетворением сказал он.— Ты знал, что в молодости я считался хорошим спортсменом? Мог бегать целый день, да и на первой базе играл неплохо, хотя

там обычно отличаюся левши. Я гордился сильным ударом, хотя мне недоставало стабильности, это меня и подводило. В детстве я мечтал прославиться на поле брани, потому что мой двоюродный дедушка погиб на гражданской войне, но первая мировая избавила меня от иллюзий. Первые шесть месяцев я провел в Бордо и единственный раз услышал выстрелы, когда военная полиция схватила двух сенегальцев, разбивших витрину винного магазина на площади Гамбетты. Не уходи еще, — взмолился Оливер. — Когда-нибудь твой сын попросит тебя рассказать ему о важнейших событиях из истории нашей семьи, и ты пожалеешь о том, что не задержался на пять минут, чтобы послушать фамильные предания. На нашем гербе начертаны три великих слова: Самоубийство, Крах и Измена; хотел бы я посмотреть на полнокровную американскую семью, которую эти несчастья обошли стороной.

— Ты сейчас сам не соображаешь, что несешь, — сказал Тони, не отходя от двери. — Ты потерял разум.

— За это меня следует отдать под трибунал, — серьезно сказал Оливер, сидя в кресле. — Будь же снисходителен.

Тони открыл дверь.

— Постой, — закричал Оливер.

Покачиваясь с бокалом в руке, он выбрался из кресла.

— Я должен тебе кое-что сказать. Закрой дверь. Еще пять минут.

Его лицо исказила гримаса боли.

— Извини. У меня был тяжелый день. Закрой дверь. Я больше не пью. Смотри...

Дрожащей рукой он поставил бокал на стол.

— Нешуточная жертва. Послушай, Тони, — упрашивал он, безвольно покачивая головой из стороны в сторону. — Закрой дверь. Не оставляй меня одного еще немного. Завтра я покину страну, и ты освободишься от меня бог знает на какой срок. Удели мне еще пять минут. Пожалуйста, Тони, я не хочу сейчас оставаться один.

Тони неохотно закрыл дверь. Он вернулся в комнату и сел на кровать.

— Ну вот, — сказал Оливер. — Добрый мальчик. По правде говоря, сегодня я напился из-за тебя. Не улыбайся. Ты меня знаешь — я не алкоголик. Мне столько всего надо было тебе сказать — а мы уже давно не могли найти общего языка... Эти проклятые обиды...

Он потрянул головой.

— Прежде всего я хочу попросить прощения.

— О, господи.

Тони обхватил руками голову.

— Не сейчас.

Оливер стоял над ним, слегка пошатываясь.

— Мы привесли тебя в жертву. Я признаю. Тогда нам казалось, что цель того стоит. Откуда нам было знать, что цель окажется недолговечной? Если ты жаждешь отпущения, посмотри на меня — ты его уже получил.

— Мне ничего не надо, — сказал Тони. — Я не хочу мстить.

— Ты говоришь правду? — с надеждой спросил Оливер.

— Да.

— Спасибо, сын.

Внезапно Оливер вцепился обеими руками в кисть Тони и энергично ее затряс.

— Спасибо, спасибо.

— Это все, что ты хотел сказать?

Тони посмотрел на отца, подняв голову; Оливер, шатаясь, склонился над сыном, глаза его совсем помутнели.

— Нет, нет.

Оливер опустил руки и быстро заговорил, словно опасаясь, что если он умолкнет хоть на мгновение, Тони немедленно уйдет и оставит его одного.

— Я же сказал, у меня есть кое-что для тебя.

Он подошел к раскрытому чемодану, опустился перед ним, ударившись коленями о пол, и начал ворошить его содержимое.

— Я давно собирался сделать тебе подарок. Ждал подходящего случая... Вот...

Он извлек небольшой сверток, обтянутый резинкой. Не вставая с колен, Оливер неловко сорвал бумагу и бросил ее на пол. В руках у него были старинные золотые часы.

— Это часы моего отца, — сказал он. — Чистое золото. Я всегда носил их как талисман, приносящий удачу, хотя больше любил наручные часы. Он подарил их мне за две недели до смерти. Чистое золото, — повторил Оливер, разглядывая часы; он медленно поворачивал их дрожащей рукой. — «Уолтхэм». Им больше сорока лет, но время показывают исключительно точно.

Он поднялся с колен и шагнул к сыну, любуясь часами.

— Тебе, конечно, не обязательно носить их, они ужасно несовременные; держи их где-нибудь в ящике стола.

Он протянул часы сыну, но Тони стоял не двигаясь.

— Почему тебе не оставить их у себя? — сказал Тони, охваченный суеверным предчувствием. — Если они приносили тебе удачу.

— Удачу, — горестно усмехнулся Оливер. — Сохрани их для меня. Может тогда мне повезет больше. Пожалуйста.

Тони не спеша протянул руку, и Оливер опустил часы на его ладонь. Массивные, украшенные замысловатым узором, с римскими цифрами на слегка пожелтевшем циферблате, они оказались удивительно тяжелыми. Посмотрев на них, Тони заметил, что пошел двенадцатый час. Черт возьми, подумал он, я упущу Элизабет. Она никогда не ждет.

— Спасибо, — сказал он. — Я передам их своему сыну, когда придет срок.

Оливер взволнованно улыбнулся.

— Да, — сказал он. — Обязательно.

Тони спрятал часы в карман и встал.

— Ну... — произнес он.

— Обожди, — сказал Оливер. — Есть еще одно дело.

— Какое?

Тони старался скрыть раздражение, которое вызывали у него отец, этот вечер, жалкая неприбранная комната.

— Обожди.

Оливер сделал интригующий жест и направился к телефону. Он присел на кровать, так и не сняв фуражку и шинель, поднял трубку.

— Ориндж 7654, — произнес он. — Это в Нью-Джерси.

— Кому ты звонишь? — настороженно спросил Тони.

— Да, да, — сказал Оливер в трубку, — Ориндж. Он вернулся к Тони, не отнимая трубки от уха.

— Ты знал, что мы перебрались в Нью-Джерси?

— Да, — ответил Тони.

— Ну конечно. Ты же там был. День благодарения. Остаться в Хартфорде показалось непрактичным. Все вышло к лучшему. Та типография устарела, я приобрел в Нью-Джерси новую и значительно расширил производство. Переезд сделал меня богатым человеком.

Он засмеялся.

— Романтика предпринимательства, — сказал он. — Я даже мог позволить себе проявить патриотизм и уйти в армию по зову Родины.

— Кому ты звонишь? — спросил Тони.

— Твоей матери.

Лицо у Оливера было напряженное, он, похоже, еле сдерживал слезы, хотя, возможно, причиной тому являлось выпитое виски; глаза его о чем-то молили.

— Послушай,— сказал Тони.— Какой в этом смысл?

— По случаю прощального вечера,— пояснил Оливер.— Мы только поздороваемся с ней. Кому это принесет вред?

Тони пожал плечами.

— О'кей,— устало согласился он.

— Ну и чудесно,— счастливо произнес Оливер.— Она просто обалдеет.

Ну и язык у отца, подумал Тони.

— Подойди сюда.

Оливер энергично замахал рукой.

— Возьми трубку. Сначала поговори ты. Иди, иди.

Тони, приблизившись к аппарату, поднес трубку к уху. Он услышал длинные гудки. Отец стоял рядом, от него несло спиртным; он часто дышал, как после пробежки. Гудки продолжались.

— Спит, наверно,— с беспокойством произнес Оливер.— Не просыпается.

Тони молча слушал гудки.

— Может, она принимает ванну,— предположил Оливер,— Вода шумит, и она не слышит звонков...

— Не отвечает,— сказал Тони; он собрался положить трубку, но Оливер вырвал ее из рук сына и приложил к своему уху, словно не доверяя ему.

Они стояли, не двигаясь; в тиши номера зуммер звучал поразительно громко.

— Похоже, она ушла в кино,— сказал Оливер.— Или играть в бридж. Она обожает бридж. А может, заработалась допоздна. Она упорно трудится...

— Положи трубку,— сказал Тони.— Ее нет дома.

— Еще пять гудков.

Они прождали еще пять гудков, и Оливер опустил трубку. Он застыл, уставившись на телефон, лежащий на ветхом, с винными пятнами, покрывале, прожженном в нескольких местах сигаретой.

— Жаль,— тихо сказал он, качая головой и не отводя глаз от телефона.— Правда, очень жаль?

— Спокойной ночи, отец.

Оливер не отреагировал. Он смотрел на аппарат серьезно, задумчиво, отчужденно, хотя и без большой печали.

— Я говорю — спокойной ночи, отец.

Оливер поднял голову.

— Ах да,— произнес он упавшим голосом и протянул сыну руку; Тони вяло пожал ее.

— Ну,— выдавил из себя Тони, чувствуя себя неловко

оттого, что ему приходится провожать отца на войну, а по наоборот.— Удачи тебе.

— Конечно, конечно, сын,— пробормотал Оливер и едва заметно улыбнулся.— Славный был вечер.

Тони пристально посмотрел на отца, но Оливеру, похоже, больше нечего было сказать. Казалось, он исчерпал интерес к сыну. Тони шагнул к двери и вышел, оставив отца возле телефона.

Он добрался на такси до бара, надеясь, что Элизабет еще не ушла. Когда он вошел в заведение, девушки там не было; он решил выпить, обождать четверть часа и уйти, если к тому времени она не появится:

Тони заказал виски, машинально опустил руку в карман и нащупал часы. Он вытащил их и разглядел. Ему казалось, что он прикасается к 1900-му году. Толстяк, стоящий в круге света возле пианино, пел песню «Я люблю жизнь».

Тони перевернул отцовский подарок обратной стороной. В зале было довольно темно; он положил часы на стойку, и на них упал луч лампы, освещающей бутылки. Золото поблескивало замысловатым узором. Сбоку выступал маленький рычажок, Тони нажал его, и крышка поднялась. Увидев фотографию, он склонился, чтобы разглядеть ее получше, и увидел снимок матери, сделанный в годы ранней молодости. Даже со старомодным пучком на голове она была прекрасна; в неярком свете лампы, которой пользовался бармен во время очередного музыкального номера, когда люстры в зале гасли, Тони видел перед собой застенчивые, крупные, честные, улыбающиеся глаза Люси.

Господи, подумал Тони, зачем он это сделал?

Он огляделся по сторонам, подыскивая, куда бы выбросить фотографию, но тут Тони заметил Элизабет, пробирающуюся к нему между столиками. Он захлопнул крышку часов и спрятал их в карман. Потом выкинул, подумал он.

— Негодий, негодий,— зашептала Элизабет, стиснув его руку.— Папочка уже спит?

— Да,— сказал Тони,— непробудным сном.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Автомобиль мчался по дороге мимо отбрасывающих тень деревьев, мимо километровых столбов и щитов с названиями нормандских деревушек. Тони сидел за рулем прямо, он управлял машиной автоматически. Вспоминая

вечер, проведенный когда-то в Нью-Йорке, он понял, что многие годы старался изгнать его из памяти.

Если бы существовал какой-то знак, предупреждавший о том, что ты видишь отца в последний раз, он смог бы найти тогда нужные слова, не спешил бы покинуть хмурый гостиничный номер, боясь опоздать на свидание с восемнадцатилетней девчонкой, приехавшей в город, чтобы сполна насладиться войной.

Он ощущал присутствие матери, сидящей рядом с закрытыми глазами; ветер развеивал свободные концы ее платка. Что бы произошло, куда бы все повернулось, если бы в тот вечер она оказалась дома, подошла бы к телефону, и после слов отца: «Ну и чудесно. Она просто обалдеет», — он услышал бы ее голос?

Сидя на жестком сиденье, погрузившись в полудрему, Люси неслась к незнакомой могиле, не сознавая до конца, что она для нее значит. Люси вспоминала свою последнюю встречу с Оливером. Было три часа утра; она знала, что Оливер встречался вечером с Тони и что он пытался дозвониться — он сам рассказал ей об этом, — в их пустой, холодный дом с гулким эхом. Усталая, разочарованная, Люси не пустила к себе провожавшего ее молодого офицера...

— Нет, — сказала она лейтенанту, поворачивая ключ в скважине, — ко мне пельзя. Уже поздно. Не отпускаяй такси. Будь пай-мальчиком и поезжай обратно. До завтра.

— Я люблю тебя, — промолвил лейтенант.

О, господи, подумала Люси. Он не шутит. Война. Пара тоскливых, судорожных часов, проведенных в дешевом придорожном мотеле с целью поднятия боевого духа вздоравливающего, и вот он уже заявляет, что любит тебя. Зачем я это делаю? — спросила себя обессиленная Люси. В девять часов надо быть в лаборатории. Пора пожалеть и себя.

— Не говори так, — попросила она.

— Почему?

Молодой человек обнял ее и попытался поцеловать.

— Это все усложняет.

Она позволила ему поцеловать себя и оттолкнула.

— Завтра вечером? — произнес он.

— Позвони днем.

— Через три дня меня отправляют, — сказал он умоляюще.

— Хорошо, — согласилась Люси.

— Все было прекрасно, — прошептал лейтенант.

Благодарность, подумала она. Вежливый, хорошо воспитанный мальчик, который не забыл, уходя на войну, прихватить свои манеры.

— Ты уверена, что не хочешь пригласить меня к себе?

Люси, засмеявшись, махнула рукой, лейтенант грустно улыбнулся и сошел вниз по ступенькам к поджидавшему его такси. Опечаленный, одинокий, хрупкий в офицерской шинели, он казался слишком юным и вежливым для того, что его ожидало. Наблюдая за ним, Люси усомнилась в ценности того, что она сделала этим вечером, хотя прежде считала это проявлением благородства и сострадания. Возможно, в конечном счете ему стало еще тоскливее.

Она зажгла свет в холле и направилась к лестнице, мечтая уснуть. Затем Люси, остановившись, принялась. Из гостиной тянуло сигаретным дымом. Надо сказать жепнице, которая приходит убирать, чтобы она не курила во время работы. И тут Люси вспомнила, что женщина приходит дважды в неделю, по понедельникам и четвергам, а сегодня ее не было.

Удивленная Люси прошла в гостиную. В темноте алел огонек сигареты. Кто-то расположился в кресле, стоящем в центре комнаты. Люси включила люстру.

Оливер сидел, не сняв шинели, и смотрел на жену. Последний раз она видела его пять месяцев тому назад. За это время Оливер похудел и состарился. Его глаза запали, на лице появилась печать усталости.

— Оливер, — сказала она.

— Здравствуй, Люси.

Он не поднялся. Его голова была немного наклонена в сторону, он покусывал губы, и Люси догадалась, что он пьян.

— Давно приехал? — спросила она, скинула пальто и бросила его на кресло. Люси смутилась, ей стало страшно. Оливер никогда не приезжал без предупреждения, не напиваясь и не сидел в темноте, о чем-то размышляя, с затаенной угрозой, выкатив кресло прямо напротив двери в гостиную.

— Примерно пару часов тому назад, — ответил он. — Точнее сказать не могу.

Он говорил неторопливым, чуть севшим голосом.

— Я звонил из Нью-Йорка, но тебя не было дома.

— Тебе что-нибудь приготовить? — спросила Люси. — Выпьешь? Сделать бутерброд?

— Я ничего не хочу, — сказал он.

— Ты в отпуске? Надолго?

— Завтра уплываю,— сказал он.— В заморские дали.

— О,— произнесла она и подумала: все уплывают на этой неделе. Вся армия. Если бы не усталость, подумала она, я обязательно испытала бы какие-то чувства.

Она слегка вздрогнула.

— Здесь прохладно,— сказала Люси.— Тебе надо было включить отопление.

— Я не заметил.

Она подошла к терморегулятору, укрепленному на стене, и установила его на 25 градусов. Люси не рассчитывала на то, что воздух быстро нагреется, просто она хотела чем-то себя занять, чтобы спрятаться от пристального, изучающего взгляда мужа.

— Я проголодалась,— объявила она.— Пойду посмотрю, что есть в холодильнике. Ты точно ничего не хочешь?

— Да,— сказал он, потушив сигарету о пепельницу, стоящую на подлокотнике кресла, и посмотрела вслед Люси.

Не зная, что ей делать на кухне, она долго рассматривала содержимое холодильника; Люси не хотелось возвращаться в гостиную к Оливеру и она злилась на себя за свой страх перед ним. Интересно, останется ли он почевать дома, и если останется, пожелает ли спать в одной кровати с ней, подумала Люси. До его ухода в армию они завели две спальни, и порой Оливер длительное время не прикасался к жене. Затем внезапно, без видимых причин и шагов с ее стороны, он проводил с ней несколько ночей подряд. Он становился страстным, почти как в первые дни их брака, но Люси чувствовала, что к его желанию и радости примешивается скрытая печаль и горечь.

С тех пор, как он поступил на военную службу, она не раз просила у него разрешения навещать его в различных лагерях, но Оливер отказывал, ссылаясь на важность ее собственной работы. Он добросовестно отправлял ей каждую неделю нежные письма, напоминавшие гораздо больше о том воспитанном и уверенном в себе человеке, каким он был в первые годы их совместной жизни, чем о мрачном бизнесмене с отсутствующим взглядом, каким он стал после отъезда из Хартфорда.

После того Дня благодарения, когда Оливер привез Тони домой, Люси иногда подумывала об уходе от мужа. Если бы Люси могла убедить себя в том, что любит кого-то из знакомых ей мужчин, она попросила бы у Оливера развода.

Потом началась война, и Оливер уехал. Он был слишком стар для службы в армии, и Люси знала — он сделал это, чтобы расстаться с ней и уйти от постоянной, неразрешимой проблемы, которую она представляла для него; Люси не совершала серьезных шагов, откладывая принятие решения до конца войны.

Стоя перед раскрытым холодильником с почти пустыми полками, она вздохнула, вернувшись к этим мыслям. Наша жизнь мало похожа на семейную, подумала Люси, но все же это семья. Возможно, она не хуже многих других.

В холодильнике лежали бутылки с пивом и кусок швейцарского сыра. Люси мучила жажда, ей хотелось выпить пива, но она налила себе стакан молока. Прихватив пачку сухого печенья, она направилась в гостиную. Пусть перед отъездом на фронт он запомнит ее по-девически невинно пьющей молоко в три часа утра, подумала Люси; маленькая уловка позабавила ее.

Оливер сидел на прежнем месте, уставившись на ковер, с новой сигаретой, свисающей изо рта, и поднятым до ушей воротом шинели.

Люси опустила на диван, поставив молоко и печенье на журнальный столик. Профиль мужа показался ей более резким, чем обычно, лицо его осунулось.

— Ты мог бы предупредить меня о своем приезде, — заметила она, потягивая молоко.

— Я не собирался приезжать, — сказал Оливер. — Я был в Нью-Йорке только один вечер и провел его с Тони.

Он говорил тихим, немного охрипшим голосом, словно недавно ему пришлось подавать команды на холодном воздухе.

— Как у него дела? — спросила Люси, почувствовав, что Оливер ждет этого вопроса.

— Неважно, — сказал он. — Очень неважно.

Она промолчала — ответить тут было нечего. Люси сковапно сидела на краю дивана, разглядывая утомленный, чеканный, как на монете, профиль Оливера, на который надал свет от люстры; в его словах о сыне Люси услышала двойной упрек, адресованный им обоим.

Он медленно повернул голову и пристально, изучающе посмотрел на Люси.

— Какое красивое платье, — неожиданно сказал он. — Я его раньше видел?

— Да, — ответила она.

— Ты сама его выбирала?

— Да.

Он одобрительно кивнул.

— Ты всегда была эффектной жепщиной,— сказал он,— только носила неподходящие вещи. Недооценивала себя. Теперь ты научилась одеваться. Это хорошо.

Он откинул голову на спинку кресла и замолчал. Дыхание его стало тихим, ровным, и Люси показалось, что он засыпает.

— Мы с Тони звонили тебе из Нью-Йорка,— внезапно нарушил тишину его голос.— Он хотел поговорить с тобой. Наверно, он приехал бы сюда вместе со мной, если бы мы застали тебя.

— Извини,— еле слышно произнесла она.

— Почему ты не могла посидеть дома в этот вечер? — сказал Оливер.

Он встал и посмотрел на жену; массивная фигура в измятой офицерской шинели возвышалась над Люси.

— Где ты была? — спросил Оливер спокойным, приглушенным голосом.

Люси заставила себя посмотреть мужу в глаза, изобразив на лице искренность.

— Я уходила,— сказала она.— Я была занята.

— Ах, занята,— с дружелюбием пьяного повторил Оливер.

Он понимающе кивнул.

— Чем же именно?

— Оливер, будь благоразумен,— сказала Люси.— Если бы я знала, что ты позвонишь, то обязательно осталась бы дома. Тебе просто не повезло...

— Просто не повезло,— сказал он, засунув руки в карманы и опустив подбородок на грудь.— Я устал от везенья. Когда же начнется везенье? Я тебя спросил — чем именно?

— Я обедала,— ответила Люси.— С молодым лейтенантом из госпиталя, летчиком.

— Обедала с летчиком,— сказал Оливер.— Медленно же ты ешь. Вы расстались только в три часа ночи у твоей двери. Что еще ты делала?

— Послушай, Оливер...— произнесла Люси, вставая с дивана.

— Что еще ты делала? — бесстрастно повторил Оливер.— Вы занимались любовью?

Люси вздохнула.

— Ты действительно хочешь это знать?

— Да.

— Да, занимались.

Оливер добродушно кивнул.

— Первый раз?

Люси сначала собралась соврать, но потом передумала.

— Нет,— сказала она.

— Ты его любишь?

— Нет.

— Но тебе нравится спать с ним?

— Если честно — нет.

— Если честно — нет,— задумчиво повторил Оливер.—

Тогда зачем это тебе?

Люси пожала плечами.

— Его ранило в Африке. Сильно. Он боится возвращаться на фронт...

— А, понимаю,— рассудительным тоном произнес Оливер.— Проявление патриотизма.

— Не смейся надо мной, Оливер,— сказала Люси.— Я его пожалела. Это можно понять? Совсем юный, раненый, испуганный человек. Это имело для него большое значение...

— Конечно, я понимаю,— вкрадчиво сказал Оливер.— Сейчас в госпиталях сотни юных, искалеченных, перепуганных парней. Я, разумеется, не юн и не напуган. Но меня можно отнести к разряду искалеченных. Ты ляжешь со мной в постель?

— Оливер...

Люси шагнула к двери.

— Ты сейчас не способен вести серьезный разговор. Я иду спать. Если ты пожелаешь, утром я отвечу на все вопросы.

Оливер жестом остановил ее.

— Утром меня здесь уже не будет. Для такого разговора мое состояние самое подходящее. Я пьян, но мне все равно не заснуть, а завтра я буду в пути. Когда человек отирается на войну, он хочет напоследок привести свои дела в порядок. Завещание, память о прошлом, отношения с женой. Скажи мне,— равнодушно спросил он,— были и другие?

Люси вздохнула.

— Когда-то давно,— произнесла она,— я сказала, что не собираюсь больше лгать тебе, Оливер.

— Об этом я тебя и прошу,— сказал он.— Хочу перед отъездом узнать всю правду.

— Да, были и другие. Что еще?

— Когда ты оставалась ночевать в городе после театра,— сказал Оливер,— дело было не в твоём нежелании

схвать одной в вечернем поезде?

— Да.

— Ты любила кого-нибудь из них?

Оливер, приблизившись на шаг к жене, внимательно посмотрел на нее.

— Нет.

— Это правда?

— К сожалению, да,— сказала Люси.

— Почему?

— Вероятно, потому, что я не способна любить,— сказала Люси.— А может, потому, что любила тебя. Не знаю.

— Тогда почему ты это делаешь? — спросил Оливер, преграждая ей путь к двери.— Зачем это тебе нужно, черт возьми?

— Возможно, таким путем я становлюсь более значительной в собственных глазах. С юности мне недоставало ощущения моей значимости. Или от пустоты в душе. Каждый раз в течение нескольких минут я чувствую свою важность, кажусь себе тайной, которую необходимо разгадать. Вероятно, я разочаровалась в тебе и Тони. А может, причина в том, что я сознаю свою никчемность. Или в том, что моя мать однажды в детстве оставила меня на целую ночь одну.

Она пожала плечами.

— А может, просто так теперь принято. Не знаю. Сейчас я хочу спать.

Она сделала шаг в сторону двери.

— Еще один вопрос,— тихим упавшим голосом произнес Оливер.— Ты собираешься продолжать в том же духе?

— Наверно,— устало ответила Люси.— Должна же я найти ответ.

Они посмотрели друг на друга. Люси держалась вызывающе прямо, Оливер чуть ссутулился, у него был задумчивый вид, он так и не снял свою длинную помятую шинель.

— Скажи мне, Люси,— произнес он с грустью в голосе, словно прощаясь,— ты счастлива?

— Нет,— ответила она.

— Это непростительно,— сказал Оливер,— быть несчастливой.

Он приблизился к ней с опущенными руками, вглядываясь в ее черты, изучая их.

— Ты мерзкая, развратная женщина,— тихо произнес Оливер и ударил ее — наотмашь, кулаком, как мужчину.

Люси отлетела к стене. Она не заплакала, не подняла руки, пытаясь защититься. Она стояла не сгибаясь, прижавшись к стене, и смотрела Оливеру прямо в глаза. Он вздохнул, сделал шаг в сторону жены, снова сильно ударил ее, наказывая их обоих.

Люси почувствовала вкус крови на губах, огоньки люстры заплясали перед глазами, но и теперь она не попыталась защититься. Она стояла с гордо поднятым подбородком и окровавленным ртом, равнодушно глядя на Оливера. Он никогда прежде не бил ее, но эти удары не удивили Люси, они показались заслуженными. Он наносил их, не щадя ее, с торжественной неотвратимостью приводя приговор в исполнение, а она смотрела ему в глаза, прощая и понимая его.

Тупая боль пронизывала тело Люси, в ушах звенело; она думала о неизбежности происходящего, о том, что оно было predetermined много лет назад.

Она соскользнула на пол. Красивое черное платье, забрызганное кровью, обтягивало колени.

Оливер на мгновение застыл над Люси, глядя на нее. Высоко поднятый ворот шинели придавал грозный вид его растерянному лицу.

Он повернулся и ушел.

После того, как Оливер хлопнул дверью, Люси некоторое время оставалась на полу. Потом она встала, по-хозяйски бережливо потушив свет в гостиной, поднялась в свою комнату.

Лицо зажило через десять дней. Все это время Люси не покидала дома.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

До Озера оставался час езды; Тони решил перекусить. Могилы нелюбимых отцов лучше посещать с полным желудком, подумал он.

Тони свернул к маленькой придорожной гостинице. В тени деревьев стояло несколько столиков. У входа в отель висели дипломы, выданные ресторану различными организациями, представляющими интересы французских гурманов.

Заглушив мотор, он несколько минут сидел неподвижно; его обветренный лоб горел, ноги затекли. Он посмотрел на Люси, ожидая, когда она откроет глаза. Лицо ее было спокойным, на губах играла улыбка, словно ей снился какой-то счастливый вечер, танцы, тайные радости прошлого.

В душе у Тони вспыхнуло раздражение. Сейчас она не смеет так выглядеть, подумал он. В такой день ее облик должен быть отмечен печатью горя, страдания. Видно, душевное беспамятство — рецессивный признак в роду Краунов, он передается только по женской линии.

Люси открыла глаза.

— Пора подкрепиться, — сказал Тони.

Она окинула взглядом гостиницу, ресторан под деревьями и яблоневый сад за ним.

— Что за прелестный уголок, — заметила она тоном туристки.

Они зашли в тень, и Люси попросила:

— Сделай за меня заказ, пожалуйста. Я хочу немного освежиться.

Тони сел за столик и посмотрел вслед матери, идущей по гравиию между столиков, он отметил прямизну ее стана и стройность длинных ног, обутых в модные туфли на высоких шпильках — выходя утром из гостиницы, она не предполагала, что окажется за городом. Двое мужчин, лакомящихся лангустами за соседним столиком, оторвались от тарелок и проводили Люси восхищенными взглядами, пока она не скрылась в гостинице. Сколько уже лет мужчины так смотрят на нее? — подумал Тони. Большие тридцати? Как это повлияло на мать?

Подошла официантка, Тони заказал для себя и матери форель, салат и бутылку белого вина. Хоть от еды получу сегодня удовольствие, подумал он.

Тони уже жалел о том, что поехал с матерью. Он согласился, растерявшись от неожиданности предложения и испытывая любопытство; от природы Тони был вежлив, ему нравилось казаться сговорчивым и откликаться на просьбы. Но сейчас его охватило беспокойство и неуверенность, мать навеяла тягостные и мучительные мысли. Встретившись с ней, Тони почувствовал себя старым человеком, потратившим впустую значительную часть прожитых лет. Они оба, словно сговорившись, отправились в Нормандию, чтобы сравнить теперешнего Тони с тем тринадцатилетним мальчиком, каким он был в момент их расставания. И результат этого сравнения оказался не в пользу сегодняшнего дня.

Длинный же путь она проделала, подумал Тони, чтобы причинить мне боль.

Больше всего Тони возмутило выражение ее лица перед пробуждением, когда он остановил машину возле ресторана. Нежная, загадочная женская улыбка, порожденная

воспоминаниями. Он как бы снова увидел через жалюзи мать, лежащую в объятиях Джефа. Ее голова была повернута лицом к окну, веки опущены, рот чуть приоткрыт, на губах играла улыбка, которую Тони не видел раньше ни на чьем лице — эгоистичная, хищная улыбка гедониста, подчиняющегося лишь тяге к наслаждениям, полностью раскрепощенного в проявлениях своей чувственности. Эта улыбка долго преследовала его, она стала для Тони сигналом опасности. Во время свиданий с женщинами он искал на их лицах эту улыбку или намек на нее; так игрок пытается разглядеть крапленую карту или солдат — мину. Это делало его сдержанным и холодным, не позволяло полностью расслабиться, из партнера он превращался в наблюдателя. Женщины чувствовали его настороженность, отчуждение. Не понимая причин, они обвиняли его в подозрительности, холодности, неумении любить. Его отношения с прекрасным полом представлялись ему как одно нескончаемое горькое обвинение, причем прокуроры менялись, а суть предъявляемых претензий, на которые печего было ответить, всегда оставалась одной и той же.

Он не сохранил дружеских отношений ни с одной из своих возлюбленных; Тони привык замечать злое, мстительное выражение на их лицах при случайных встречах. Он уехал из Америки в 1947-м году, потому что девушка, которую, как ему казалось, он любил, раздумала выходить за него замуж. «Я и люблю, — сказала она, — и боюсь тебя. Ты всегда отсутствуешь. Даже целуя, ты выносишь суждение обо мне. Иногда от одного твоего взгляда у меня стынет кровь в жилах. Я не могу избавиться от чувства, что ты готов исчезнуть в любой момент. Я не в состоянии удержать тебя, и в глубине моей души живет страх, что однажды утром я проснусь и не увижу тебя рядом. Ты постоянно готов убежать, но не от меня и не от женщин вообще. Я интересовалась твоими отношениями с мужчинами, говорила о тебе с общими знакомыми и выяснила, что они испытывают такое же чувство. Я не знаю человека, который мог бы, положив руку на сердце, сказать, что ты его друг...».

Девушку звали Эдит, у нее были длинные белые волосы; впоследствии она вышла замуж за человека из Детройта, родила двоих детей и с той поры успела дважды развестись.

Беглец. Он отверг тогда обвинение Эдит, сознавая, что она права. Он убежал от материнской любви, от жалости отца, от войны, от привязанности женщин и мужской

дружбы. Он убежал от профессии, к которой готовил себя, и от страны, где родился. Его жена считала, что рано или поздно он оставит семью, и у нее имелись на то основания. Его путешествия, мастерская в другом конце города, почные отлучки — это и было частичным уходом. Он женился вскоре после того, как Эдит разорвала их помолвку. Его привлекли молодость Доры, легкий характер, веселый нрав и настойчивость; поначалу брак не казался ему тяжким бременем. Но затем она родила мальчика, характер ее испортился, веселье кончилось, осталась только настойчивость, и временами лишь ответственность за сына спасала этот непрочный и безрадостный брак.

В каком возрасте, подумал Тони, я убегу от сына?

Он увидел выходящую из здания Люси. Волосы ее были аккуратно причесаны, в руке развевался шейный платок. Тони заметил, что двое посетителей снова с интересом посмотрели на высокую, красивую, хорошо одетую, обманчиво моложавую при льющем летнем освещении женщину, которая шла между столиков к поджидавшему ее мужчине. А вот и моя мать, вечно притягивающая жадные взоры, постоянный объект всеобщего вожделения, насмешливо подумал Тони.

Он встал, отодвинул для нее стул и налил им обоим вина. Они молча поднесли бокалы к губам.

— Ну, мне уже лучше, — сказала Люси, утолив жажду и очистив вином горло от пыли. Посмотрев на сына, она заметила искажившую его черты гримасу иронии, любви и отчужденности, которая глубоко уязвила ее этим утром, когда Люси находилась у Тони дома. Эта гримаса отняла у Люси естественность и принужденность, ее намерение держаться покровительственно и легкомысленно, не заявляя своих прав на сына до тех пор, пока она не заметит какого-нибудь проявления теплоты и симпатии с его стороны, теперь показалось наивным и переалистичным. От смущения она ела быстро, не разговаривая и не глядя на тарелку. Люси выпила большую часть бутылки; Тони регулярно наполнял ее бокал с усердием негодяя, спаивающего ребенка.

Ее мучила жажда, и Люси обрадовалась, когда Тони попросил принести еще одну бутылку. Люси казалось, что слабое сухое вино совсем не действует на нее, только окружающие предметы обрели приятную яркость.

К моменту, когда они выпили половину второй бутылки, Люси как бы глядела на себя и Тони со стороны — мать и сын, красивые, вежливые, сидели под деревьями,

воспоминаниями. Он как бы снова увидел через нее мать, лежащую в объятиях Джефа. Ее голова была опущена лицом к окну, веки опущены, рот чуть приоткрыт, на губах играла улыбка, которую Тони не видел раньше ни на чьем лице — эгоистичная, хищная улыбка годовалого подчиняющегося лишь тяге к наслаждениям, подопрежденного в проявлениях своей чувственности улыбка долго преследовала его, она стала для Тони символом опасности. Во время свиданий с женщинами он не искал на их лицах эту улыбку или намек на нее; так игрок старается разглядеть крапленую карту или солдата — это делало его сдержанным и холодным, не позволяло ему полностью расслабиться, из партнера он превращался в блюдателя. Женщины чувствовали его настороженное отчуждение. Не понимая причин, они обвиняли его в подозрительности, холодности, неумении любить. Его отношения с прекрасным полом представлялись ему и им нескончаемое горькое обвинение, причем прокуроры не выдвигались, а суть предъявляемых претензий, на которые не было ответить, всегда оставалась одной и той же.

Он не сохранил дружеских отношений ни с одними из своих возлюбленных; Тони привык замечать зловещее выражение на их лицах при случайных встречах. Он уехал из Америки в 1947-м году, потому что девушка, которую, как ему казалось, он любил, раздумала выйти за него замуж. «Я и люблю,— сказала она,— и боюсь. Ты всегда отсутствуешь. Даже целуя, ты выносишь решение обо мне. Иногда от одного твоего взгляда у меня стынет кровь в жилах. Я не могу избавиться от чувства, что ты готов исчезнуть в любой момент. Я не в состоянии удержать тебя, и в глубине моей души живет страх. Однажды утром я проснусь и не увижу тебя рядом. Я постоянно готов убежать, но не от меня и не от меня вообще. Я интересовалась твоими отношениями с мужчинами, говорила о тебе с общими знакомыми и вывела, что они испытывают такое же чувство. Я не знаю человека, который мог бы, положив руку на сердце, сказать, ты его друг...».

Девушку звали Эдит, у нее были длинные белые волосы; впоследствии она вышла замуж за человека из Айова, родила двоих детей и с той поры успела дважды развестись.

Беглец. Он отверг тогда обвинение Эдит, сознавая, что она права. Он убежал от материнской любви, от мести отца, от войны, от привязанности женщины и мучения

Он убежал от профессии, к которой готовил себя, в Страны, где родился. Его жена считала, что рано или поздно оставит семью, и у нее имелись на то основания. Впоследствии, мастерская в другом конце города, почта — это и было частичным уходом. Он женился еще после того, как Эдит разорвала их помолвку. Его жена была молодость Доры, легкий характер, веселый и добродушный; поначалу брак не казался ему тяжким бременем. Но затем она родила мальчика, характер ее изменился, веселье кончилось, осталась только настойчивость, и в конечном счете лишь ответственность за сына спасала несчастный и безрадостный брак.

В зрелом возрасте, подумал Тони, я убегу от сына? Он увидел выходящую из здания Люси. Волосы ее были коротко и выстрелом причесаны, в руке развевался шейный платок. Тони заметил, что двое посетителей снова с интересом поглядывали на высокую, красивую, хорошо одетую, необычайно моложавую при льющем летнем освещении женщину, которая шла между столиков к поджидавшей ее женщине. А вот и моя мать, вечно притягивающая к себе взоры, постоянный объект всеобщего вожделения, подумал Тони.

Он встал, отодвинул для нее стул и налил им обоим вина. Они молча поднесли бокалы к губам.

Ну, мне уже лучше, — сказала Люси, утолив жажду несколькими глотками вина горло от пыли. Посмотрев на сына, она увидела печальную иронию его черты гримасу иронии, любви и отчужденности, которая глубоко уязвила ее в тот вечер, когда Люси находилась у Тони дома. Эта гримаса говорила у Люси естественность и непринужденность, привыкшие держаться покровительственно и легкомерно, не заявляя своих прав на сына до тех пор, пока он не заметит какого-нибудь проявления теплоты и заботы в его стороны, теперь показалось наивным и инфантильным. От смущения она ела быстро, не разговаривая и не глядя на тарелку. Люси выпила большую часть бутылки. Тони регулярно наполнял ее бокал с усердием, с любовью, спящего ребенка.

Он наполнил жажду, и Люси обрадовалась, когда Тони принес еще одну бутылку. Люси казалось, что это сухое вино совсем не действует на нее, только раздражающе предметы обрели приятную яркость.

В заключение, когда они выпили половину второй бутылки, Тони так бы глядела на себя и Тони со стороны — и так, красивые, вежливые, сидели под деревьями,

наслаждаясь обществом друг друга; не афишируя своих эмоций, спустя много лет после того, как отгремели пушки, они ехали отдать дань погибшему. Однако кое-что нарушало цельность картины. Улыбка на лице женщины издали, казалось, выражала сыновнюю любовь и почтительность, но от внимательного взгляда не укрылось бы, что она полна иронии и мук отвергнутой любви.

— Новыносно, — сказала Люси, опуская очки на глаза.

— Что? — удивился Тони.

— Скажи мне — что ты обо мне думаешь? — обратилась Люси к сыну.

— Ну, — начал Тони, — у меня еще не успело сложиться определенное мнение.

— У тебя было достаточно времени, — сказала Люси; язык ее слегка заплотался. — И вижу это по твоему лицу. У тебя есть вполне сложившееся мнение, я хочу услышать его.

— Что ж...

Тони откинулся на спинку кресла, решив отделаться шуткой.

— Должен признаться, я целый день тобой восхищаюсь.

— Восхищенность мною? — резко сказала она.

— Твоей молодильностью, красотой и энергией, — Тони улыбнулся. — Это очень умно с твоей стороны.

— Умно, — повторила Люси, поняв, что он хотел уязвить ее этим словом и добился своей цели.

— Но простителю удивляться, как это тебе удалось, — легкомысленным тоном произнес он.

— Твоя жена спросила меня об этом.

— И узнаю, что ты ей ответила.

— Ничего и ей не ответила, — сказала Люси. — Ты сам ей объясни. Уверена, у тебя есть какая-то теория.

— Возможно, — проговорил он.

Они враждебно посмотрели друг на друга.

— Скажи мне. Вдруг твой ответ поможет мне продержаться еще двадцать лет.

— Ладно, — согласился Тони, подумав: «Она сама напросилась. Приехала сюда, порошит прошлое, хочет увидеть могилу. Пусть услышит».

— Боюсь, мое объяснение покажется тебе банальным. Зло всегда преуспевает. Бессердочность — залог долгой молодости. Греш и процветай. Оставайся ко всему безучастен, и тогда распадутся семьи, погибнут империи, но

ни один волос на твоей голове не поседеет.

— Безучастен...

Потрясенная Люси качнула головой.

— Так вот как ты думал эти годы...

— Ну, не совсем так, — произнес Тони.

За столом воцарилось молчание, они будто слушали холодное насмешливое эхо его слов.

— Ты неверно судишь о себе, Тони, — сказала Люси. — Считаешь себя злым, неприятным человеком и стараешься соответствовать этому образу. Я не верю, что ты такой на самом деле. Я помню тебя маленьким мальчиком, он не мог полностью исчезнуть, что бы ни произошло. Я знаю, как сильно можно ошибаться относительно себя самого, Тони; последние десять лет я пыталась уменьшить ущерб, связанный с тем, что я ошиблась в себе. Да, ошиблась... Несчастные случаи и ошибки, — сказала она.

Мелодичный, чуть хрипловатый от вина голос Люси лился свободно, непринужденно.

— Несчастные случаи и ошибки. Если бы одна гадкая девчонка не приехала тем летом на озеро, если бы в тот хмурый день ей не вздумалось от скуки прогуляться по лесу — например, выглянуло бы солнце, и она отправилась бы купаться, или ты вернулся бы на полчаса позже, — мы бы не сидели здесь сегодня. Если бы ты не переболел так серьезно, твоему отцу не пришлось бы в голову нанять воспитателя... Если бы однажды, зайдя в гараж, он не обнаружил бы, что я забыла оплатить счет, и не упрекнул меня в этом по телефону, пробудив во мне сознание моей никчемности и дух неподчинения... Ничего бы не произошло. Ничего.

Она тряхнула головой, поражаясь жестоким прихотям судьбы, которые круто повернули ее жизнь.

— Но тот день выдался пасмурным, молодой человек и гадкая девчонка приехали на озеро, а ты не задержался на полчаса. А в результате то, что могло остаться глупым и заурядным приключением, какие случаются с миллионами женщин, безобидной маленькой тайной, воспоминания о которой способны скрасить старость, обернулось бедствием. Ураганом, разметавшим наши три жизни по сторонам.

— Это чересчур простое объяснение, — сказал Тони, не глядя мать за то, что она помнила все так отчетливо. — Ты слишком легко снимаешь с себя вину.

— О, нет, — сказала Люси. — Не думай так. Никогда не думай так. Каждый человек сам отвечает за все, что с ним

происходит. Но избежать несчастных случаев не дано никому. Не рассчитывай на то, что это удастся тебе. Важно лишь то, как ты выходишь из ситуации, как справляешься с потерями. Со мной произошло худшее. Мой несчастный случай растянулся на годы. Я совершила все возможные ошибки. Прожив пятнадцать лет в браке, я насладилась парой недель, проведенных летом в обществе юпоши, и решила, что создана для чувственных удовольствий. Это оказалось ошибкой. Я испугалась твоего отца, обманула его, а он быстро уличил меня во лжи; тогда я решила, что спасет нас только честность. Но она нас не спасла. Ты стал свидетелем, жертвой и прокурором одновременно, ты нанес нам рану, которой, как мне показалось, не суждено зажить. Твои невысказанные обвинения стали невыносимы для меня, и я отравила тебя в школу. Но своим отсутствием ты тоже свидетельствовал против нас, и с каждым годом все беспощаднее...

— Ты полагаешь, следовало оставить меня дома? — недоверчиво спросил Тони.

— Да, — ответила она. — Мы бы выстояли. Семья — это живой организм. Дай ему шанс, и наступит исцеление. Но если рану постоянно тревожить, она не затянется. Мы сделали рану незаживающей, построили на ней семью, всю нашу жизнь, и заплатили за это.

— Заплатили, — тихо сказал Тони, глядя на крепкую, цветущую, прекрасно сохранившуюся женщину с гладкой кожей, порозовевшей от вина и солнца. — Кто именно?

— Я знаю, что ты думаешь, — произнесла она, кивая головой. — Ты считаешь, заплатили вы с отцом. А я вышла сухой из воды. Но ты ошибаешься. Я тоже заплатила.

— Могу представить, чем ты заплатила, — безжалостно произнес Тони.

— Да, ты прав, — сказала Люси устало. — Я расплачивалась в постелях. Но это было давно, и кончилось однажды вечером, когда твой отец заехал домой попрощаться перед отъездом на войну.

Она закрыла глаза, и вместо Тони увидела себя — избитую, в крови, лежащую на полу у стены; Люси снова услышала, как хлопнула дверь за мужем, которого ей больше не суждено было встретить.

— Но я заплатила не только этим. Я заплатила чувством вины, одиночеством и завистью.

Люси открыла глаза и посмотрела на Тони.

— Я считала, что расплатилась сполна, но теперь вижу — нет. Еще нет. Что бы ты обо мне ни думал, тебе не

составит труда поверить в мое чувство вины и одиночество. Но самое тяжкое — это зависть. Я завидовала всем. Я завидовала и тем женщинам, чьи браки были безмятежными и скучными, и тем, кто жил со скандалами, драками, уходами и примирениями. Я завидовала распутницам, которые могли запросто переспать в течение недели с семью мужчинами и так же легко забыть их. Я завидовала женщинам, которые хранили верность мужьям, сражавшимся в Европе. Я завидовала женщинам, охваченным любовью или страстью, готовых пожертвовать всем ради своих избранников. Я завидовала женщинам, относившимся ко всему беззаботно или, наоборот, переживавших по малейшему поводу, потому что я сама вообще не знала, как мне относиться к мужчинам. В госпитале работало много медсестер, среди них ходила шутка. Они называли себя членами клуба, учрежденного в Англии, где война началась раньше, чем в Америке. Название клуба «СОС» состояло из первых букв трех слов: «Сделай офицера счастливым»; оно вызывало улыбку во всех кругах с 1940-го по 1945-й год. Я смеялась вместе с ними и завидовала им. А больше всего — себе самой, какой я была до того злополучного лета. А еще — своему тогдашнему браку. Я смотрела на себя трезвым взглядом и не переоценивала наш брак. Многое в нем меня не устраивало, и если отец не рассказывал тебе об этом, послушай мать. Оливер был человеком увлеченным и разочарованным. В молодости он высоко себя ставил. Он любил самолеты и людей, создававших и испытывавших их; он видел перед собой перспективу, считал себя первопроходцем и экспериментатором, — словом, фигурой в авиационном деле. Затем умер его отец, и Оливеру пришлось вернуться в город, откуда он убежал десять лет назад, к делу, к которому у него не лежала душа, и все свое разочарование он обрушил на меня. Не чувствуя за собой вины, я возненавидела его за это и заставила страдать. Я боялась его, он слишком многого ждал от меня, стремился направить каждый мой шаг. Но я любила его, и сейчас, возвращаясь в прошлое, вижу в нашем браке много достоинств, которых не замечала тогда. Я была застенчива, скованна, не слишком высоко ценила себя и надеялась обрести силу в объятиях других мужчин. Сначала я убеждала себя, что ищу любви, но дело было в другом. Я не обрела ни любви, ни уверенности в себе. Хотя нельзя сказать, что я жалела свои силы.

Умолкнув, она закачалась в кресле, затем подалась вперед, поставила локти на стол и оперлась подбородком

о кисти рук; Люси смотрела вдаль, мимо Тони, в глубину нормандского сада, где мелькали призрачные лица множества мужчин; назойливые видения бормотали, смеялись, вздыхали, шептали, проносили ее имя: «Люси, Люси, дорогая, я люблю тебя, это было прекрасно, пиши мне каждый день, я никогда тебя не забуду». Из темноты зашторенной комнаты доносилось: «Спокойной ночи, спокойной ночи...»

— Мужчины всех мастей и рангов, — тихо и равнодушно произнесла Люси. — Один адвокат хотел ради меня оставить жену и трех детей, он уверял, что не может жить без меня; оказалось может, теперь у него пятеро детей. Веселому молодому человеку, футбольному тренеру из Принстонского университета, любителю яблочного бренди, я послала на свадьбу серебряное блюдо. Антиквар водил меня на концерты камерной музыки, он говорил, что без меня станет гомосексуалистом, но я ушла от него, и теперь он живет с юным мексиканцем. Однажды в купе я напилась и переспала с киносценаристом, а утром мы сошли с поезда и расстались. Как-то раз мне встетился даже твой одноклассник из колумбийского университета, он сказал, что ты талантлив, что у тебя нет друзей и что ты ничего в жизни не добьешься. Знала я морского офицера, который совершал зимой круизы по Карибскому морю; у него было тело танцора. Он многому научился у дам, плававших в теплых водах. Однажды, когда я была с ним, мне показалось, что я нашла то, что искала всю жизнь. Но перед уходом, поправляя галстук, он слишком долго любовался своим отражением в зеркале. Я посмотрела на него, насвистывающего и улыбающегося, преисполненного дешевого мужского тщеславия и самодовольства, и поняла, что не хочу видеть его снова. Это был не любовник, уходящий от женщины, а спортсмен-профессионал, приподнимающий шапочку перед зрителями после того, как он достиг четвертой базы.

— Тогда, — вяло проговорила она, — я поняла, что чувственные удовольствия — не для меня. Я обманулась в себе.

— Затем, конечно, — безжалостно сказала Люси, — были Армия, Флот и Авиация. К тому времени я уже ничего не искала. Я занялась благотворительностью. Но это дело требует таланта, и в конечном счете мои любительские подвиги приносили больше боли, чем радости. Я наносила раны жертвам войны и разочаровывала безутешных. Я стала распутной из жалости и оскорбляла мужчин, ко-

торых ждала смерть, потому что они нуждались не в плюхе. Им нужны были нежность и поддержка, а я могла оказать лишь мимолетные услуги. Я унижала себя, потому что занималась чужим делом, совершая над собой насилие. Я превратилась в бездушную лгунию и притворщицу, в фальшивомонетчика, потратившего свое богатство на приобретение станка для печатания купюр, которые нигде не принимают.

— И наконец,— сосредоточенно, как человек, подводивший важный итог, продолжила она без паузы, не давая Тони перебить ее,— в решающий момент, когда многое еще можно было спасти, и наша с отцом жизнь зависела от одного моего слова, я не сумела его произнести. Неудивительно. Чтобы в мгновение кризиса найти единственно верное слово, надо годами готовиться к этому моменту, пытаюсь понять себя. А я не понимала себя и ни к чему не была готова. Он ждал меня дома, не зажигая света, перед отправлением в Англию. Отец приехал в три часа утра после встречи с тобой; он, должно быть, слышал какие-то фразы, произнесенные у порога провожавшим меня лейтенантом. Отец спросил, спала ли я с этим человеком, и я ответила утвердительно. Он поинтересовался, были ли другие, и я снова сказала «да». Я гордилась собой, считала себя достаточно сильной, чтобы говорить правду. Но это была не честность, а месть и попытка оправдать себя. Тут требовалось не честное «да», а милосердное «нет». Но милосердие во мне иссякло, и Оливер избил меня, я это заслужила, а потом он уехал и погиб.

Она замолчала на несколько секунд. Тишину сада нарушало лишь жужжание пчелы, кружащей над вазой со сливами. Люси прикусила губу, потом подняла бокал и осушила его.

— Что ж, такова твоя ушедшая от расплаты мать,— произнесла она.— У меня было время все обдумать, но до тебя я никому ничего не рассказывала. Если хочешь знать, с того утра я не прикасалась к мужчинам. Это оказалось нетрудно, моей заслуги тут мало, я испытала соблазн лишь однажды, и то не слишком сильный.

Она прогнала пчелу, махнув салфеткой; солнечный луч пробился сквозь листву над их головами и упал на сливы.

— Получив известие о смерти Оливера и твой отказ присхать на заупокойную службу, я пошла в церковь одна. Потом я вернулась в этот проклятый дом в Нью-Джерси, где мы с отцом довели себя до ненависти и отчаяния.

и решила исправиться. Мне необходимо было заслужить право простить себя. Зная, что после всего случившегося я не сумею полюбить другого мужчину, я решила посвятить жизнь детям. Возможно, это было связано с тобой. Я потерпела фиаско в отношении тебя и страстно желала доказать себе, что это случайность. Я решила усыновить двух детей, мальчика и девочку, а в ожидании их бродила по паркам и улицам, разглядывая малышек, играя с ними, когда их мамы или няни позволяли мне. Я строила планы на ближайшие двадцать лет, собираясь отдать себя целиком воспитанию счастливых молодых людей, добрых, мужественных и умных, способных с честью выйти из любой жизненной ситуации. Но чиновники, ведающие вопросами усыновления, рассудили иначе. Они не пришли в восторг от того, что одинокая женщина, разменявшая пятый десяток, хочет взять двух детей. Они навели справки и кое-что узнали. Не все. Но достаточно. Мне отказали. В тот день, когда мне сообщили об этом, я отправилась бродить по Централ-парку; глядя на мальчиков, валяющихся на траве, и девочек, играющих в мяч, я поняла, какие чувства испытывают женщины, которые крадут детей из колясок. Я не злилась на чиновников. Последние десять лет моей жизни не могли остаться без последствий. Не следует надеяться, что тебе поверят, когда ты приходишь и говоришь: «Я изменилась. Стала другой женщиной. С завтрашнего дня я буду святой». Помочь вдове с дурной репутацией простить себя — не главная их задача.

Она протянула руку к бутылке и вылила остатки в бокал. Там было мало вина, и она не стала пить его сразу. Люси устала сидеть на бокал, стоящий на клетчатой скатерти, обхватила его ладонями. Она не ждала каких-то слов от Томи, он был нужен ей лишь как слушатель, помогающий насладиться горькой целебной радостью самоублачения.

— И все же, — задумчиво произнесла она, поворачивая бокал, — именно в то время ко мне вернулась надежда. — Ты помнишь Сэма Паттерсона? — неожиданно спросила Люси.

— Да, — ответил Томи. — Конечно.

— Я не видела его много лет, но он пришел на заупокойную службу, и потом время от времени навещал меня, иногда водил обедать. Жена развелась с ним перед войной с опозданием на пятнадцать лет, мне было легко с Паттерсоном, потому что он все про нас знал, и я могла не

притворяться. Когда-то давно, изрядно выпив, он обнял меня и чуть не объяснился в любви.

Она грустно улыбнулась.

— Субботний вечер в загородном клубе. Его чувство оказалось серьезным, и когда я пришла к нему и рассказала, что мне не позволили усыновить детей, он предложил мне выйти за него замуж. Он признался, что давно любит меня, хотя выдал себя лишь раз, будучи пьяным. И я едва не согласилась. Сэм был верным другом, возможно, единственным в моей жизни, он нравился мне, с первых дней знакомства я прониклась к нему уважением. И дело тут не только в детях. Шанс спастись от одиночества. Ты не представляешь, что такое одиночество стареющей женщины, незамужней, бездетной, живущей в Нью-Йорке. Это самое страшное, неподдельное одиночество, какое существует в двадцатом веке. Но я ему отказала. Я сказала «нет», потому что он любил меня и нуждался во мне, а я чувствовала, что в состоянии полюбить только ребенка и просто боюсь остаться одна. Я и так уже разочаровала слишком многих мужчин. Когда я отказала ему и он ушел, я почувствовала, наконец, что имею право простить себя. В течение следующих десяти месяцев я не раз готова была позвонить ему и сказать, что передумала — и все же не сделала этого. На сей раз я все просчитала верно и держалась за свое решение. Но в конце концов именно Сэм Паттерсон спас меня. Он услышал о формировании при ООН комитета по делам детей, оставшихся после войны без куска хлеба и крова. Он добился, что меня пригласили на собеседование и взяли на работу; потом, когда все начало казаться мне бессмысленным, уговорил там остаться. Понимаешь, забыть о миллионе детей, которых ты никогда не видел, распределять тонны пшеницы, коробки с сухим молоком и пенициллином — это совсем не то, что растить одного ребенка собственными руками, любые мои беды казались абстрактными. А мне требовалось нечто осязаемое. Я вкалывала по двенадцать часов в сутки, вложила много своих денег, и если я не получала удовлетворения и по-прежнему страдала от одиночества, было ли чему тут удивляться? Но все же отдача пришла. Я не испытывала удовлетворения, но сознавала свою нужность. Сейчас мне этого достаточно. Я благодарна миллионам неизвестных мне детишек, которых не люблю и которые никогда не полюбят меня.

Она приподняла бутылку и недовольно посмотрела на нее.

— Наверно, у нас нет времени, чтобы выпить еще одну.

Тони взглянул на часы.

— Да,— сказал он.

Подавленный, он не мог больше судить женщину, которая в течение последнего часа открывала ему свою душу. Тони понимал, что позже ему придется выносить свой вердикт — теперь он располагал всеми фактами. Но в данный момент это было невозможно. Он только посмотрел на часы и сказал: «Если мы сейчас не тронемся, то не успеем вернуться сегодня в Париж».

Кивнув, она повязала платок на голову; в тени деревьев ее черты обрели особую мягкость и покой, напомнив Тони лица девушек, которых он возил летом в открытых автомобилях к морю. Он вытащил кошелек и протянул руку к счету, лежащему на тарелочке, но Люси подалась вперед и перехватила листок; она сказала: «Этот ленч — за мой счет. Из нас двоих я получила большее удовольствие».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Они молча мчались сквозь вытянувшиеся тени. Машина неслась, визжа резиной на крутых поворотах узкой дороги. Тони полностью отдался гонке, Люси показалось, что он специально едет так быстро и рискованно, обгоняя автомобили и проходя виражи на грани заноса, чтобы выгнать из головы все мысли.

Она не пыталась заговорить с ним. Я выдохлась, подумала она. Мне больше нечего сказать.

Впереди, метрах в четырехстах, на пологом склоне холма показалась деревня. Домики из серого камня с голубоватыми шиферными крышами сгрудились вокруг островерхой церкви.

— Здесь,— сказал Тони.

Люси посмотрела сквозь лобовое стекло. Залитое солнцем селение окружали зеленые поля, рассеченные дорогой; деревня ничем не отличалась от множества других, которые они уже миновали.

— Ну,— произнес Тони,— какие у тебя планы?

— Это произошло на перекрестке,— сказала Люси.— Я получила письмо от очевидца, там говорится, они двигались с севера, неподалеку от деревни есть перекресток.

— А мы прибыли с противоположной стороны,— заметил Тони.

Они проехали деревню. Узкую извилистую улицу обступали домики с цветниками под окнами. Люси представилось, что за опущенными жалюзи притаились крестьяне, провожающие злобными взглядами чужаков в шумных машинах, которые нарушают вековой покой и напоминают им о нищете и убожестве их жизни, полной забот и тягот.

Люси вспомнила письмо сержанта и подумала с болью — Оливер переплыл океан, чтобы навеки остаться в этом унылом уголке. И даже не добрался до него.

Деревня почти кончилась, но они так и не увидели ни единой живой души. Кое-где на окнах выделялись черными полосками поврежденные створки жалюзи; единственная автозаправочная станция на краю селения оказалась неработающей. Похоже, специально для Люси деревня осталась такой же сонной и таящей опасность, какой она была в тот день одиннадцать лет тому назад, когда Оливер шагал по дороге с белым полотенцем.

Тони хмурился, видно, место ему не понравилось. Солнечные лучи падали на шершавые каменные стены. Сразу за населенным пунктом Люси увидела перекресток. Две узкие сельские дороги, покрытые густым слоем белесой пыли, образовывали маленький пятачок. Люси испытала приятное чувство узнавания. Так бывает, когда человек годами ищет что-то утраченное и внезапно обретает потерю.

— Здесь,— сказала она.— Остановись.

Не доехав до перекрестка, Тони затормозил у обочины, вдоль которой тянулась канава глубиной в три фута, вся в бурьяне. Деревьев поблизости не было, в нескольких ярдах стоял забор.

Тони откинулся на спинку сиденья, размял плечи.

— То самое место,— сказала Люси и вышла из машины.

Ноги едва слушались ее. Только сейчас, после остановки, она заметила, как нещадно палит солнце. Люси сняла платок, провела пальцами сквозь волосы и направилась к перекрестку, вздымая каблуками крошечную облачка пыли. Вокруг раскинулись огромные, безликие и равнодушные поля, источавшие тонкий травяной аромат.

Вдали виднелось скопление крыш и церковь соседней деревушки. В северном направлении местность была пере-

сеченной. В сотне футов возвышался холмик, пологие склоны которого поросли деревьями, и Люси представила себе джипы и четверых солдат, целящихся из-за гребня; они следили за тем, как трое их товарищей спускались под раскаленным солнцем по белой пыли к перекрестку, в направлении безмолвных степ...

Она медленно вышла на середину дороги, думая — я иду ко тому самому месту. Копечный пункт его пути. Зачем я приехала сюда? Обыкновенный перекресток. Проселочная дорога с глубокой колеей в той части Европы, которая неотличима от Мэриленда или Далавэра, без единого следа кровавой бойни.

Она тряхнула головой. Люси испытывала растерянность, на душе у нее было пусто. Она не знала, какой церемонией следовало почтить память погибшего на этом безликом перекрестке. Здесь не было ни памятника, ни обелиска, просто пересекались ничем не примечательные дороги, не вошедшие в историю. Она ощущала присутствие за своей спиной Тони, мрачного и неумолимого, и внезапно пожалела, что взяла его с собой. Будь она здесь одна или с кем-то другим, она сумела бы понять значение момента, дать выход горю или испытать облегчение. Не с тем человеком я приехала сюда, решила она.

Как долго я должна здесь оставаться? — со стыдом подумала Люси. Прилично ли уйти через десять минут? Следует ли мне бросить цветок, пролить слезу, нацарапать имя на камне?

Она оглянулась и посмотрела на Тони. Он сидел за рулем машины, прикрываясь от солнца полями надвинутой на глаза шляпы. Он направил рассеянный взгляд на окрестности и не смотрел на мать. Люси пришло в голову, что он напоминает шофера, ожидающего свою хозяйку возле магазина; ему безразлично, что она купит, долго ли будет отсутствовать, куда прикажет везти ее потом, он ждет равнодушно, отстраненно, думая лишь о зарплате и о том, что скоро, в шесть часов вечера, он освободится.

Люси подошла к машине. Тони повернул голову в сторону матери.

— И надо же умереть в таком месте, — сказал он.

Люси ничего ему не ответила. Она обошла автомобиль, стараясь не свалиться в канаву, и раскрыла лежащую на сиденье сумочку. Она взяла письмо сержанта и вынула его из конверта. С годами бумага истрепалась, на сгибах протерлась до дыр.

— Вот,— сказала Люси.— Прочитай, если хочешь.

Тони настороженно посмотрел на нее с видом шофера, которого хозяйка помимо его желания посвящает в свои тайны. Он взял письмо, разложил его на руле и начал читать.

Люси отошла назад и оперлась о багажник машины. Она не хотела смотреть на Тони, чтобы он не решил, что должен продемонстрировать ей сожаление, горе или иронию по поводу грамматических ошибок. Она поразилась тишине, непривычной для уха американки, и почувствовала, что ей не хватает пенья птиц. Ну конечно, подумала она, французы все постреляли, птицы перебиты или научились не подавать голоса.

Она услышала, как шелестит бумага в руках Тони, он бережно засовывал письмо в конверт. Тони задумчиво похлопал конвертом о рулевое колесо и замер, уставившись на дорогу. Затем он вылез из автомобиля, спрятав письмо в карман.

Он вышел на середину дороги и остановился, подняв пыль носками туфель.

— Так до конца и не разобрался в людях, верно? — сказал Тони, утюжа носком дорожную пыль.— Вечно полагал, что они готовы сложить оружие.

— И это все, что ты можешь сказать?

— А что ты ждешь от меня? Я должен произнести речь о павшем герое? Он просто сделал несколько шагов.

Тони шагнул к матери.

— Сержант прав, лучше бы отец сидел в штабе.

— Сержант этого не писал.

— Ну, дал понять. Другое — более благоразумные — так и поступали. Они не были бесстрашными и демократичными,— Тони горько улыбнулся,— зато сейчас они дома.

Он извлек из-под сложенного тента машины складную ручку от домкрата и распрямил ее, щелкнул замком. Загнутая с одного конца, она напоминала стариковскую палочку. Он вытащил из автомобиля узкий сосуд в оплетке. Тони снял оплетку, и Люси увидела запечатанную бутылку виски.

— НЗ,— сказал Тони, бросая оплетку в канаву.— Ты случайно не захватила штопор?

— Нет.

Люси с удивлением посмотрела на сына.

— Напрасно,— сказал он.— Во Франции без штопора не прожить.

Тони вышел на середину дороги и уставился себе под ноги. Потом начал медленно и старательно что-то чертить на земле ручкой от домкрата. Люси приблизилась к сыну, желая разглядеть, что он делает.

ОЛИВЕР КРАУН, вывел Тони крупными ровными буквами. МУЖ. ОТЕЦ. Ручка от домкрата на мгновение замерла. Затем Тони добавил еще одно слово. МИРОТВОРЕЦ. Закончив, он отступил на шаг и склонил голову вбок, как художник, оценивающий свое творение. Заключил слова в рамку.

— Так лучше смотрится,— сказал он и прошел к обочине, присел, отбил горлышко бутылки о камень, вернулся и стал аккуратно поливать буквы жидкостью.

— Чтобы остались на века,— добавил Тони.

Запах виски ударил им в нос. Спиртного хватило и на рамку. Четко выделяющийся на фоне дорожной пыли текст казался вечным, неподвластным времени.

Тони выпрямился и посмотрел на Люси. Его лицо — печальное, незнакомое,— искажала гримаса страдания.

— Надо же было что-то сделать,— сказал он, держа в руке бутылку с отбитым горлышком.

И вдруг Люси услышала шаги, ритмичный топот звучал все громче и громче. Над вершиной холма затрепетал маленький треугольный флаг. Спустя несколько секунд из-за подъема появились люди в форме; они быстро приближались, двигаясь колонной, по двое в ряду. Люси на миг зажмурилась. Мне это мерещится, подумала она, война давно кончилась.

Колонна подошла ближе, и Люси засмеялась. Люди в форме, преодолевающие подъем, оказались бойскаутами. Командир вел за собой мальчишек, одетых в рубашки и шорты цвета хаки.

— В чем дело?

Тони недоуменно посмотрел на мать.

— Почему ты смеешься?

Люси перестала смеяться и поглядела на движущийся отряд.

— Не знаю,— сказала она.

Худощавые, длинноволосые подростки в возрасте от тринадцати до восемнадцати лет уже шагали мимо прижавшихся к машине Люси и Тони. Они прошли, не глядя под ноги, и мгновенно уничтожили надпись, обрызганную виски, которое уже почти успело высохнуть. Их ботинки и носки были покрыты слоем пыли, за колонной тянулось сероватое облако. Мальчишки с еще не сформировавши-

мися, влажными от пота лицами восхищенно смотрели на эффектный автомобиль и улыбались незнакомцам. Командир, с любопытством взглянув на бутылку в руках Тони, торжественно отдал честь и произнес:

— Салют.

— Салют,— ответил Тони, бойскауты хором повторили приветствие, и топот приглушил их звонкие голоса.

Немного удалившись, они снова стали похожи на настоящих солдат, усталых, неприкаянных, мучимых жарой, но все же с решимостью и энергией следующих за знаменем. Тони и Люси проводили бойскаутов взглядом, и вскоре колонна растворилась в поглотившей ее долине.

Тони бросил бутылку к забору.

— Ну,— сказал оп,— кажется, все.

Обессиленно волоча ноги, Люси направилась к правой дверце. У края канавы валялись камни. Наступив высоким каблуком на один из них, она потеряла равновесие и упала. Люси почувствовала жжение в ладонях и коленях, на которые она опустилась, волна от удара промчалась вдоль спины и затихла в голове, волосы закрыли глаза.

Тони в изумлении посмотрел на несчастную, потерявшую элегантность мать. Он наклонился и взял ее за плечо, желая помочь.

— Отпусти,— резко сказала Люси, не глядя на сына.

Он отступил на шаг, прислушиваясь к ее неровному дыханию — Люси едва сдерживала слезы. Через несколько секунд она оперлась рукой о бампер и медленно, с трудом, встала. Ладони ее кровоточили, она вытерла их о платье, оставив на нем красные следы. Чулки порвались, ссадины на коленях стали алыми. Внезапно Люси превратилась в стареющую, сломленную, жалкую женщину, растерявшую едва ли не все свое мужество и стойкость.

Тони больше не пытался ей помочь, он смотрел с застывшим лицом на мать, лишившуюся былой неуязвимости. Наблюдая за тем, как она, утратив женственность, неловкими движениями оправляет платье, стирает кровь с коленей, Тони представил себе ее старость, умирание и, охваченный жалостью к ним обоим, вспомнил ту ночь, когда он спал на веранде под крик совы; свое намерение стать доктором и изобрести средство, дарующее бессмертие. Пелена заволокла его глаза, оп подумал об обезьянке и людях, которым он собирался сохранить молодость,— матери, отцу, Джефу. И по какой-то прихоти сознания

он увидел своего сына, лежащего на диване-качалке, уже тринадцатилетнего, собственного двойника, олицетворяющего вечность; мальчик следил за своей обожаемой матерью, которая, еле слышно шагая в тумане по лужайке, возвращалась от любовника, чтобы поцеловать сына перед сном.

Тони медленно подошел к Люси, взял ее за руки и осторожно вытер грязь вокруг ссадин. Затем он убрал волосы со лба матери и осушил платком ее влажное стареющее лицо. Подвел к дверце машины и помог сесть. На мгновение он застыл над ней, и Люси посмотрела на него глазами, полными боли.

Он с нежностью прикоснулся к ее щеке кончиками пальцев, точно так, как делала она сама, когда он был маленьким, и сказал:

— Не будем больше посещать могилы, ладно?

Тони почувствовал, как вздрогнула мать. Она благодарно кивнула ему.

— Да,— выговорила Люси.

В Париж они вернулись около полуночи. Тони отвез мать в гостиницу. Он помог ей выйти из машины и проводил до подъезда. Они остановились, не зная, как им следует попрощаться.

— Тони,— сказала Люси.— Я пробуду здесь еще день. Ты позволишь мне завтра зайти к вам? Я хотела бы подарить что-нибудь твоему сыну. Игрушку.

— Конечно,— сказал Тони.

— Тебе не обязательно присутствовать,— добавила она.— В этом нет необходимости.

— Я понимаю.

— Хорошо,— быстро произнесла Люси.— Я зайду после полудня. Когда он просыпается?

— Кажется, в три.

— Значит, в три,— сказала Люси.

И тут он понял, что не сможет сейчас оставить ее одну. Он обхватил мать руками и прижал к себе, чувствуя, как душа его освобождается от груза тягостных воспоминаний и ошибок, прощая Люси, беззвучно умоляя ее простить его самого, цепляясь за руины любви, растроченной ими попусту.

Она похлопала его по плечу, пытаясь утешить и стыдясь прохожих, бросавших на них любопытные взгляды.

— Мама,— произнес он,— помнишь, когда я уезжал тем

летом, я спросил тебя, что мы скажем друг другу, если встретимся — ты не забыла свой ответ?

Люси кивнула, восстанавливая в памяти безветренный полдень, яркую осеннюю голубизну озера, мальчика, выросшего за то лето из своего костюма.

— Я ответила тебе — мы скажем друг другу «здравствуй».

Тони отпустил мать и посмотрел ей в глаза.

— Здравствуй, — серьезно сказал он.

Они обменялись улыбками — обыкповенная мать и ее взрослый сын, расстающиеся после загородной прогулки.

Люси посмотрела на свое измятое платье, порванные чулки, царапины.

— Господи, — вырвалось у нее, — ну и вид у меня! И что только подумают в отеле!

Она засмеялась, а потом поцеловала Тони в щеку так, словно делала это, укладывая сына спать, каждый вечер в течение двадцати лет.

— Спи спокойно, — сказала она, повернулась и зашла в гостиницу.

Он посмотрел ей вслед. Высокая, крупная женщина, одинокая, не скрывающая своего возраста, еще сильная, сумевшая обрести равновесие, не теша себя иллюзиями, направилась к стойке портье. Тони сел в машину и поехал домой.

Войдя в темную квартиру, он прошел в комнату сына и замер над его кроваткой, прислушиваясь к ровному дыханию мальчика. Вскоре Бобби проснулся.

— Папа, — позвал он.

— Я заглянул, чтобы пожелать тебе спокойной ночи, — сказал Тони. — Завтра, после дневного сна, ты снова увидишь бабушку.

— После дневного сна, — сонно повторил мальчик, стараясь зафиксировать услышанное в дремлющей памяти.

— Она принесет тебе игрушку, — прошептал Тони.

— Я хочу трактор, — заявил Бобби. — Нет, лодку.

— Я позволю ей утром, — сказал Тони, — и она купит лодку.

— Большую лодку, — уточнил мальчик, опуская голову на подушку. — Для далеких путешествий.

Тони кивнул.

— Ладно, большую лодку для далеких путешествий, — сказал он.

Но Бобби уже крепко спал.

Тони прошел в комнату, где спала Дора. Она лежала на спине с откинутой назад головой, закрыв лицо руками, словно защищаясь от кого-то. Не включая света, Тони бесшумно разделся и лег рядом. Ну и день у меня сегодня, подумал он.

Потом он повернулся на бок, обнял Дору и заснул.

РАССКАЗЫ

IRWIN SHAW
TIP ON A DEAD JOCKEY

1957

В наш рациональный век
перевод А. Симонова

Три месяца
перевод Ю. Жуковой

В НАШ РАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЕК

Он видел этот сон только раз — в декабре. Проснувшись, он недолго предавался размышлениям — и больше не вспоминал об этом сне до самого апреля.

Был вечер, через десять минут должны были объявить посадку на его самолет. И тут он явственно вспомнил этот сон. Всякий раз перед самым вылетом в нем — словно кто его толкал — пробуждался страх перед рискованностью этого предприятия, вешумный и сдержанный, но страх, глубоко захороненное бессознательное чувство, что любой полет может оказаться последним, сокровенная уверенность, что все эти ветра и тучи, крылья и клапана моторов таят в себе некое предопределение, и все разрекламированное компанией мастерство пилотов и добросовестность механиков не могли окончательно рассеять его страха. И когда знакомая минута наступила, мгновенное ощущение обреченности вдруг заставило его вспомнить этот сон. Он стоял с жепой и сестрой у выхода на лётное поле и глядел на темный аэродром, на огромный — сама надежность — самолет, на мигающие огни посадочной полосы.

Сон был простой. Каким-то образом его сестра Элизабет умерла, и он безропотно и безнадежно провожает гроб на кладбище и сухими глазами смотрит, как его опускают в землю, а потом возвращается домой. И почему-то во сне это происходит четырнадцатого мая. То, что он помнил дату так отчетливо и точно, придавало сну — вопреки нормальной логике — оттенок реальный и трагический. Наутро он попытался сообразить, почему его сонное воображение с такой не допускающей сомнений определенностью остановило свой выбор именно на четырнадцатом мая — ничем не примечательном дне, до которого оставалось еще пять месяцев, — и не смог. В мае не предстояло ни дней рождения, ни семейных праздников, ни с ним, ни с кем из его знакомых не происходило в этот день ровным счетом ничего примечательного. Он сонно улыбнулся про себя, ласково по-

гладил по голому плечу спавшую рядом Алису, встал и пошел на работу, в привычный вещественный мир чертежных досок и калек, ни тогда, ни позже даже и не упомянув об этом сне Алисе или еще кому-нибудь.

И вот, когда они стояли и смеялись, вспоминая, как спросонья его пятилетняя дочка никак не могла сообразить, что папа уезжает и надо сказать ему «до свидания», а шум двигателей сотрясал прохладный воздух апрельского вечера, когда он наклонился к сестре, чтобы поцеловать ее на прощание, сон вернулся. Элизабет стояла рядом, ладная и цветущая — просто чудо, она была так очаровательна и весела, словно только что победила не то в соревнованиях по плаванию, не то на теннисном корте, и если на ней и лежала печать рока, то это было совсем не заметно.

— Ты мне привези оттуда Кэри Гранта, — сказала Элизабет, погладив его по щеке.

— Обязательно, — сказал Рой.

— А теперь я пойду, а вы прощайтесь в свое удовольствие, — сказала Элизабет. — Алиса, не забудь дать ему последнее напутствие, чтоб он знал, как ему там себя вести.

— Я его уже вкратце проинструктировала, — ответила Алиса. — Никаких девочек. До обеда — не больше трех картин. Два раза в неделю звонить мне и докладывать что и как. Кончил работу — сию же минуту на самолет и домой!

— Две недели, — сказал Рой, — будь я проклят, если ровно через две недели я не буду дома.

— Ты веселись там, но не надо, чтобы тебе было очень весело. — Алиса улыбалась, но готова была в любую минуту расплакаться. Так бывало всякий раз, когда он куда-нибудь уезжал без нее — даже на один день в Вашингтон.

— Обещаю, я буду там несчастнейшим из смертных — честное слово.

— И слава богу, — Алиса снова засмеялась.

— Скажи честно, старые телефоны ты зашил в подкладку? — спросила Элизабет.

— Увы.

Было время, как раз перед тем, как он женился на Алисе, когда Рой вел жизнь довольно легкомысленную, да еще во время войны его друзья, приезжая из Европы в отпуск, рассказывали, а точнее изобретали, такие сногсшибательные истории о своих похождениях в Париже

и в Лондоне, что женщины в его семействе считали его куда более морально неустойчивым, чем он того заслуживал.

— Славо богу,— сказал он,— хоть несколько дней я отдохну от этого сборища дам-распорядительниц.

Они с Алисой отошли к загородке.

— Береги себя, милый,— ласково сказала Аляса.

— Не беспокойся,— он наклонился и поцеловал ее.

— Ненавижу,— сказала Алиса, крепко прижавшись к нему.— Мы все время прощаемся. Но это в последний раз. Теперь, куда бы ты ни поехал, я еду с тобой.

— Договорились,— Рой улыбнулся ей.

— Даже на стадион!

На мгновение он крепче прижал ее к себе, такую дорогую, близкую и такую сейчас одявокую. Он пошел к самолету. На ступеньках трапа он обернулся и помахал им рукой. Алиса и Элизабет замахали в ответ, и он снова подумал, как они похожи, когда вот так стоят рядышком, как две сестры из хорошей семьи, обе светловолосые, стройные, нарядные, похожие и движениями, и тем, как они держат себя, похожие как две капли воды.

Он отвернулся и шагнул в самолет. Через мгновение дверь захлопнулась и самолет стал вырывать на старт.

Десять дней спустя Рой позвонил из Лос-Анджелеса:

— Собирайся на Запад, дорогая,— сказал он.— Мансон говорит, что я застряну здесь по крайней мере на шесть месяцев. Он обещал мне найти жилье, так что не хватает только тебя.

— Мерси,— сказала Алиса,— передай Мансону, что я с удовольствием надавала бы ему по физиономии.

— Ничего не попишешь, маленькая, коммерция превыше всего. Ты сама знаешь.

— А раньше, до твоего отъезда, он не мог тебе сказать? Ему надо было, чтобы я сама устраивалась здесь с квартирой и летела одна, без тебя!

— До того как я сюда прилетел, он ничего и не знал,— миролюбиво возразил Рой,— сейчас вообще трудно что-нибудь предсказать заранее.

— А я бы с удовольствием надавала ему по физиономии.

— О'кей,— Рой хмыкнул в трубку,— прилетай скорее, и ты все это выложишь ему сама. Так когда ты прилетишь? Завтра?

— Одно тебе пора бы уже запомнить, Рой,— я не военнообязанная. Ты что думаешь — скомандовал: «Рядовой Алиса Гэйнор! Вам приказано быть завтра в 4.00 утра за три тысячи миль отсюда» — и я там? Как бы не так.

— Ладно, ты — не военнообязанная. Так когда же? Алиса довольно рассмеялась.

— Можно подумать, что ты так мил, и тебя это беспокоит.

— Я на самом деле так мил, и меня это беспокоит.

— Ну вот и хорошо.

— Когда?

— Значит, так...— Алиса озабоченно задышала в трубку.— Мне надо забрать Салли из школы, мне надо сдать кое-что на хранение, мне надо заплатить за квартиру вперед, мне надо заказать на самолет билеты...

— Так когда?

— Итого две недели,— сказала Алиса,— если с билетами все будет в порядке. Ты не умрешь там от тоски?

— Умру,— сказал Рой.

— И я тоже,— они засмеялись.— Ну как там тебе, очень весело?

Рой почувствовал знакомую вопросительно-напряженную нотку в ее голосе и тайком вздохнул.

— Надоело до чертиков,— сказал он.— Я целыми вечерами валяюсь в номере и читаю. Я прочел уже шесть книг, а теперь добрался до середины военного отчета генерала Маршалла.

— Но хоть один-то вечер ты дал себе отдых от чтения? — Алиса говорила осторожно, с нарочитым безразличием.

— Все не слава богу,— устало сказал Рой.— Ну в чем там дело?

— Мне позвонила Моника, она во вторник вернулась с побережья. Она тебя там видела в шикарном ресторане с какой-то очаровательной девицей.

— Если бы в мире существовала справедливость,— сказал Рой,— твою Моника давно бы сбросили на атолл Бикини.

— Моника говорит, что у нее длинные черные волосы.

— Твоя Моника совершенно права,— сказал Рой.— У нее длинные черные волосы.

— Не кричи, я тебя прекрасно слышу.

— Но твоя Моника почему-то упустила из виду, что эта «девица» — жена Чарли Льюиса...

— Она сказала, что вы были одни.

— ...а Чарли Льюис был в двадцати шагах от нас, в мужском туалете.

— Ты в этом уверен?

— Нет, может быть в дамском.

— Тебе, конечно, смешно, но с твоей бурной биографией...

— Я с моей бурной биографией — святой, по сравнению с другими мужьями.

— Ненавижу, когда ты начинаешь так шутить, — голос у Алисы задрожал, и гнев Роя мгновенно остыл.

— Слушай, маленькая, — сказал он мягко, — прилетай скорее. Чем скорее, тем лучше. И сразу кончится вся эта ерунда.

— Ну прости меня, — сказала Алиса покаянно и пожлоно. — Мы так часто разлучаемся с тобой в эти последние несколько лет. Я стала психопатка и дура. А кто платит за этот разговор?

— Компания.

— И слава богу! — Алиса вдруг рассмеялась. — Не хватало еще, чтобы мы с тобой ругались за собственные деньги. Ты меня любишь?

— Прилетай скорее.

— Это, по-твоему, ответ?

— По-моему, ответ.

— И по-моему, тоже. До свиданья, дорогой. До скорой встречи.

— Поцелуй от меня Салли, — сказал Рой.

— Хорошо, поцелую. Будь здоров.

Рой повесил трубку и устало покачал головой, вспоминая едва не разгоревшуюся ссору, потом вспомнил конец разговора и улыбнулся. Он встал с кресла и пошел к столу посмотреть на календарь — когда же могут прилететь жена с дочкой.

Три дня спустя он получил телеграмму: «БИЛЕТЫ ЗАКАЗАНЫ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ МАЯ ДВА УТРА зпт БУДЕМ БУРБАНКЕ ДЕСЯТЬ ВАШЕМУ ВРЕМЕНИ ПОЖАЛУЙСТА ПОБРЕЙСЯ ЛЮБЛЮ АЛИСА».

Усмехнувшись, Рой перечитал телеграмму и вдруг уловил в себе какое-то смутное беспокойство. Он попробовал вытащить его на поверхность, но оно не давалось. Целый день пробродил он по городу с этим невнятным чувством беды, и только ночью, когда он прикрыл глаза и уже почти забылся сном, сознание внезапно проявилось. Он мгно-

вонно стряхнул с себя сонливость, встал и снова перечитал телеграмму. «Четырнадцатое мая». Не гася свет, он присел на узкую кровать своего безликого гостиничного номера, закурил сигарету и попытался не спеша разобраться в своих мыслях.

Он никогда не был суеверен, больше того, он никогда не был религиозен и вечно посмеивался над своей матерью, у которой всегда имелся под рукой целый набор снов, предзнаменований, хороших и дурных примет. У Алисы — у той были свои суеверные привычки, например, если она очень хотела, чтобы что-нибудь случилось, она никогда не говорила об этом вслух, потому что, если об этом упомянуть или просто слишком много об этом думать, — ни за что не сбудется. Но и над этим Рой не упускал случая подтрунить. Во время войны, когда любой журналист готов был поклясться, что пи в одном окопе не сыщешь атеиста, он ни разу не молился, даже в самые тяжелые и опасные минуты. За всю свою сознательную жизнь он ни разу не изменил своих намерений из-за предчувствия или по суеверию. Он окинул взглядом свою удобно обставленную, светлую комнату, нормальную комнату двадцатого века, и ему стало стыдно, что он, вместо того чтобы спать, гоняется среди ночи за призраками и морочит свою инженерную голову, копаясь в обрывках старых снов и нелепых знамений.

Ведь он же совершенно ясно помнит этот сон. Четырнадцатого мая должна была умереть его сестра. Но слы нельзя понимать буквально, а Элизабет так похожа на Алису, они вечно вместе и так дружат... Он ведь достаточно смыслит в снах, чтобы понять, что в этом странном призрачном мире легко могут перепутаться жена и сестра, сестра и жена. И надо же — из всех трехсот шестидесяти пяти дней в году его жена и ребенок выбрали именно четырнадцатое мая — лететь за три тысячи миль, через весь континент, из Нью-Йорка в Калифорнию.

Он просидел полночи, но так ни до чего и не додумался, потом погасил свет и постарался уснуть. Он лежал, уставившись в темный потолок, слушая, как за окном проносятся, шурша шинами, случайные автомобили, спеша домой из этой изнурительной ночи. «Для человека, который не верит в судьбу, — подумал он, — который осознает мир в естественной связи причин и следствий, который знает, что ничего неизбежного нет, и то, что должно произойти завтра или через секунду, не только не предопределено, а, наоборот, тысячу раз проблематично, который

понимает, что предсказать человеку заранее где и когда он умрет — никто не может, а книга судеб — это просто пустая болтовня; для кого самая мысль о том, что человечество может получать какие-то там указания или предостережения свыше — абсурдна, для такого человека проводить ночь, как он — это по меньшей мере смешно и бессмысленно». Он, который всю жизнь спокойно проходил под приставными лестницами и с легким сердцем бил зеркала, которому ни разу в жизни не ворожили по руке и не гадали на картах, он ведет себя просто по-идиотски, но спать он все равно не может.

Утром он позвонил в Нью-Йорк.

— Алиса, я хочу, чтобы ты поехала поездом.

— Что случилось? — спросила она.

— Я боюсь самолета, — он уснышал, как она недоверчиво засмеялась. — Я боюсь самолета, — повторил он упрямо.

— Ну что ты говоришь глупости, — сказала она. — На этой линии до сих пор не было ни одной аварии, неужели ты думаешь, что они начнут непременно с меня?

— Мало ли что...

— И потом я вовсе не хочу, чтобы Салли три дня веселилась у меня в купе. Мне после этого за целое лето не прийти в себя.

— Я тебя прошу, — сказал Рой.

— И потом — на поезд билеты надо заказывать за несколько недель, а квартиру я уже сдала и вещи тоже. Что с тобой, что на тебя нашло? — голос у нее был усталый и подозрительный.

— Ничего, — сказал Рой, — просто я почему-то волнуюсь, как ты долетишь.

— Боже мой! — сказала Алиса. — Ты сам налетал двести тысяч миль на всех этих супермодернах...

— Поэтому я и волнуюсь.

— Ты, по-моему, пьян!

— Алиса, миленькая, — вздохнул Рой, — здесь сейчас восемь часов утра.

— Да, но ты как-то странно разговариваешь.

— Я всю ночь не спал. Я очень беспокоюсь.

— Ну так перестань беспокоиться. Четырнадцатого я уже буду с тобой. У тебя все в порядке? Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да.

— Какой-то очень странный звонок...

— Что ж, извини...

Они обменялись еще несколькими пустыми и холодными фразами, и Рой повесил трубку. Он так ничего и не добился и готов был смириться с поражением.

Но через два дня он позвонил снова и начал все сначала:

— Только не задавай вопросов,— начал он.— Сделай так, как я тебя прошу. Я все тебе объясню, когда мы встретимся. Ты хочешь лететь самолетом? Лети на здоровье, но только не четырнадцатого. Лети пятнадцатого, шестнадцатого, хоть семнадцатого, в любой другой день. Только не четырнадцатого.

— Рой,— сказала Алиса,— я ужасно беспокоюсь. Что такое на тебя нашло? Я советовалась с Элизабет, она говорит, что это совершенно на тебя не похоже.

— Как она там?

— Она хорошо. Она говорит, чтобы я не обращала внимания на твои фокусы и летела, как собиралась.

— Скажи ей, чтобы она, черт ее побери, не совала нос не в свое дело.— Голос у Роя был хриплый и нервный: он много работал и плохо спал по ночам.

Алиса рассердилась.

— Мне кажется, я начинаю понимать, что происходит,— сказала она холодно.— Моника говорит, что четырнадцатого у Кондонов большой прием, ты уже, наверное, договорился с кем-нибудь туда пойти, и жена для тебя будет только помехой.

— Господи боже мой, да прекрати ты это наконец! — заорал Рой.

— Не зря же я живу с тобой семь лет, я тебя немножко знаю, я все-таки не слепая.

— Вылетай сегодня,— кричал Рой в трубку,— вылетай завтра! Вылетай тринадцатого! Только не четырнадцатого!

— Ты прекрасно знаешь, что если я откажусь от заказанных билетов, мне не вылететь раньше июня. Если ты вообще больше не хочешь меня видеть — ты так и скажи. И не надо всей этой болтовни.

— Алиса, милая,— взмолился Рой,— клянусь тебе, я очень хочу тебя видеть.

— Тогда перестань говорить глупости и сейчас же объясни мне, в чем дело.

— Алиса, дело видишь ли...— пускай потом он будет чувствовать себя идиотом — наплевать, он скажет ей все, но что-то щелкнуло, и в трубке послышалось бормотание трехтысячемильной тишины. Когда через десять минут ему снова дали Нью-Йорк, собственная решимость пока-

залась ему смехотворной: его столько лет считали разумным, надежным и вдруг обнаруживается, что на самом деле он — нервноболевой, страдающий размягченным мозгом; безответственный дурак, на которого ни в чем нельзя положиться, — что там жена — он сам потеряет к себе всякое уважение.

Когда телефонистка соединила его наконец с Алисой, он сказал:

— Могу добавить только одно: я тебя очень люблю, очень, и если с тобой что-нибудь случится, я не знаю, как я буду жить дальше.

Он услышал, как на том конце провода она заплакала. «Нам надо скорее быть вместе,— сказала она.— Рой, милый, я тебя очень прошу, не звони мне больше. Ты так странно себя ведешь, что когда я кладу трубку, мне начинают лезть в голову ужасные мысли. Ведь когда я приеду, все будет в порядке — правда?»

— Все будет прекрасно, дорогая.

— И ты больше никуда и никогда без меня не поедешь? Никогда?

— Никогда.

Он мог сейчас с закрытыми глазами увидеть, как она, поджав под себя ноги, словно малепькая девочка, сидит у телефона в их спальне, в их чудном, тихом доме, держит обеими руками трубку, а прелестное, умное ее лицо озабоченно и печально. Что тут еще скажешь?!

— Спокойной ночи, и будь осторожна.

Он повесил трубку и дико уставился на глухую противоположную стену, зная, что и этой ночью ему будет не до сна.

Четырнадцатого с утра на город опустился туман. Рой поглядел на него горящими от бессонницы глазами и вышел на улицу; в голове было легко и пусто, он медленно шел по тихим серым улицам, где только полицейские машины да тележки молочников пробивались сквозь мучнистую мякоть рассвета.

«Калифорния,— подумал он.— В Калифорнии всегда туман по утрам, до восьми часов вся Калифорния в тумане, а на Атлантическом и время другое, и погода, и до ее самолета еще бог знает сколько времени».

«Это все война,— думал он.— До войны со мной такого бы не случилось. Я-то считал, что для меня все кончилось благополучно, но я себя, кажется, переоценил. Все

эти кладбища, где столько молодых ребят упрятано в песок под зеленую травку, эти лондонские старухи в черных кружевных платьях, гибнущие под бомбежками через улицу от твоего дома... и ничего удивительного, что у человека в конце концов становится большое воображение. Но ты не должен поддаваться, — урезонивал он себя, — ты же в любых переделках умел оставаться нормальным, уравновешенным, здоровым человеком, ты всегда сам потешался над меднумами, спиритами, попами и психоаналитиками...»

Туман редел. Рой остановился и долго смотрел на темный силуэт далеких гор, охранявших восточные подходы к городу. Самолеты переваливали через эту громаду, круто спускались в долину, делали круг над городом и уже с запада шли на посадку. Над горами мелькнула голубая полоска, она становилась все шире, и туман начал рассеиваться, расплзаться клочьями, обнажая уродливые пузатые пальмы, выстроившиеся вдоль улицы; вскоре солнце уже сверкало на росистой траве газонов, а небо казалось голубым и прозрачным от Беверли Хилз и до Шотландии.

Он вернулся в отель и, не снимая ботинок, бросился на кровать. Он не помнил, сколько проспал. Но перед тем как проснуться — словно во сне ему показывали кинохронику воздушного боя — он успел разглядеть, как в смятенье пелись к земле сквозь клубы дыма кувыркающиеся самолеты, и надо всем жалобный голос Салли повторял: «А это правда, надо спать? А то я такая проснутая?!» Она всегда так говорила, когда ее укладывали.

Он взглянул на часы. Час тридцать по пью-йоркскому. Они уже в аэропорту, на летном поле уже стоит огромный самолет, вокруг него колдуют механики, а заправщики проверяют топливные баки. «Ну и черт с ним, — подумал он, — пусть они считают меня идиотом. Плевать».

Он поднял трубку.

— Нью-Йорк, аэродром Ля Гардиа.

— Минуточку, подождите минуточку, — процела телефонистка, — я вам перезвоню.

— Это очень важно, — сказал Рой. — Дайте срочный.

— Минуточку. Подождите минуточку, — на той же ноте протянула она, — я вам перезвоню.

Он опустил трубку и подошел к окну. Над холмами, до самого Нью-Йорка, простерлось сверкающей голубизны небо. «Я скажу ей все, глупо или не глупо. Я запрещу ей садиться в самолет. А уж как-нибудь потом мы над этим посмеемся. Я вылечу к ней первым же самолетом,

и мы вместе прилетим обратно. Это ее убедит, что тут у меня никого и ничего нет».

Он достал свой саквояж, засунул туда три рубашки, потом снова взялся за телефон. Через пять минут он дозвонился до аэропорта, еще пять минут ушло на то, чтобы коммутатор соединил его со службой перевозок.

— Моя фамилия Гэйпор.— Он так спешил, что голос у него дрожал и срывался на верхках.— Это очень необычная просьба, поэтому, прошу вас, выслушайте меня внимательно.

— Как вы сказали, сэр, ваша фамилия?

— Гэйпор. Гарри — Элизабет — Йорк — Николас — Оливер — Ральф.

— Да-да, понял, Гэйпор, как этот знаменитый кабачок — отдаленный голос вежливо посмеялся собственной шутке.— Так чем я могу быть вам полезен, сэр?

— Моя жена с дочерью...

— Говорите громче, пожалуйста.

— Моя жена с дочерью,— завопил Рой,— миссис Алиса Гэйпор, они в два часа вылетают на Лос-Анджелес. Я прошу вас задержать их...

— Что вы сказали?

— Я сказал, что прошу их задержать. Они не должны сесть в самолет. Моя жена и ребенок. Миссис Алиса Гэйпор. Рейс на Лос-Анджелес в два ноль-ноль.

— Боюсь, мистер Гейпор, что это невозможно.— Он был озадачен, но по-прежнему вежлив.

— Что значит «невозможно»? Вам достаточно объявить по радио, что...

— Невозможно, сэр. Двухчасовой уже пошел на взлет. Такая жалость, сэр. Может быть, я могу быть еще чем-нибудь полезен?

— Нет,— устало сказал Рой и опустил трубку на рычаг.

Он присел на край кровати, посидел, потом подошел к окну. За окном были желто-зеленые горы и ясное небо. Он так и застыл в ожидании звонка, уставившись на горы невидящим взглядом.

ТРИ МЕСЯЦА

Констанс нетерпеливо сидела на стульчике в каюте первого класса и время от времени подносила к губам бокал с шампанским, которое прислал Марк. Марка не было в городе, и он не смог приехать, но прислал шампанское. Констанс не любила шампанского, но пришлось его пить, потому что она не знала, что с ним еще делать. Отец стоял у иллюминатора и тоже держал в руке бокал. По лицу его было видно, что и он не любитель шампанского. Впрочем, может быть, ему не понравился только этот сорт. Или то, что вино прислал Марк. А может быть, дело было вовсе не в шампанском — просто отец сейчас немного расстроен.

Констанс чувствовала, что у нее хмурое лицо, и попыталась изменить выражение; она знала, что в такие минуты кажется моложе своих лет, девочкой лет шестнадцати-семнадцати. Но, как она ни старалась, лицо становилось все угрюмее, она была в этом уверена, и ей хотелось, чтобы поскорее прозвучал гудок и отец сошел на берег.

— Наверно, тебе придется много пить этой штуки, — сказал отец, — там, во Франции.

— Я не собираюсь долго оставаться во Франции, — возразила Констанс. — Поищу что-нибудь поспокойнее.

Голос ее прозвучал жалобно и раздраженно, как у капризного ребенка. Она попыталась улыбнуться отцу. Ей было очень тяжело несколько последних недель перед отъездом — все то время, что они спорили, с трудом подавляя вражду, — и теперь ей хотелось за десять минут, оставшихся до отплытия парохода, вернуть их прежнюю дружбу. И она улыбнулась, но даже ей самой улыбка показалась натянутой, холодной и кокетливой. Отец отвернулся и рассеянно глянул в иллюминатор на крытую набережную. Шел дождь, дул холодный ветер, и люди на пристани, ожидавшие команды отдать концы, казались жалкими и никому не нужными.

— Будет бурная ночь,— сказал отец.— У тебя есть драмамин?

Враждебность снова вернулась, потому что он спросил о драмамине. В такой момент!

— Мне не нужен драмамин,— сухо ответила Констанс и сделала большой глоток. Судя по этикетке, вино было самого высшего качества, как и все, что дарил Марк, но почему-то казалось кисловато-терпким.

Отец повернул голову и улыбнулся ей, но она подумала с горечью: «Больше никогда не позволю ему относиться ко мне как к маленькой». Он стоял перед ней, сильный, уверенный в себе, здоровый, еще молодой, и, казалось, втайне забавлялся. «Вот возьму сейчас и сойду на берег с этого распрекрасного парохода. Интересно, что ты тогда будешь делать?» — подумала Констанс.

— Завидую я тебе,— сказал отец.— Если бы кто-нибудь послал меня в Европу, когда мне было двадцать лет...

«Двадцать лет, двадцать лет,— подумала она.— Дались ему эти двадцать лет».

— Прощу тебя, папа, довольно об этом. Я на пароходе, я уезжаю, все уже решено, и давай не будем завидовать друг другу.

— Стоит мне сказать, что тебе двадцать лет,— ответил отец миролюбиво,— и ты сразу реагируешь так, будто я тебя оскорбил.

И он улыбнулся, страшно довольный собой, потому что был так проникателен, так хорошо понимал ее и потому что не был одним из тех отцов, чьи дети ускользают от родителей и бесследно исчезают в таинственных глубинах современности.

— Не будем говорить об этом,— сказала Констанс низким голосом. Она всегда старалась говорить низким голосом, когда не забывала об этом. Иногда по телефону ей удавалось казаться женщиной лет сорока или даже мужчиной.

— Развлекайся хорошенько,— сказал отец.— Побывай всюду, где интересно. А если захочешь остаться подольше, напиши мне. Может быть, я смогу к тебе приехать, и мы проведем несколько недель вместе...

— Ровно через три месяца,— прервала его Констанс,— и ни на один день позже, я сойду здесь на берег.

— Как скажешь, девочка.

По тому, как он сказал «девочка», было ясно, что он просто не хочет спорить с ней. Ужасно, что с тобой обращаются так сейчас, когда ты сидишь в этой скверной

каюте, на улице идет дождь, пароход вот-вот отчалит, а из соседней каюты доносятся громкий смех и прощальные возгласы. Если бы у них с отцом были другие отношения, она бы заплакала.

Дали гудок, чтобы провожающие сошли на берег, отец подошел и поцеловал ее, задержав руки у нее на плечах, и Констанс попыталась быть с ним любезной. Но когда он сказал очень серьезно: «Вот увидишь — через три месяца ты скажешь мне за это спасибо», она оттолкнула его, возмущаясь его отвратительной самоуверенностью и в то же время чувствуя боль оттого, что они, такие близкие прежде, стали теперь чужими.

— До свидания,— сказала Констанс срывающимся и вовсе не низким голосом.— Слышишь — гудок. До свидания.

Отец взял шляпу, потрепал ее по плечу, задержался на миг у двери, глядя на нее задумчиво, но без тревоги, потом вышел в коридор и смешался с толпой провожающих, устремившихся к трапу.

Когда отец ушел, Констанс поднялась на палубу и долго стояла там одна под дождем на пронизывающем ветру, глядя, как буксиры выводят пароход. Он медленно проплыл мимо причалов порта и вышел в море. Дрожая от холода, Констанс думала: «Я плыву в страну, где все мне чуждо»,— и ей было приятно величие ее чувств.

Подъемник подходил к середине горы, и Констанс пристегнула себя ремнем к штанге. Потом она проверила, хорошо ли лыжи держатся в гнезде. Впереди на площадке стояли на утоптанном снегу несколько лыжников, которые съехали вниз только до половины горы и теперь ждали, когда подойдет пустое кресло, чтобы снова подняться на вершину. Констанс всегда чувствовала себя здесь не совсем уверенно, потому что, когда ты на сиденье одна, первый же человек в очереди сядет рядом с тобой, нагрузка сразу сильно увеличится, и от резкого движения легко потерять равновесие. Она видела, что место рядом с ней должен занять мужчина, и приготовилась держаться прямо и изящно, пока он будет устраиваться. Он легко опустился рядом с ней, и подъемник заскользил вдоль цепочки стоящих лыжников. Она чувствовала, что он смотрит на нее, но не повернула головы, потому что внимательно глядела вперед и вниз.

— А я вас знаю,— сказал мужчина, когда подъемник снова пополз вверх. Он сидел, опираясь плечом о штангу; лыжи их тихонько подпрыгивали.— Вы та самая серьезная американка.

Констанс в первый раз взглянула на него.

— А вы,— сказала она, потому что здесь, в горах, все разговаривали друг с другом,— вы тот самый веселый англичанин.

— Угадали наполовину.— Он улыбнулся. У него было загорелое лицо лыжника и на скулах румянец, как у девушки.— Во всяком случае, на одну треть.

Констанс знала, что его зовут Причард, она слышала, что так его называли в отеле. Кто-то из тренеров сказал о нем: «Отчаянный парень. Он переоценивает себя. Для такой скорости ему не хватает техники». Она посмотрела на него и решила, что он и правда кажется отчаянным. У него был длинный нос — такой нос плохо выходит на снимках, но в жизни вовсе не кажется некрасивым, особенно на худом длинном лице. Лет двадцать пять, подумала Констанс, двадцать шесть. Не больше. Он слегка опирался спиной о стойку, не держась руками. Потом он снял перчатки, порылся в карманах и, вытащив пачку сигарет, протянул ее Констанс.

— Спортивные,— сказал он.— По-моему, ничего.

— Нет, спасибо,— ответила Констанс. Она была уверена, что выпадет из кресла, если попытается зажечь спичку.

Англичанин закурил, немного нагнув голову над сложенными ладонями, и скосил глаза на поднимающуюся струйку дыма. У него были длинные тонкие пальцы. Почему-то всегда кажется, что такие руки должны быть у нервных людей, которых легко огорчить. Он был высок и строен, на нем был красный свитер и клетчатый шарф, а спортивные брюки — Констанс это отметила — немало повидали на своем веку. Он производил впечатление денди, который постоянно посмеивается над собой. Он чувствовал себя на лыжах легко и свободно, и было видно, что он не из тех, кто боится упасть.

— Я ни разу не видел вас в баре,— сказал Причард, бросив спичку в снег и надевая перчатку.

— Я не пью,— ответила Констанс, но это было не совсем правдой.

— Там есть кока-кола. Ведь Швейцария — сорок девятый штат.

— Я не люблю кока-колу.

— Когда-то она была одной из ваших главных колоний.— Он усмехнулся.— Швейцария. Но мы потеряли ее так же, как и Индию. До войны англичан здесь было больше, чем эдельвейсов в горах. Если бы вам захотелось поглядеть на швейцарца между первым января и тринадцатым марта, его пришлось бы разыскивать с собаками.

— Вы были здесь до войны? — удивилась Констанс.

— Да, с матерью. Она тут каждый год обязательно ломала ногу.

— Она сейчас тоже здесь?

— Нет,— сказал он.— Она умерла.

«Никогда,— думала Констанс, не глядя на человека, сидящего рядом с ней,— не нужно спрашивать европейцев об их родных. Их почти никого нет в живых».

— Тогда здесь было очень весело,— продолжал Причард.— Все отели переполнены, каждый вечер танцы, к обеду все одевались, а под Новый год пели «Боже, храни короля». Кто бы поверил, что когда-нибудь здесь станет так тихо?

— Да,— сказала Констанс,— я спрашивала в бюро путешествий в Париже.

— О! И что же вам там сказали?

— Что все здесь всерьез занимаются лыжами и ложатся спать в десять часов.

Англичанин быстро взглянул на нее.

— А вы занимаетесь лыжами не всерьез?

— Нет, я всего раза два-три стояла на лыжах до этого.

— А вы не...?

— Что? — Она с недоумением поглядела на него.

— Ну, в рекламах, знаете — «Школы для детей со слабым здоровьем. Швейцария — страна для больных туберкулезом».

Констанс засмеялась.

— Разве похоже, что у меня туберкулез?

Он серьезно посмотрел на нее, и Констанс показалось, что она толстая и развязная и что свитер слишком плотно обтягивает ее грудь.

— Нет, не похоже. Да ведь кто угадает? Вы читали «Волшебную гору»?

— Да,— ответила Констанс, чувствуя гордость оттого, что она не так уж невежественна, хотя и очень молода и приехала из Америки. Она помнила, что пропустила философские рассуждения и плакала над смертью сестры.— Да, читала. А что?

— Здесь недалеко санаторий, о котором там написано. Я его вам как-нибудь покажу, когда будет плохой снег. Вам не кажется, что здесь грустное место?

— Нет,— ответила она удивленно.— Почему грустное?

— Да некоторым так кажется. Из-за контраста. Чудесные горы, сильные, здоровые лыжники мчатся вниз сломя голову и ног под собой не чувствуют от радости, хоть и знают, что каждую секунду могут сорваться в пропасть, и тут же томятся люди с больными легкими, смотрят на них и гадают, удастся ли им когда-нибудь выбраться отсюда живыми.

— Знаете, я об этом никогда не думала,— честно призналась Констанс.

— Сразу после войны было хуже,— сказал он.— Сразу после войны здесь начался бум. Все, кому пришлось голодать, скрываться или сидеть в тюрьме, кто так долго жил в страхе...

— Где же все они сейчас?

Причард пожал плечами.

— Кто разорился, кто и по сей день напрасно ищет работу, кто умер...— сказал он.— А правда, что в Америке люди отказываются умирать?

— Да,— ответила Констанс.— Это значит признать себя побежденным.

Он улыбнулся и похлопал ее по руке в перчатке, которой она крепко держалась за среднюю перекладину.

— Не сердитесь, что мы так завистливы,— сказал он.— Ведь только так мы и можем проявить свою признательность.

Он мягко оторвал ее пальцы от дерева.

— И не нужно так напрягаться, когда вы на лыжах. Даже пальцы нельзя сжимать. Даже брови нельзя хмурить, пока не пойдете пить чай. Легкость, свобода и отчаянная уверенность — вот что главное.

— И вам все это удастся?

— В основном отчаяние.

— Но что же вам тогда делать на этом спуске для начинающих? Почему вы не подниметесь на ту вершину?

— Я вчера растянул лодыжку,— ответил Причард.— Переоценил себя. Что делать, февральская болезнь. Потерял управление и с блеском свалился в овраг. Так что сегодня я способен только писать медленные величественные дуги. Но завтра мы снова пойдём на приступ,— он протянул руку к вершине, до половины скрытой в тумане, над ней мокрым пятном расплывался тусклый круг солн-

ца, и от этого вершина казалась грозной и опасной.— Пойдем? — Он вопросительно посмотрел на нее.

— Я еще не была там ни разу,— сказала Констанс, почтительно разглядывая гору.— Боюсь, она пока еще не для меня.

— Нужно всегда делать то, что пока еще не для тебя,— сказал он.— На лыжах. Иначе пропадает все удовольствие.

Они помолчали немного, медленно подымаясь вверх. Ветер дул им в лицо, и все вокруг было залито тихим туманным светом, какой бывает только в горах. Впереди них ярдах в двадцати ехала девушка в желтой парке, похожая на яркую покорную куклу.

— Итак, что же Париж? — спросил Причард.

— Что? (Он все время перескакивает,— подумала Констанс, немного растерявшись.)

— Вы сказали, что приехали из Парижа. Значит, вы из тех симпатичных людей, что приезжают сюда оставить нам денежки вашего правительства?

— Нет,— ответила Констанс.— Я приехала сюда... приехала просто отдохнуть. Вообще я живу в Нью-Йорке. А от французской кухни я просто чуть не умерла.

Он оглядел ее критически и сказал:

— Вы очень мало похожи на умирающую. Вы похожи на девиц из американских журналов, которые рекламируют мыло и пиво. Беру свои слова обратно, если в вашей стране это считается оскорблением,— добавил он поспешно.

— А какие в Париже мужчины!

— О, в Париже есть мужчины?

— Они всюду преследуют тебя, даже в музеях. Разглядывают с ног до головы, будто оценивают. И все это среди картин религиозного содержания.

— Я знал одну девушку,— сказал Причард,— она была англичанка. В сорок четвертом году ее от Прествика — это в Шотландии — до самого Корнуолла преследовал американский пулеметчик. Три месяца. Впрочем, насколько мне известно, картины религиозного содержания там не фигурировали.

— Вы знаете, о чем я говорю. Вся эта развязность... — строго сказала Констанс.

Она видела, что он с самым невозмутимым видом потешается над ней, как это умеют англичане, и не знала, следует ей обидеться или нет.

— Вы воспитывались в монастыре?

— Нет.

— Многие американские девушки рассуждают так, будто воспитывались в монастыре. А потом вдруг оказывается, что они хлещут джин и устраивают скандалы в барах. Что вы делаете по вечерам?

— Где, дома?

— Нет. Что американцы делают по вечерам, я знаю. Они смотрят телевизор,— сказал он.— Я спрашиваю, что вы делаете здесь?

— Я... я мою голову,— сказала она с вызовом, чувствуя, как это глупо.— Пишу письма.

— Сколько вы еще здесь пробудете?

— Шесть недель.

— Шесть недель.— Он кивнул и перекинул палки на другую сторону, потому что они уже подъезжали к вершине.— Шесть недель чистейших волос и корреспонденции.

— Я обещала,— сказала она, решив, что, может быть, стоит сказать ему обо всем, а то он вдруг заберет себе что-нибудь в голову.— Я обещала одному человеку писать каждый день, пока меня нет.

Причард кротко кивнул, как будто сочувствуя ей.

— Да, американцы,— сказал он, когда подъемник остановился и они прыгнули на площадку.— Порой они ставят меня в тупик.— Он помахал ей палками и ринулся вниз, и красный свитер его яркой точкой замелькал на белом с синими тенями снегу.

Солнце скользнуло в просвет между двумя вершинами, как золотая монета в щель гигантского автомата. Все казалось плоским в его обманчивом свете, и ухабы были почти неразличимы. Съезжая вниз, Констанс упала два раза и теперь суеверно думала, что обязательно упадет еще,— так всегда бывает, стоит только сказать себе, что едешь в последний раз.

Она остановилась на утоптанном снегу между двумя шале, стоящими на окраине города, и с облегчением сбросила лыжи. У нее замерзли пальцы на руках и ногах, но вообще ей было тепло, щеки горели, и она радостно вдыхала чудесный холодный и немного разреженный горный воздух. Она чувствовала себя сильной и здоровой и весело улыбалась лыжникам, которые останавливались рядом с ней, гремя лыжами. Она стряхивала приставший к костюму, когда она падала, снег, чтобы все считали ее настоящей лыжницей, когда придется идти по городу, и в

это время Причард, взлетев на последнем трамплине, с шумом остановился возле нее.

— А я видел,— он наклонился отстегнуть крепления.— Видел, но не скажу ни одной живой душе.

Констанс в последний раз смущенно провела рукой по ледяным кристалликам на парке и сказала:

— Я упала всего четыре раза за весь день.

— Там, наверху,— он кивнул в сторону горы,— вы будете завтра летать в снег целый день.

— Я не говорила, что пойду с вами.

Она застегнула ремешком сложенные лыжи и стала устраивать их у себя на плече. Причард протянул руку и взял у нее лыжи.

— Я упала всего четыре раза за весь день.

— Американки почему-то всегда проявляют твердость характера, когда дело не стоит выеденного яйца.

Он уложил две пары лыж у себя на плечах под углом, и они пошли по грязному, утопанному снегу, скрипящему под их ботинками. В городе зажглись огни, совсем бледные в гаснущем свете дня. Мимо них прошел почтальон; большая собака вместе с ним тащила его сани. Шесть ребятшек в лыжных костюмах съехали по круто спускающемуся вниз переулку на связанных цугом салазках и, звонко хохоча, вывалились в снег у самых их ног. Большая рыжая лошадь медленно протащила к станции три огромных бревна. Несколько стариков в голубых парках сказали «Grüezi», поравнявшись с ними. Зажав коленями бидон с молоком, мимо вихрем пронеслась на маленьких салазках служанка из какого-то домика наверху. На катке играли французский вальс, звуки музыки сливались со смехом детей, звоном колокольчика на дуге у лошади и далекими ударами старинного колокола на вокзале, где отходил поезд. «Пора»,— говорил колокол, пробиваясь сквозь другие звуки.

Далеко в горах раздался глухой взрыв, и Констанс удивленно подняла голову.

— Что это?

— Пушки,— ответил Причард.— Прошлой ночью шел снег, и сегодня солдаты целый день стреляют по снежным глыбам. Чтобы они обвалились.

Снова прокатился неясный гул, они остановились и стали слушать, как замирает эхо.

— Как в старые добрые времена,— сказал Причард, когда они пошли дальше,— старые добрые времена, когда была война.

— О...— Констанс никогда раньше не слышала, как стреляют пушки, и сейчас ей было немного не по себе.— Война. Вы тоже воевали?

— Воевал,— он усмехнулся.— Так, самую малость.

— Что же вы делали?

— Я был ночным истребителем,— ответил Причард, поправляя на плечах сложенные хомутом лыжи.— Летал на гнусном черном самолете по гнусному черному небу. Знаете, что мне больше всего нравится в швейцарцах? То, что они стреляют только по снегу.

— Ночной истребитель,— задумчиво повторила Констанс. Ей было всего двенадцать лет, когда кончилась война, и в памяти у нее сохранились только смутные, неясные обрывки. Так бывает, когда тебе рассказывают о классе, который кончил школу за два года до тебя. Люди постоянно называют имена, даты и события, думая, что тебе они тоже известны, а ты так и не можешь разобраться в них до конца.

— Мы летали над Францией и работали по перехвату,— продолжал Причард.— Летали на бреющем, чтобы не засекли радары и не подбили зенитки. Мы кружим над аэродромом, а необстрелянные новички просто места себе не находят, не чают дожидаться, когда же наконец машины выпустят шасси и пойдут на посадку.

— О, теперь я вспомнила,— решительно сказала Констанс,— вы ели морковь, чтобы лучше видеть ночью.

Причард расхохотался.

— Это в газетах мы ели морковь, а на самом деле у нас были локаторы. Засечешь немца на экране и начинаешь стрелять, как только становится видно пламя выхлопной струи. Нет уж, пусть другие едят морковь, а мне дайте радар.

— И много самолетов вы сбили? — спросила Констанс, думая, что, может быть, не нужно говорить об этом.

— Grüezi,— сказал Причард хозяину pension'a, который стоял у двери и глядел на небо, решая, пойдет ли ночью снег.— К утру будет двадцать сантиметров. Снежная пыль.

— Вы думаете? — спросил тот, с сомнением взглядываясь в вечернее небо.

— Гарантирую.

— Вы очень любезны,— сказа хозяин, улыбаясь.— Приезжайте в Швейцарию почаще,— и он вопел в свой pension и закрыл за собой дверь.

— Пару,— сказал Причард небрежно.— Мы сбили пару самолетов. Поведать о своих подвигах?

— На вид вы так молоды.

— Мне тридцать лет,— ответил Причард.— Да много ли должен человек прожить, чтобы сбить самолет? Особенно жалкую, тянущуюся на последних каплях горючего пассажирскую тарахтелку, битком набитую священниками и тыловиками, которые каждую минуту протирают очки и думают, зачем только была изобретена эта проклятая машина.

Они снова услышали далекие голоса пушек в горах, и Констанс захотелось, чтобы больше не стреляли.

— Вам никогда не дашь тридцати,— сказала она.

— Я веду простой и полезный для здоровья образ жизни. Стоп,— сказал он (в эту минуту они проходили мимо одного из маленьких отелей), положил лыжи на подставку и воткнул палки в снег рядом.— Давайте зайдем и выпьем по простой и полезной для здоровья чашке чая.

— Вы знаете,— начала Констанс,— я...

— Сократите сегодняшнее письмо на две страницы, но вложите в него побольше пыла.— Он мягко, почти не касаясь взял ее под руку и повел к двери.— А на волосы надеете блеск как-нибудь в другой раз.

Они прошли в бар и сели за массивный резной деревянный стол. Кроме них, здесь не было ни одного лыжника, только несколько местных жителей, сидя за покрытым сукном столиком у стены, где висели рога серны, мирно играли в карты и пили кофе из плоских бокалов на высоких ножках.

— Ну, что я вам говорил,— сказал Причард, снимая шарф.— В этой стране просто деваться некуда от швейцарцев.

Подошел официант, и Причард сказал ему что-то по-немецки.

— Что вы заказали? — спросила Констанс, догадавшись, что он просил принести не только чай.

— Чай с лимоном и черный ром.

— Вы думаете, мне тоже стоит выпить рому?

— Ром стоит пить всем без исключения. Он поможет вам удержаться от самоубийства в сумерки.

— Вы говорите по-немецки?

— О, я говорю на всех мертвых языках Европы,— ответил он.— По-немецки, по-французски, по-итальянски, по-английски. Я получил всестороннее образование для мира обменной валюты.— Он откинулся на спинку стула, растирая ладонью суставы пальцев, чтобы согреть руки. Прислонившись затылком к деревянной панели стены, он

улыбнулся Констанс, и она не могла решить, хорошо ей или нет.— А теперь скажите: «Хи-хо, малыши!»

— Что? — растерялась она.

— Разве в Америке так не говорят? Я хочу усовершенствовать свое произношение для следующего путешествия.

— Нет,— ответила Констанс, думая: «Господи, какой он нервный. Интересно, что с ним было, почему он стал таким?» — Больше не говорят. Это сейчас уже не модно.

— Как быстро в вашей стране выходит из моды все стоящее,— сказал он с сожалением.— Возьмите швейцарцев,— он кивнул головой в сторону игравших в карты.— Эта игра идет у них с 1910 года. Здесь так безмятежно, как будто живешь на берегу озера. Конечно, мало кто может вынести такую жизнь. Помните шутку о швейцарцах из той картины о Вене?

— Нет. Из какой картины? — спросила Констанс и подумала: «Первый раз в жизни я назвала фильм картиной. Осторожно!»

— Один из героев говорит: «Швейцария не воевала сто пятьдесят лет. И что она дала миру? Часы с кукушкой». Не знаю,— Причард пожал плечами.— Может быть, лучше жить в стране, которая изобретает часы с кукушкой, а не радар. Маленькая забавная игрушка, которая каждые полчаса издает безобидный механический звук. Что ей время? Но для тех, кто изобретает радар, время — грозный фактор, для них оно разница между высотой полета и расположением батареи, которая должна тебя сбить. Радар нужен тем, кто никому не верит и всюду видит ловушку. А вот и чай. Как видите, я всю стараюсь развеселить вас, потому что наблюдаю за вами уже пять дней и вы производите впечатление девушки, которая несколько раз в неделю обязательно плачет по ночам.

— Сколько его нужно налить? — спросила Констанс, совершенно сбита с толку потоком его слов. Она держала в руке ром и старательно избегала смотреть на Причарда.

— Половину,— ответил он.— Чтобы осталось для второй чашки.

— Хорошо пахнет,— сказала Констанс, вдыхая пар, поднимающийся из чашки, после того как она вылила туда половину рома и выжала лимон.

— Может быть...— Причард приготовил чай для себя.— Может быть, мне лучше говорить о чем-нибудь постороннем?

— Пожалуй, так будет лучше,— ответила она,

— Тот парень, который получает ваши письма,— спросил Причард,— почему он не здесь?

Констанс на миг заколебалась.

— Он работает.

— О, это серьезный порок.— Он сделал несколько глотков, поставил чашку и вытер нос платком.— У вас так тоже бывает от горячего чая?

— Да.

— Вы собираетесь за него замуж?

— Вы же обещали говорить только о постороннем.

— Ясно. Значит, это дело решенное.

— Я этого не говорила.

— Правильно. Но вы сказали бы «нет», если бы я не угадал.

Констанс засмеялась.

— Ну хорошо. Решенное. По крайней мере почти решенное.

— Когда?

— Через три месяца,— ответила она, не подумав.

— Это что, в Нью-Йорке такой закон, что нужно ждать три месяца? Или просто маленькое семейное табу?

Констанс молчала, вдруг почувствовав, как давно она ни с кем по-настоящему не говорила. Она заказывала обеды и ужины, спрашивала, как ей проехать с вокзала, говорила «доброе утро», входя в магазины, но, если не считать всего этого, она жила в полном одиночестве и молчании, и оттого, что она сама была в этом виновата, ей было не легче. А почему бы и нет, подумала она эгоистично и с благодарностью, почему бы не рассказать обо всем один раз?

— Так захотел мой отец,— сказала она, сминая бумажный стаканчик.— Это он придумал. Он против. Он сказал: подожди три месяца и подумай. Ему кажется, что за три месяца в Европе я забуду Марка.

— Да, Америка,— протянул Причард.— Единственное место на земле, где люди могут позволить себе старомодные поступки. А чем плох Марк? Он что, урод?

— Он красивый. Грустный и красивый.

Причард кивнул, как бы беря его это на заметку.

— Но нет денег?

— Денег сколько угодно,— сказала Констанс,— во всяком случае, у него хорошая работа.

— В чем же тогда дело?

— Отец считает, что он слишком стар для меня. Ему сорок лет.

— Да, тут есть над чем задуматься. Поэтому он и грустит?

Констанс улыбнулась.

— Нет, он таким родился. Он очень серьезный человек.

— Вам нравятся только сорокалетние мужчины? — спросил Причард.

— Мне нравится только Марк, — сказала Констанс. — Правда, я никогда не могла подружиться со своими знакомыми молодыми людьми. Они... они какие-то жестокие. Почему-то с ними я всегда смущаюсь и сержусь на себя. Когда я бываю с ними где-нибудь, то потом прихожу домой с таким чувством, будто меня вывернули наизнаку.

— Вывернули наизнаку? — удивился Причард.

— Да. Я чувствую, что вела себя совсем не так, как это свойственно мне, а так, как, по-моему, должны вести себя их девушки. Кокетливо, лекомысленно, цинично. Это слишком сложно?

— Я ненавижу, когда люди считают меня не тем, что я есть на самом деле. — Констанс, казалось, совсем забыла о молодом человеке, который сидел против нее за столиком, и теперь с горечью говорила для себя. — Ненавижу, когда о тебе вспоминают только потому, что кто-то окончил колледж или вернулся из армии и по этому поводу нужно устроить вечер. Ты — вещь, которую можно пригласить на этот вечер, а потом обнимать в такси по дороге домой. А мой отец! — Она еще никому не говорила об этом. — Я всегда думала, что мы с ним настоящие друзья, что он считает меня взрослым человеком и доверяет мне. Но когда я сказала ему, что хочу выйти замуж за Марка, то поняла, что все это ложь. На самом деле он считает меня ребенком, то есть попросту дурочкой. Мама ушла от него, когда мне было десять лет, и с тех пор мы всегда были очень дружны, но оказалось, вовсе не так дружны, как я думала. Он просто тешил меня, играя в доверие. И все кончилось, как только нам нужно было решать первый серьезный вопрос. Он не мог допустить чтобы я считала себя тем, что я на самом деле. И поэтому я в конце концов согласилась на эти три месяца. Чтобы доказать ему раз и навсегда. — Она вдруг настороженно взглянула на Причарда, не улыбается ли он. — Вам смешно?

— Ну что вы, — ответил он, — я просто думаю о всех тех людях, с которыми у меня расходится мнение относительно моей особы. Есть от чего прийти в ужас. — Он смотрел на нее задумчиво, но она не знала, серьезно ли он говорит. — А какая вы, по-вашему?

— Я еще не совсем разобралась, — медленно сказала

Констанс.— Не знаю, какой хочу быть. Я хочу быть человеком, которому можно верить, не хочу быть беспомощной, не хочу быть жесткой.. и хочу идти по правильному пути.— Она пожала плечами, совсем смутившись.— Маловразумительно, правда?

— Правда,— согласился Причард,— но замечательно.

— Ну, пока еще во мне нет ничего замечательного,— возразила она.— Может быть, лет через десять... Я еще не до конца разобралась в себе.— Она нервно засмеялась.— Правда, хорошо — через несколько дней вы уедете, мы никогда больше не увидимся, и сейчас я могу говорить с вами вот так.

— Правда,— сказал он,— правда, хорошо.

— Я так давно ни с кем не говорила. Наверное, это ром.

Причард улыбнулся.

— Готовы ко второй чашке?

— Да, спасибо.

Она смотрела, как он наливает чай, и вдруг с изумлением заметила, что у него дрожит рука. «Наверное, он из тех, кто во время войны привык пить по бутылке виски в день»,— подумала она.

— Итак,— сказал Причард,— завтра мы заберемся на самую вершину.

Он понял, что она больше не хочет говорить о себе, и перевел разговор, и она была благодарна ему за это.

— Но как же вы... А ваша лодыжка?

— Доктор сделает мне укол новокаина, и на несколько часов она обретает бессмертие.

— Ну что ж,— сказала Констанс, глядя, как он наливает чай, как дрожит его рука.— Значит, утром?

— Я не катаюсь по утрам.— Он добавил в чай рому и понюхал его с видимым удовольствием.

— Что же вы делаете по утрам?

— Собираюсь с силами и пишу стихи.

— О! — Она неуверенно взглянула на него.— Может быть, я знаю вас?

— Нет,— ответил он.— На следующее утро я их рву.

Констанс засмеялась немного неуверенно, потому что до сих пор ее знакомыми поэтами были лишь пятнадцатилетние мальчишки из приготовительной школы.

— Господи,— сказала она,— какой же вы чудак.

— Чудак? — Он поднял брови.— Ведь это, кажется, считают немножко неприличным в Америке? То есть когда мужчина с женщиной.

— Иногда,— смутилась Констанс,— но сейчас я хотела сказать другое. Какие стихи вы пишете?

— Лирические, элегические и атлетические. Во славу юности, смерти и анархии. Рвутся отлично. Данайте сегодня вечером пообедаем вместе.

— Зачем?— спросила она, растерявшись, что он так перескакивает с одного предмета на другой.

— В Европе ни одна женщина не задала бы такого вопроса.

— Я сказала в отеле, что буду обедать у себя.

— Я пользуюсь в отеле большим влиянием. Не исключено, что даже смогу убедить официанта не носить вам обед наверх.

— Да, но как же,— возразила Констанс,— как же та дама, с которой вы обедали всю неделю, та француженка?

— Неплохо,— улыбнулся Причард.— Значит, вы тоже наблюдали за мной.

— В ресторане всего пятнадцать столиков,— смутилась она,— что же тут удивительного...

Француженке было не меньше тридцати лет, у нее были короткие пышные волосы и неправдоподобно тонкая талия. Она носила короткие брюки и свитеры, туго стянутые блестящим поясом, и они с Причардом всегда очень много смеялись каким-то своим шуткам, сядя каждый вечер за одним и тем же столиком в углу. Когда Констанс была в одной комнате с француженкой, она чувствовала себя слишком молодой и неуклюжей.

— Француженка — добрый друг,— сказал Причард,— но англосаксы для нее, как она говорит, недостаточно пиансё. Французы — патриоты до последней простыни. И кроме того, завтра приезжает ее муж.

— Пожалуй, мне не стоит менять своих планов,— ответила Констанс холодно и встала.— Вы готовы?

С минуту он смотрел на нее долгим взглядом.

— Вы очень красивы,— сказал он,— иногда невозможно удержаться и не сказать вам об этом.

— Пожалуйста,— сказала она.— Пожалуйста, мне правда уже пора.

— Конечно.— Он встал и положил деньги на стол.— Как скажете.

Они молча прошли сто ярдов, отделявших их от отеля. Было уже совсем темно и очень холодно, и дыхание их замерзло на лету, превращаясь в маленькое облачко.

— Я поставлю ваши лыжи,— сказал он у двери отеля.

— Благодарю вас,— ответила она низким голосом.

— Спокойной ночи. И напишите хорошее письмо.

— Постараюсь.

Она повернулась и вошла в отель.

Поднявшись в комнату, она сняла ботинки, но не стала переодеваться. Не зажигая света, лежала она на кровати и думала, глядя на темный поток: «Никто никогда не говорил мне, что англичане такие...»

«Мой хороший,— писала Констанс,— прости, что я не писала тебе, но погода сейчас изумительная, и я на некоторое время с головой ушла в повороты и в борьбу с глубоким снегом... Здесь есть один молодой человек, англичанин,— добросовестно писала она,— очень славный. Он любезно предложил мне быть моим инструктором, и можно сейчас без преувеличения сказать, что дело у меня идет на лад. Он был в авиации; отец у него утонул, а мать погибла во время бомбежки...»

Она остановилась. Нет, кажется, я хитрю, как будто хочу скрыть что-то за вывеской несчастной семьи погибших патриотов. Она скомкала письмо и бросила его в корзину, потом взяла чистый лист бумаги. «Мой хороший...» — написала она снова.

В дверь постучали, и Констанс крикнула: «Ja».

Дверь открылась, и вошел Причард. Она удивленно подняла глаза. За все три недели он ни разу не был у нее в номере. Растерявшись, она стояла в одних чулках посреди комнаты, где все было заброшено после прогулки на лыжах — ботинки возле окна, свитер брошен на спинку стула, на батарее сушатся перчатки, возле двери ванной висит парка, и с воротника ее струйкой стекает растаявший снег. Приемник был включен, и американский джаз играл «Бали Ха-и», которую передавала военная станция из Германии.

Причард улыбнулся ей, стоя у открытой двери.

— Ага,— сказал он,— тот самый уголок чужой комнаты, где всегда будет жить студентка.

Констанс выключила приемник.

— Простите,— она беспомощно махнула рукой, чувствуя, что волосы у нее не причесаны.— У меня такой разгром.

Причард подошел к письменному столу и стал рассматривать стоящий там портрет Марка в кожаной рамке.

— Ваш корреспондент?

— Мой корреспондент.

На столе стояла открытая коробка с бигуди, валялась машинка для загибания ресниц и полплитки шоколада, и Констанс стало стыдно, что она представляет Марка Причарду в такой легкомысленной обстановке.

— Он очень красив.— Причард прищурился.

— Да.

Констанс нашла и надела мокасины, и ей стало немножко легче.

— У него серьезный вид.— Причард отодвинул коробку, чтобы лучше рассмотреть Марка.

— Он действительно очень серьезный,— сказала Констанс.

За все три недели, что они катались с Причардом на лыжах, она ни словом не обмолвилась о Марке. Они болтали о чем угодно, но по молчаливому соглашению почему-то никогда не вспоминали Марка. Каждый день они вместе катались с горы и много говорили о том, что нужно всегда обязательно наклоняться вперед и падать, расслабив мышцы, о том, как Причард учился в закрытой школе в Англии, о его отце, о лондонских театрах и американских писателях, о том, как чувствует себя человек в двадцать лет и когда он уже прожил тридцать, о рождественских праздниках в Нью-Йорке, о воскресном футболе в Принстоне, и даже однажды у них разгорелся решительный спор о мужестве, после того как Констанс испугалась, съезжая как-то вечером вниз по крутому склону, когда солнце уже садилось и в горах не было ни души. Но никогда они не говорили о Марке,

Причард отвернулся от портрета.

— Не нужно было обуваться ради меня,— сказал он, кивнув на мокасины.— Когда катаешься на лыжах, самое приятное снять потом эти чертовы тяжеленные башмаки и ходить по теплomu полу в шерстяных носках.

— Я все время воюю с собой, чтобы не быть неряхой. Они молча стояли и смотрели друг на друга.

— Ах,— спохватилась Констанс,— садитесь, пожалуйста.

— Спасибо,— вежливо ответил Причард и сел в единственное кресло.— Я зашел на минуту. Попрощаться.

— Попрощаться,— повторила она, не понимая.— Куда же вы собираетесь?

— Домой. По крайней мере в Англию. И мне захотелось оставить вам адрес.

— Обязательно,

Он протянул руку за листком бумаги и стал писать ее ручкой.

— Это всего лишь отель. Пока не найду себе жилья.— Он положил листок на стол и сказал, вертя ручку: — У вас будет еще один человек, которому можно писать письма. Английский корреспондент.

— Да.

— Вы можете писать мне, какой сейчас снег, сколько раз вы съехали сегодня с горы и кто напился в баре сегодня вечером.

— Как неожиданно...

Почему-то ей никогда не приходило в голову, что Причард может уехать. Он жил здесь, когда она приехала, казалось, он родился в этом городке, и для нее он так слился со всей его обстановкой, что она не могла себе представить, как можно жить здесь без него.

— Да нет, не так уж неожиданно,— Причард встал.— Я хотел поирозаться наедине.

Она подумала, что он, наверное, поделует ее. За все три недели он ни разу не взял ее за руку и прикасался к ней, только помогая встать после особенно жестокого падения. И сейчас он тоже стоял неподвижно, странно улыбаясь и вертя ручку, необычно молчаливый, как будто ждал, что она что-то скажет.

— Ну, вот и все,— сказал он наконец.— Я вас еще увижу?

— Да.

— Мы устроим прощальный обед. В меню сегодня телятина, но я постараюсь, чтобы нам дали что-нибудь получше в честь предстоящего события.

Он осторожно положил ручку на стол.

— До вечера.

Констанс смотрела на закрытую дверь. Все уходит, подумала она. И вдруг рассердилась. Она понимала, что сердиться глупо — как ребенок, который огорчен, что кончился праздник в день рождения, — но ничего не могла с собой поделать. Она оглядела комнату. Все разбросано, везде беспорядок, как в комнате глупой неряхи школьницы. Констанс нетерпеливо тряхнула головой и принялась наводить порядок: вынесла в холл ботинки, повесила парку в шкаф, отнесла коробку с бигуди в ванную и отдала полплитки шоколада горничной. Потом она поправила одеяло на кровати, выбросила все, что было в пепельнице, и, повинуясь неожиданному побуждению бросила машинку для загибания ресниц в мусорную корзинку. Как можно заниматься такими пустяками, подумала она.

К обеду Причард заказал бутылку бургундского, потому что швейцарские вина, сказал он, слишком легки для прощания. Они мало говорили за обедом. Было так, будто он уже уехал наполовину. Раза два Констанс готова была начать благодарить его за то, что он так терпеливо учил ее кататься с гор, но почему-то не могла сказать ни слова, и обоим становилось все тяжелее. Причард заказал бренди к кофе, и Констанс тоже выпила немного, хотя от бренди у нее всегда бывала изжога. Пока они пили бренди, пришел оркестр из трех музыкантов, начались танцы, и теперь уже нельзя было разговаривать, потому что стало слишком шумно.

— Хотите танцевать? — спросил он.

— Нет.

— Вот и отлично — я терпеть не могу танцы.

— Давайте уйдем отсюда, — сказала она. — Давайте пройдемся.

Они пошли к себе надеть что-нибудь теплое, и когда Констанс спустилась вниз в ботинках и шубке изнутри, подаренной ей в прошлом году отцом, Причард ждал ее на улице у двери, прислонившись к перилам крыльца. С минуту она смотрела на него. Потом он повернул голову, и ее поразило, какое у него усталое и неожиданно старое лицо, когда он не знает, что за ним наблюдают.

Они пошли вниз по главной улице, и музыка оркестра звучала все тише. Была ясная ночь, над горами горели яркие голубые звезды. На вершине горы, где кончался *téléphérique*, однако светился огонек — там стоял домик, в котором можно согреться перед спуском и выпить горячего пуншу с блисквитами.

Они дошли до самого конца улицы и свернули на тропинку вдоль темного катка. Свет звезд слабо отражался от ледяной поверхности, журчала вода в бегущем рядом с катком ручье, который почти никогда не замерзал.

На занесенном снегом мостике они остановились, и Причард закурил сигарету. Теперь огни города была далеко. Вокруг в черной тишине стояли деревья. Причард закинул голову назад и протянул руку к огоньку на вершине горы. Дым его сигареты медленно подымался вверх.

— Какая жизнь, — сказал он, — там, наверху, у этой пары. Ночь за ночью всю зиму одни на вершине, в ожидании, когда настанет утро и придет жизнь. — Он слова затаил. — А знаете, они ведь не женаты. Только швейцарцам могло прийти в голову посадить вот так на вершину горы двух неженатых людей. Он старик, а она рели-

гиозная фанатичка, и они ненавидят друг друга, но ни один ни за что не согласится переменить работу, чтобы не доставить другому удовольствия.— И он засмеялся, глядя вместе с Констанс на яркую точку в вышине.— В прошлом году был буран, электрические провода упали в снег, подъемник не работал целую неделю, и им пришлось прожить там одним шесть дней и шесть ночей. Печь топили стульями, питались шоколадом и консервированным супом и за все время не сказали друг другу ни одного слова.

Причард задумчиво смотрел на далекий огонек высоко на вершине.

— Отличный символ для стран нашего континента, правда? — тихо сказал он.

И вдруг Констанс поняла, что она должна сказать.

— Ален,— она встала прямо перед ним,— я не хочу чтобы вы уезжали.

Причард сгряхнул пепел.

— Шесть дней и шесть ночей. Вот что значит жестокое сердце.

— Я не хочу, чтобы вы уезжали.

— Я здесь уже давно. Весь лучший снег достался мне.

— Я хочу, чтобы вы женились на мне,— сказала Констанс.

Причард поднял на нее глаза. Она видела, что он пытается улыбнуться.

— Чудесно, когда тебе двадцать,— сказал он.— Можно говорить вот так.

— Я сказала, что хочу, чтобы вы женились на мне.

Причард швырнул сигарету, и она долго потом тлела на снегу. Он шагнул к ней, обнял ее и поцеловал. Она почувствовала легкий запах бренди на его губах. Потом он опустил руки, отступил на шаг и застегнул ей шубу, как заботливая няня ребенку.

— Бывает в жизни и такое.— Он медленно покачал головой.

— Ален...

— Беру свои слова назад,— сказал он,— вы совсем не похожи на девиц, которые рекламируют мыло и пиво.

— Пожалуйста,— сказала она,— не нужно так.

— Что вы знаете обо мне? — Он резко смахнул снег с перил мостика и оперся о них, отряхивая руки.— Неужели вам не говорили, каких молодых людей вы можете встретить в Европе?

— Не сбивайте меня,— сказала она.— Пожалуйста,

— А как же тот парень в кожаной рамке?

Констанс глубоко вздохнула, чувствуя, как холодный воздух покалывает легкие.

— Не знаю,— ответила она.— Он далеко.

— Забыт.— Причард невесело засмеялся.— Забыт, и память смыта океаном.

— Дело не только в океане.

Они шли молча и слушали, как снег скрипит под ногами. Над горами всходила луна, снег молочно светился под ее лучами.

— Вам предстоит услышать обо мне нечто,— тихо сказал Причард, глядя на свою длинную тень впереди на тропинке.— Я был женат.

— О,— Констанс старательно ступала в следы тех, кто прошел по тропинке до нее.

— Женат не особенно всерьез.— Причард поднял голову.— Два года назад мы развелись. Что вы скажете сейчас?

— Это ваше дело.

— Нет, я обязательно должен как-нибудь побывать в Америке,— засмеялся Причард.— Там выводят новую породу.

— И все?

— Дальше совсем худо. У меня нет ни фунта. Я с самой войны не работал и жил на то, что осталось от драгоценностей матери. Их и вообще-то было немного, а на прошлой неделе я продал в Цюрихе последнюю брошь. Хотя бы из-за этого мне придется уехать. Видите,— сказал он, горько улыбнувшись,— какой вы сделали завидный выбор.

— Это все?

— Разве этого мало?

— Да.

— Я никогда не смог бы жить в Америке,— сказал Причард.— Я старый летчик, у которого заглох мотор, я ужасно устал, у меня нет ни гроша за душой, мне нечего делать в Америке. Вот и все. А теперь идемте.— Он быстро взял ее под руку, не желая продолжать разговор.

— Уже поздно. Идемте обратно.

Констанс не двинулась с места.

— Вы не все мне рассказали.

— Разве этого не довольно?

— Нет.

— Ну что ж,— сказал он,— я не смог бы поехать с вами в Америку, даже если бы хотел.

— Почему?

— Потому что меня никто бы туда не пустил.

— Почему же?

— Потому что я — добыча червей.

— О чем вы говорите?

— Швейцария — страна для людей со слабым здоровьем, — сказал он резко. — По этой же причине Д. Г. Лоренса¹ выгнали из Нью-Мексико и заставили умирать на Ривьере. Их нельзя винить. У них хватает своих болезней. А теперь идемте обратно.

— Но вы кажетесь таким здоровым. Вы катаетесь на лыжах...

— Здесь все умирают в расцвете сил и здоровья. Мне становится то лучше, то хуже. Сейчас я почти здоров, а через год, — он пожал плечами и беззвучно рассмеялся, — а через год — почти неизлечим. Врачи отворачиваются, когда видят, как я поднимаюсь в горы. Идемте домой, — сказал он снова. — Я не для вас. Я выдохся. А вы полны сил. Союз был бы слишком неравным. Мы идем обратно?

Констанс кивнула. Они шли медленно. Сейчас в городе на склоне горы погасли почти все огни, но в ясном ночном воздухе до них долетали далекие, слабые звуки оркестра, игравшего в отеле.

— Мне все равно, — сказал Констанс, когда показались первые дома. — Что бы вы ни говорили, мне все равно.

— Когда мне было двадцать лет, — сказал Причард, — когда мне было двадцать лет, я тоже сказал так однажды.

— Во-первых, поговорим серьезно. Чтобы остаться здесь, вам нужны деньги. Я вам дам их завтра.

— Я не могу взять ваших денег.

— А они вовсе не мои, — ответила Констанс, — они папины.

— Англия всегда будет вашей должницей. — Он попытался улыбнуться. — Осторожнее со мной.

— Почему?

— Боюсь, я начинаю чувствовать, что жить стоит.

— Разве это плохо?

— Для тех, кто обречен, — прошептал Причард, неловко обнимая ее, — это может оказаться смертельным.

Когда они проснулись утром, то были очень торжественны сначала и бессвязно говорили о погоде, которая

¹ Известный английский писатель.

сквозь неплотно закрытые шторы казалась серой и неопределенной. Но потом Причард спросил: «Ну и что ты чувствуешь?» И когда Констанс задумалась и, нахмурив брови, чтобы не ошибиться, сказала: «Я чувствую себя ужасно взрослой», он не удержался и захохотал, и вся их торжественность исчезла. Они тихо лежали и говорили о себе, о своем будущем — как нищие, и Констанс беспокоилась, хотя и не очень сильно, что они шокируют прислугу. Но Причард сказал, что беспокоиться не о чем: что бы иностранцы ни сделали, они не могут шокировать швейцарцев, и Констанс очень обрадовалась, что находится в такой цивилизованной стране.

Когда они стали говорить о свадьбе, Причард сказал, что они поедут венчаться во французскую часть Швейцарии, потому что он не хочет жениться в пемецкой, и Констанс подумала, как это ей самой не пришло в голову.

Потом они решили, что нужно одеваться, потому что нельзя же всю жизнь пролежать в постели, и у Констанс на миг больно сжалось сердце, когда она увидела, какой он худой. Она подумала, как заговорщик: «Яйца, молоко, масло, отдых...»

Они вышли из комнаты вместе, полные решимости подавить всех своей наглостью. Но ни в коридоре, ни на лестнице никого не было, так что им было приятно вдвойне — оттого, что они ни от кого не прятались и оттого, что их никто не видел, — и Констанс сочла это добрым знаком. Оказалось, что уже почти полдень, и они сначала выпили киршвассера, а потом им принесли апельсиновый сок, яичницу с беконом и чудесный черный кофе в сверкающей чистотой столовой, где стены были отделаны деревянными панелями, и вдруг у Констанс глаза наполнились слезами, и, когда Причард спросил, почему она плачет, она сказала: «Я думаю обо всех завтраках, которые мы будем есть вместе». Причард смотрел на нее, и у него тоже заблестели слезы в глазах, и Констанс сказала:

— Знаешь, ты должен часто плакать, хорошо?

— Зачем? — спросил он.

— Потому что это так не по-английски, — сказала она, и оба засмеялись.

После завтрака Причард сказал, что хочет немного покататься, и спросил Констанс, пойдет ли она с ним, но она ответила, что не может кататься на лыжах сегодня, потому что в душе у нее все слишком гармонично. Причард ухмыльнулся при слове «гармонично».

Она сказала, что будет писать письма, и лицо у него стало серьезным.

— Если бы я был джентльмен,— сказал он,— я бы немедленно написал твоему отцу и объяснил ему все.

— Посмей только! — Она не на шутку испугалась, потому что знала — получив такое письмо, отец прилетит со следующим же самолетом.

— Не бойся,— сказал он,— я не настолько джентльмен.

Она посмотрела, как он легко шагает в своем красном свитере по сугробам, беспечный, как мальчишка, потом пошла к себе и написала Марку, что все обдумала и решила, что они ошиблись, пусть он простит ее. Она ничего не сказала ему о Причарде, потому что Марку не было до него никакого дела. Она писала письмо спокойно и ничего не чувствуя, ей было уютно в теплой комнате.

Потом Констанс написала отцу, что рассталась с Марком. Ему она тоже не рассказала о Причарде, потому что не хотела, чтобы он прилетел к ней первым же самолетом. Не написала она и слова и о том, собирается ли домой. Со всем этим можно было подождать. Она запечатала конверты, легла помечтать и отдохнуть и крепко проспала больше часа. Потом она надела шубку и пошла на почту отправить письма, дошла до катка и посмотрела, как катаются дети, а возвращаясь в отель, зашла в спортивный магазин и купила Причарду легкий желтый свитер, потому что скоро солнце начнет сильно греть и в зимних вещах будет слишком жарко.

Она спокойно ждала Причарда в баре, и вдруг кто-то сказал, что он умер.

Никто не пришел к ней и не рассказал, что Аллен разбился, потому что никто не знал, что нужно было рассказать ей.

В баре сидел лыжный инструктор, с которым Причард иногда катался, и говорил каким-то американцем: «Он потерял управление, не рассчитал и налетел на дерево. Через пять минут он умер. Отличный был парень,— лыжный инструктор выучился английскому языку у своих учеников-англичан еще до войны,— но отчаянный. Для такой скорости ему не хватало техники».

Судя по тону инструктора, нельзя было сказать, что он считает смерть на лыжах обычным делом, однако он не был удивлен. Как и все его друзья, он переломал себе немало костей, налетая на деревья и каменные стены и падая летом, когда ходил проводником с альпинистами, и сейчас в голосе его звучало убеждение, что время от времени люди должны расплачиваться с горами за свои недостатки в технике и что это неизбежно и справедливо.

Констанс осталась на похороны. Она шла за покрытыми черным саями сначала в церковь, потом к яме и снегу; земля оказалась неожиданно темной после безупречной зимней белизны. Из родных никто не приехал, потому что приезжать было некому. Однако бывшая жена заказала телеграммой цветы. Пришло много местных жителей — всего лишь друзья, — пришло несколько лыжников — случайных знакомых Причарда, и можно было подумать, что Констанс тоже одна из них.

У могилы лыжный инструктор сказал со свойственной всем учителям профессиональной привычкой повторять: «Для такой скорости ему не хватало техники».

Констанс не знала, что ей делать с желтым свитером, и в конце концов отдала его горничной для ее мужа.

Через восемь дней Констанс была в Нью-Йорке. Отец встречал ее на пристани. Она подняла руку, он тоже помахал ей в ответ, и даже издали было видно, как он рад, что она вернулась. Они поцеловались, когда она спустилась по трапу, он крепко обнял ее, потом отстранился и, с восхищением глядя на нее, сказал:

— Честное слово, ты чудесно выглядишь! Вот видишь... — продолжал он, и ей было неприятно, что он это говорит, хотя она и понимала, что он не может иначе — вот видишь кто был прав? Разве я не знал, что говорю?

— Да, папа, — сказала она, думая: «Как я могла когда-то сердиться на него? Он не глупый, не злобный, не эгоист, который ничего не понимает, он просто совсем одинокий».

Держа Констанс за руку, как он держал ее, когда она была маленькой девочкой и они ходили вместе гулять, он повел ее в таможню, и они стали ждать, когда с парохода снимут чемоданы.

Содержание

ЛЮСИ КРАУН. Перевод *А. Герасимова*

Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая

РАССКАЗЫ

В НАШ РАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЕК. Перевод
А. Симонова.

ТРИ МЕСЯЦА. Перевод *Ю. Жуковой*

Шоу И.

Ш 81 Собрание сочинений Т. 1. Люси Краун. Роман; рассказы. Пер. с англ.— М.: Хорт, 1991.— 288 с.

Ш 4703000000-001
Б89(03)-91 подписное

ББК 84.7 США

Ирвин Шоу
ЛЮСИ КРАУН

**РОМАН
РАССКАЗЫ**

Худ. редактор Л. Европейцев
Художник Г. Бойко
Корректоры: А. Богатырева
Т. Крылова

Сдано в набор 17.04.91. Подписано в печать 12.08.91. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Тираж 200 000 экз. Заказ 1440. Цена 11 руб.

2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

